

Роман Бадалов

Днджи-наме:

рассказы о горских евреях

Тель-Авив, 2004

*Посвящается
Государству Израиль
и внуку Роме*

Роман Бадалов

Анджи-наме:
рассказы
о горских евреях

Тель-Авив, 2004

*«Следуя в большинстве случаев движению звезд,
я взирал неким образом в Огненное Зеркало»*

(Мишель Нострадамус)

*«Человек, который не интересуется своими со-
братьями, испытывает самые большие труднос-
ти в жизни и причиняет самый большой вред ок-
ружающим».*

(Альфред Адлер, известный психолог,
автор знаменитой книги

«Что должна означать для вас жизнь?»)

Авторская благодарность

Выражаю сердечную признательность первому мэру из кавказских Симхе Есипову, ответственному сотруднику ирии Ор-Акивы Роберту Абрамову, заместителю мэра Кирьят-Гата Якову Ифраимову, выдающемуся спортсмену и общественному деятелю Ами Ниву (Нувахову), заместителю мэра фронтового города Сдерот Анатолию Нахшуну за внимание и поддержку в издании этой книги.

Роман Бадалов,

член Союза писателей Израиля

© Роман Бадалов

Телефон для справок **050-755-60-59**

Все права принадлежат автору. Перепечатка, переиздание целиком или по частям, переводы на другие языки не разрешаются без письменного согласия автора.

Израиль, Тель-Авив, 2004

Роман Бадалов: доктор кавказоведения

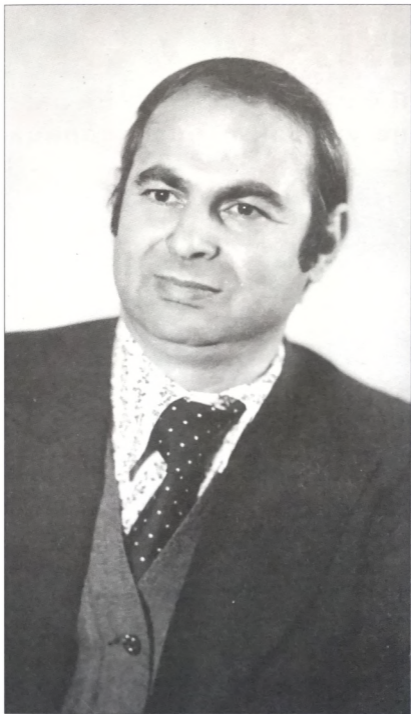
Роман Бадалов, или как его справедливо называют в Израиле, доктор Бадалов, — известный поэт, прозаик и журналист. Член союза писателей Израиля. Его творчество давно знакомо и российскому, и израильскому читателю. Он — автор ряда интересных книг прозы и поэзии, среди кото-

рых наиболее известны «Иду на огонь», «Живу на войне», «Кавказские тосты» и «Похищение Семендера». В свое время, две книги автора были представлены на соискание государственных премий в области литературы. На родине исхода это «Иду на огонь», здесь, на новой родине, «Живу на войне».

На литературном поприще Роман Бадалов дебютировал, как поэт. Это было еще в начале 60-х годов. Он был самым юным делегатом на Первом съезде молодых писателей Дагестана. Его стихи печатались в толстых и тонких журналах, таких, как «Звезда Востока», «Форум» — литературный альманах, имеющий статус международного издания. Роман Бадалов активно сотрудничал с такими известными журналами, как «Москва», «Нева», «Октябрь».

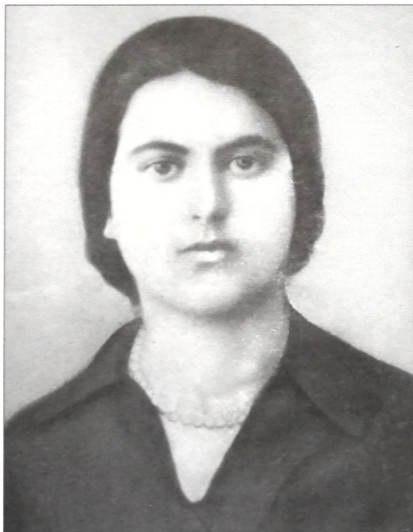
Как публицист печатался в «Литературной газете», в «Известиях», «Комсомольской правде», «Российской газете» и во многих других изданиях. С 1995 года живет в Израиле, активно работая и, как писатель, и, как журналист. В каком-то смысле, он автобиографичен. Его стихи и проза — это своеобразная исповедь человека, живущего среди людей, человека, знающего цену добру и слову и человеческому достоинству. В них ярко и четко обозначен кавказский темперамент с его открытостью и теплотой. Роман Бадалов — интернационалист по духу и своему мировоззрению. И тем не менее, кавказская тема остается для него главной. Свидетельством тому названия самих его книг: «Кавказские тосты», «Кавказские хроники»

И вот новая, еще пахнущая типографской краской: «Анджи-наме»: рассказы о горских евреях». Это тоже хроники. Хроника человеческих судеб, взлетов и борьбы за место под солнцем. А еще и летопись. Летопись из жизни людей давно ставшими легендой.

МАРУСЭ

Повесть о матери:
не умирай раньше солнца

Мария Ифраимова в молодые годы

В последние годы жизни

Глава 1

Лицом к лицу со смертью

*Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной, вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.*
(М. Ю. Лермонтов. «Демон»)

Мария стояла у самой кромки огромного и темного рва, крепко держа за руку маленького сынишку Ромку, который своим детским существом не понимал, что происходит, и бесконечно задавал матери один и тот же вопрос: «Мама, куда мы идем? Я хочу домой...»

Марии было всего двадцать четыре. Слева и справа в ровную линейку выстроились такие же несчастные, как она, люди: молодые женщины, старики, дети. Все они были обречены. Сейчас прозвучат выстрелы, и все закончится. Прощай молодая жизнь, любимый сынишка, родители, которые ждут ее возвращения... Еще минута — и все закончится... Но она боялась не за себя, не за эту, так ни за что погубленную молодость, и совсем не думала о смерти — она не пугала Марию.

— Ромка, мальчик мой! Как спасти тебя?..

Эта и только эта мысль очень больно, словно каленым железом, пронзала голову. Минута тревожного ожидания казалась ей вечностью. Это в обычной обстановке, в обычной суете жизни минута кажется мигом. А здесь, у финишной черты, стоя на краю кровавой могилы, где в затылок тебе холодным взглядом смотрят десятки стволов вражеских автоматов, время остановилось, и ожидание конца было тревожным и мучительным.

Мария уже однажды, летя в Москву накануне войны, испытала нечто подобное: ожидание неминуемой смерти. Самолет, на котором она летела, вдруг «заклинило», и он

начал стремительно падать. Это была служебная командировка — Мария летела на курсы повышения квалификации молодых учителей. Все напоминало кошмарный сон. В самолете началось невообразимое: люди плакали, кричали... Мария не кричала и не плакала. Она перебирала в памяти свою коротенькую жизнь, кадры которой молниеносно всплывали в ее воображении. А потом, вдруг, самолет вышел из пике, выровнялся и резко взмыл вверх для набора высоты. Все тогда обошлось. Выявилась какая-то техническая неисправность. Спасибо Всевышнему и экипажу, который в этой критической ситуации не растерялся и до конца боролся за спасение людей. Теперь Мария каждый год отмечала это как свой второй день рождения.

И вот опять эта роковая встреча со смертью, этот проклятый, зияющий черной бездной ров, который вот-вот должен принять ее и маленького Рому в свои холодные объятия. Все получилось как-то нелепо. Она в сердцах и ругала, и оправдывала себя. Ругала за то, что так по-глупому попала в руки полицаев. Надо было послушать теть Сару и не выходить из дома. А с другой стороны, не выйти — значит, умереть голодной смертью: в доме с больной и одинокой тетей, к которой она приехала несколько месяцев назад, чтобы присмотреть за ней и выходить, не оставалось уже почти ни крошки хлеба. И Мария решила сбежать на «толчок» — местный рынок, который даже в те кошмарные дни войны был в Нальчике единственным местом, где можно было обменять что-то из барахла на хлеб и продукты. На деньги уже давно никто ничего не давал. Со дня своего приезда в Нальчик, Мария уже не раз совершала такие «рейды» по добыче продуктов, хотя хорошо знала, что это было очень рискованным предприятием: Нальчик постоянно обстреливался гитлеровцами из дальнобойных орудий. Случались и налеты вражеских самолетов. Она понимала, что попала в западню, и что им отсюда не вырваться. С каждым днем фашисты все плотнее сжимали город в кольце окружения. Мария ругала себя за то, что не сообразила вовремя выехать

с тетей назад, в Махачкалу, когда это еще можно было сделать. Но почему-то, сама того не понимая, откладывала это: побуду еще день-два и уедем, — рассуждала Мария. Ей и в голову не приходило, что события в городе, да и вообще на Северном Кавказе развернутся так стремительно и с такой непредсказуемостью. Хотя она и корила, и ругала себя на чем свет стоит, за свою нерасторопность и промедление, за роковую ошибку, тем не менее, она отчетливо осознавала, что такой вояж в те дни был невыносим: тетя была прикована к постели. Надо было выхаживать ее, присматривать, как за грудным ребенком. В таком состоянии и речи не могло быть о каком-то выезде. Это и остановило Марию, которая, в общем-то, планировала свой приезд всего на несколько дней с одной целью: забрать тетю Сару. Она вышла на улицу не ради себя и даже не ради Ромки, который был очень голоден и все время просил что-нибудь поесть. Она очень хотела попасть на базар в надежде, что ей удастся обменять свое последнее выходное платье, которое ей очень нравилось и было к лицу, на что-нибудь съестное, на какие-нибудь продукты, чтобы как-то поддержать здоровье тети, которая все еще не могла встать с постели.

Шел октябрь 1942 года. А точнее, это был конец октября. Мария на всю жизнь запомнила эту печальную дату: 29 число рокового месяца. До базара, вроде, рукой подать... На этот раз тетя и соседи по дому, как никогда прежде уговаривали Марию никуда не выходить. У тети, видимо, было какое-то предчувствие неминуемой беды: «Мария, родная моя, останься. Не ходи на эту проклятую толкучку. Что-то мне не по себе. Лучше останься дома...»

На все уговоры Мария успокаивающе отвечала: «Ну, что ты, тетя Сара, волнуешься? Я мигом. Одна нога здесь, другая — там. На крыльях полечу и прилечу. Ты же знаешь, что я крылатая... Все будет хорошо... Ведь я иду в город не в первый раз. Все обойдется».

Ничто не предвещало беды. Мария спокойно прикрыла калитку и, как в былые мирные дни, ровным шагом, не торопясь, направилась вместе с Ромкой в сторону централь-

рального рынка и... ей вдруг вспомнились те ужасные дни, когда в город входили немцы. Улицы тогда пустели на глазах. Стрекотали бесконечные автоматные очереди, и Мария увидела группу красноармейцев, которые, отстреливаясь, спешно покидали город. Один из них стал объяснять ей, как лучше и безопаснее пройти к дому. Но сделать это Марии не удалось. Она бежала к дому, взяв Ромку на руки, страх сковывал ноги, порой ей казалось, что они налиты свинцом. Но Мария, все-таки, продолжала бежать, хотя получилось это совсем не так быстро, как ей хотелось.

И она почувствовала какой-то зловещий страх и бросилась в суматохе совсем не туда, Мария перепутала улицу, ведущую к дому, и не ведая того, направилась совсем не в ту «степь»: бежала в обратную сторону. Бежала, что есть сил. А сзади, лихо обгоняя, мчались немецкие мотоциклисты.

Марией стало овладевать сомнение: почему она так долго идет к дому? Почему? Не уж-то разбомбили? Не может быть... Ведь она только что вышла из него. Всего несколько минут ходьбы... А тут она бежит уже целых полчаса. Наконец, до нее дошло: она просто заблудилась, как маленькая девочка в дремучем лесу.

И вдруг — этот пронзительный окрик: «Стой!» Мария поняла, что это конец. Она крепко стиснула маленькую и теплую ладонь Ромки, который страшно испугался окрика полица и стал плакать. Мария нежно поцеловала испуганного сынишку и почти прошептала — «Не плачь, Ром. Не бойся, мама с тобой!»

Полицаи приблизились почти вплотную, и один из них, заметно искажая русские слова, прорычал: «Какая красифая курфа!»

Мария крепко стиснула Ромку в своих объятиях, словно боясь, что этот непрощенный гость может в любую минуту вырвать у нее мальчика. Полицай нагло пожирая выпуклыми лягушачьими глазами молодую женщину, жизнь которой теперь полностью была в его руках, снова повторил: «Какая красифая курфа! Куда бегиш? Ты не партисан?»

Полицай был не один. Около него, словно из-под земли, появилось множество мордатых и рыжеволосых фашистов, готовых в любую минуту разорвать на части кого угодно. Старший полицай схватил Марию за локоны и стал больно дергать то в одну, то в другую сторону. Боль была нестерпимой, и она закричала, пытаясь хоть как-то увернуться от мучителя. Больше всего Мария боялась того, что полицай может по-своему успокоить Ромку, который всем своим детским существом чувствовал боль, причиненную маме, и плакал не переставая. Это могло пощекотать нервы брюхатого мордоворота. А тут, вдобавок ко всему, один знакомый по городу тип, вор в законе, который теперь исправно обслуживал новую власть, закричал — Я ее знаю! — завопил он в ярости. — Это жидовка! Юде, юде!

Услышав это, старший полицай пришел в неопишное бешенство, словно в его ляжку вцепилась бродячая собака.

— Юде?! Еп тфую мат!..

Видимо, мордоворот был хорошо знаком с вульгарным жаргоном великого русского языка.

Ненависть подступила к горлу Марии. Не отдавая себе отчета в том, что делает, и не понимая, откуда взялись силы, она ногой, со всего размаха ударила своего мучителя промеж ног, в самый пах. От страшной боли фашист завыл, как смертельно раненый волк. Но тут Мария почувствовала сильный удар в спину: прикладом автомата ее огрел кто-то из полицейской свиты. Старший продолжал вить, а Марию под усиленной охраной повели к грузовым машинам, в кузовах которых уже стояли многие ее знакомые из числа местных евреев, также ставшие жертвами облавы или предательства.

Мария держала себя в руках. Она хорошо понимала, что это — самый лучший выход в трагической ситуации, в которой она очутилась. Мария еще не знала, что их везут расстреливать...

Глава 2

Не умирай

*В нем было все: любовь, страданье
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье —
Прощанье с жизнью молодой.*

(М. Ю. Лермонтов. «Демон»)

И все-таки, Мария ужасно корила себя за это роковое непослушание. «Тетя была права... Была права... Зачем я не няня ее предостережению? Зачем потащила ребенка?!..»

Мария не знала, да и не могла знать, что в этот день, с самого утра, немцы устроили в городе тотальную облаву на евреев. По одной только внешности легко могли определить любого. Еще до войны многие евреи жили среди них в самой Германии. И не только жили, но и работали, учились в одних школах. О том, что помимо ашкеназских евреев существуют какие-то другие евреи, у немцев не было и понятия. Они думали, что только такие евреи и существуют. Кавказ был для них загадочной страной. И они знали только одно: здесь живут мусульмане. И если бы не предатели из числа местных жителей, то немцы никогда бы не узнали о кавказских евреях — горцах: смуглых, усатых, с густыми черным шевелюрами. Это было неким просчетом немецкой разведки, активно работавшей до войны и на Кавказе...

Генерал Дитрих был в бешенстве. Никогда прежде, даже в самые критические минуты, подчиненные не видели его таким. Он только что разговаривал с Берлином, со ставкой. С ним говорил ответственный сотрудник канцелярии генерал Гейц.

— Дитрих, — возмущался он. — Вы что, поехали на Кавказ, чтобы наслаждаться красотами природы? Или вы хотите, чтобы вас разжаловали в рядовые? Вы понимаете, о чем я говорю?

— Гейц, мой генерал, мы знаем друг друга давно, давайте говорить напрямую, называя вещи своими именами. Что случилось? В чем я провинился?

— Провинились, Дитрих, провинились! Мы получили информацию о том, что у вас под носом разгуливают евреи, а вы даже понятия не имеете об этом!..

— Какие евреи, Гейц?

— Черные, Дитрих, черные! Вы же не ребенок! Для Германии и нашего фюрера нет разницы, какого цвета собака — черного или белого... Собака есть собака!..

Разговор был очень неприятным. И Дитрих минутую отходил, хотя прежде ему приходилось слышать и видеть вещи в тысячу раз похлеще. Но неприятный осадок на душе оставался, и его настроение было вконец испорчено на целый день. Дитрих нажал на кнопку.

В кабинет влетел двухметровый адъютант.

— Вызывали?

— А что, Гельмут, ты стал плохо слышать?

— Нет, мой генерал!

— Собери всех нужных мне людей ровно на 10 вечера.

Все.

События в городе и окрестностях развивались с молниеносной быстротой. Началась настоящая охота на кавказских евреев. Особенно усердствовали предатели из числа местных жителей, хорошо знавших евреев-горцев. За поимку каждого человека немецкая комендатура объявила щедрое вознаграждение.

Несколько грузовиков, подогнанных немцами, быстро наполнялись людьми: здесь были старики, женщины, дети. Когда все машины были забиты до отказа случайными прохожими, захваченными в облаве, один из немецких офицеров с орлом на фуражке взобрался на крышу легкового авто с громкоговорителем в руке. Оглядев всех пристальным взглядом, словно хищный орел, офицер начал говорить, ломая и коверкая русские слова:

— Не беспокойтес. Мы фас не будем делать пах-пах... Мы отпрафим фас в кости на феликий Германия, там есть много работы, дома и кушат. Фсе. Ест фопрос?

— Есть! — вне себя от ярости крикнула Мария.

Офицер с орлом на фуражке удивленно поджал тонкие губы, потом медленно снял пенсне:

— Какой фопрос, фрау?

— Я живу здесь, — сказала Мария. — У меня маленький ребенок. Я хочу домой!

— Карошо, фрау. Фсе путет карошо! — произнес офицер.

— Пожалуйста, отпустите меня домой! — не унималась Мария.

— Ты что, жидовка, властям не подчиняешься?! — крикнул новоиспеченный полицай из местных, стоявший у машины — не то казак, не то балкарец. И Мария поняла, что это конец, что пути назад, к дому, уже нет.

Машины ехали долго. Колонну на легковушке сопровождал все тот-же офицер в фуражке с орлом на кокарде. Когда подъезжали к какому-то пустырю, Мария увидела огромный ров и все ее сомнения вконец рассеялись: их привезли расстреливать. Когда колонна остановилась, началось невообразимое: люди не хотели сходить с машин, их сгоняли силой, заставляли спрыгивать. Кто-то сопротивлялся, и тогда их били прикладами до потери сознания. Высадив всех, приказали делать нечто дикое: садиться, вставать, бежать, а потом повторять все это вновь и вновь...

Вскоре подъехала еще одна легковая машина в сопровождении эскорта мотоциклистов. Из нее вышел колесный, розовощекий, как деревенская баба, офицер и еще несколько сопровождающих. Высокопоставленный чин сделал жест рукой в лайковой, не по сезону, перчатке, после чего два ефрейтора вытащили из машины большой ящик. В ящике, как оказалось, были плитки шоколада. Несколько солдат стали раздавать их детям.

Мария почувствовала недоброе: с чего это фашисты вдруг решили в такое время раздавать шоколад детям своих врагов? Здесь что-то не то... Даже очень подозрительно... Такое внимание и такая щедрость. Это совсем непохоже на незваных гостей, тут какой-то подвох! И Мария ре-

шила не высовываться и, теснее прижав к себе Ромку, затесалась в толпу. Ее опасения были не напрасными, ибо спустя некоторое время, немцы уже не скрывали своих намерений. Офицер в лайковых перчатках, ехидно улыбаясь, подошел к молодой кормящей матери и, обнажив ей грудь, обмазал ее шоколадом. А затем, после этой унижительной процедуры, заставил несчастную горянку кормить ребенка. На глазах у всех младенец, едва только прикоснувшись губами к соску, вдруг замолк и перестал подавать признаки жизни. Увидя это, цветущая и красивая женщина в одно мгновение превратилась в седовласую старуху с застывшими в глазах смятением, ужасом и страхом.

На все происходящее фашисты смотрели с удовольствием, как на какой-то праздничный, увеселительный спектакль: некоторые из них даже снимали все это «шоу» на фото— и кинокамеры, чтобы потом, когда-нибудь вспомнить о своих армейских забавах в кругу близких и друзей, а может быть, даже похвастать кавказской экзотикой.

День уже подходил к концу. Вечерело. Немцы явно начали торопиться. Избитых и замученных людей стали разделять на группы. Мария попала в первую. Она решила, что ей повезло: лучше умереть сразу, чем стоять в ожидании последнего часа. Ко рву людей гнали, как скот. Мария намертво держала Ромку, прижав его к груди, и страшно боялась, чтобы мальчик не разрыдался вновь. Страх перед неминуемой смертью сковывал движение людей, однако палачи находили для таких упавших духом особое лекарство: на их головы сыпались удары автоматных прикладов. Мария приблизилась к яме. Это было что-то наподобие пропасти — настоящая бездна. У нее даже закружилась голова, и она едва устояла на ногах. Но голова кружилась не только от высоты, а, скорее, от увиденного: на дне рва лежали трупы, множество трупов. Мария невольно оглянулась и опешила: немцев сзади не было, их будто ветром сдуло. И вдруг поняла: сейчас начнется стрельба. Каратели ушли в специальное укрытие. Надеяться было не на что. Разве что, только на чудо.

«Будь что будет», — подумала Мария и, не дожидаясь выстрелов в спину, бросилась вместе с Ромкой в пустоту. Она еще летела в бездну, когда услышала частые пулеметные очереди.

К своему удивлению, Мария не разбилась — она упала вместе с Ромкой на что-то мягкое. Вокруг лежали сотни трупов. Наверное, даже в аду не было так страшно, как в этой огромной, черной могиле. Запах человеческой крови дурманил голову, а в могилу продолжали падать тела, сраженные пулеметными очередями. Временами стрельба прекращалась, потом начиналась вновь. Слышались душераздирающие крики смертельно раненых людей. Моментами Мария теряла сознание, потом приходила в себя и снова погружалась в небытие. Она крепко прижимала к себе Ромку, прилагая колоссальные усилия, чтобы не потерять себя, не раствориться в этой страшной яме, среди еще теплых трупов... Ее обуревали животный страх и мучительная тошнота от запаха человеческих тел и крови. Ромка уже не плакал, и Мария даже не знала, жив ее мальчик, или мертв — глаза малыша были закрыты... И в этот момент в голове Марии возникли видения из собственной жизни, картины недалекого прошлого, короткие, словно вырванные листки школьной тетради, фрагменты ее драматической молодой жизни. Все мелькало как в каком-то сверхскоростном кино. И Мария удивлялась этим реальным видениям: силой непонятного волшебства время, хоть и не столь отдаленное, возвращало ее назад, к памятным дням, к печальным и радостным событиям из жизни, очень рано повзрослевшей, хлебнувшей горе и перенесшей личную трагедию девушки...

Мария не помнила, как долго длился этот сон, напоминавший видения. А когда вдруг все закончилось, смутно, словно откуда-то издалека, она услышала русскую речь. Говорили сверху и до Марии долетела всего одна фраза:

— Как много убитых!..

Когда Мария пришла в себя в очередной раз, она увидела вокруг много людей в белых одеждах и не сразу сообразила, что это бойцы. Ей все еще казалось, что продолжается сон, а видения в белом вокруг нее — это ангелы.

Глава 3

Разбитое сердце

*Оставь меня, о, дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу...
Творец... Увы, я не могу
Молиться гибельной отравой!
Мой ум слабеющий объят —
Послушай, ты меня погубишь, —
Твои слова — огонь и яд:
Скажи, зачем меня ты любишь?*

(М. Ю. Лермонтов. «Демон»)

На самом деле, Мария не могла понять, что это было — сон или видения. Но, что бы это ни было, все картинки были из ее невыдуманной жизни — не абстрактные и не рожденные фантазией разгоряченного мозга. Первыми, что она увидела, были картины ее счастливого сватовства и обручения с любимым человеком, молодым коллегой, педагогом с библейским именем Мойсей. Мария познакомилась с ним на педагогических курсах в древнем городе Дербент. У него было умное и не по годам серьезное лицо. На курсах было много интересных ребят, начитанных и обаятельных, и даже красавцев-джигитов, настоящих принцев из восточных легенд. Мойсей не был красавцем. У него не было горделивой заносчивости и большого самомнения. Напротив, он был до крайности застенчив, хотя ребята, да и девочки с курсов любили его общество: он много знал, много читал...

Мария, сама воспитанная в строгости и обладавшая тонким умом и даром без труда определять стоящих людей, сразу ощутила в Мойсее доброго, настоящего друга, неспособного на предательство. По-видимому, и Мойсей обладал редким даром определять настоящее золото от низкопробных подделок.

Наступили горячие дни экзаменов и зачетов. Мария целыми днями пропадала в городской библиотеке. Здесь ничего не отвлекало: светло, уютно, занимайся, сколько хочешь. И в один из дней, преодолев, видимо, нерешительность и стеснение, к ее столику подошел Мойсей и, краснея, попросил разрешение присесть рядом.

Мария, улыбаясь, посмотрела на него и грациозным жестом указала на свободный стул. Она чувствовала, что парень испытывает неловкость, и чтобы снять излишнее напряжение, заговорила сама:

— Ну, как дела, Мойсей? Готов к экзамену? Не боишься? А я, знаешь, боюсь. Педагогика — наука сложная...

— А ты не хочешь пойти в кино?

Нежданно-негаданный вопрос Мойсея ошеломил Марию.

— Ты что, Мойсей, какое кино?! Ведь завтра экзамен...

— Ну, вот и отлично, — не отступал юноша. — Как раз отвлечемся немного. Соглашайся, Мария! Хороший фильм идет — «Свинарка и пастух». Не пожалеешь...

— Ну, смотри, Мойсей, если завтра я схвачу «тахан», то это будет на твоей совести, — сказала Мария, грозно сотрясая воздух указательным пальчиком.

— Хорошо, Мария, я все беру на себя. Идем?

Это был счастливый и памятный вечер в жизни Марии. Они сидели в большом, переполненном зале кинотеатра и смотрели этот немного наивный, но полный романтики фильм о любви. Мария как зачарованная смотрела на экран, и вдруг почти машинально их руки сплелись. Она почувствовала тепло его большой, широкой ладони, в которой утонула маленькая, белая ручка Марии.

С этого дня они больше не расставались до самого сватовства, которое было намечено на последнюю неделю августа. В Махачкале стояли чудесные дни, последние дни бархатного лета, когда уже не так жарко, и вечера такие приятные и теплые. Поэтому торжество решили провести прямо во дворе дома. Двор на знаменитой Оскара был узким и длинным, но очень вместительным. Особенно старался отец Марии, Хайват — прямой потомок предводителя при дворе одного из хазарский царей, молодцеватый

горец, рано познавший все «прелести» жизни. У него было шестеро детей: четыре дочери и два сына. Мария была средней. Но повидавший жизнь, Хайват уважал людей не за возраст, а за ум. Мария родилась сметливой девочкой, умницей. В большой, многодетной семье было только два человека, с которыми Хайват делился своими радостями и невзгодами — с дочерью Марией и сыном Иосифом. Так получилось, что и Иосиф с Марией были по-особому привязаны друг к другу...

В тот памятный, незабываемый вечер улица Оскара была радостно встревожена: сразу три гармониста, шествовавшие впереди солидной делегации сватов, выводили задушевные восточные мелодии. На больших подносах лежали самые разные подарки, предназначенные невесте. Мойсей, в нарядном черном костюме, сопровождаемый с двух сторон друзьями, действительно напоминал всем своим видом библейского пророка. Сваты и жених приближались к дому Марии под веселое улюлюканье любопытных уличных мальчишек. Все было хорошо, и ничто не предвещало беды.

Хайват очень постарался для любимой дочери. Двор стал неузнаваемо-уютным: чистенько, развешаны радующие глаз разноцветные ковры, на покрытых белоснежными скатертями праздничных столах изобилие всевозможных яств...

Мария и Мойсей сидели рядышком. Наступает торжественная минута: жених надевает на палец невесты обручальное кольцо. Звучит тост за их здоровье и счастливую жизнь.

Сосед и близкий родственник Хайвата, Мордехай — низкорослый, но крепко сбитый мужчина с румяными щеками и очень похожий на Тараса Бульбу разносит по столам и угощает гостей шампурами ароматного шашлыка. Звучит мелодия искрометной «Лезгинки»...

И вдруг, как гром среди ясного неба: во двор, с пистолетом в руке, как ураган врывается их дальний родственник — Анатолий. Гости перепуганы, среди собравшихся — смятение. Анатолий, вне себя от ярости, мечет гром и молнии; видно, что он сильно пьян.

— Сейчас всех перестреляю, суки! Слышали?!.. Мария будет только моей и ничьей больше!..

Он кричал, размахивая над головой заряженным пистолетом. Потом вдруг резко, одним прыжком, подскочил к столу, за которым сидели Мария и Мойсей.

— Ну, что ж, стреляй, если ты такой смелый! — решительно, как приговор, произнесла Мария, шагнув навстречу Анатолию. — Ты хочешь расстрелять всех? Так стреляй, чего ты ждешь? Совести у тебя нет, Анатолий! А еще родственник...

— Я люблю тебя... Я люблю тебя, Мария. Ты это знаешь. Я не переживу этого!.. — Разговор нарушителя спокойствия начал принимать другой оборот. — Верни кольцом этим людям! Ты слышишь? Верни им кольцо. Ты будешь счастлива только со мной... Со мной! Со мной!.. Со мной!..

Неожиданно для всех Анатолий схватил Марию за руку и начал больно ломать пальцы, пытаясь снять только что надетое обручальное кольцо. Тогда Мойсей резко вскочил со своего места, подлетел к обидчику невесты и, сам не понимая, откуда взялась у него эта шальная злость, влепил опешившему от неожиданности Анатолию такую пощечину, от которой тот едва устоял на ногах. Не дав ему опомниться, Мойсей влепил ему вторую и третью... Тут-же подбежали молодые ребята из числа приглашенных, скрутили Анатолию руки и отняли у него оружие. Теперь он был не страшен.

Вот так, несколько минут, они стояли друг против друга. Лицом к лицу: два горца, двое мужчин, два врага — жених Марии Мойсей и дальний родственник Марии Анатолий, он же Онух. Это была любопытная и, в то же время, драматичная сцена. Анатолий, намертво схваченный за руки молодыми ребятами, тем не менее, не унимался. Он долго и пристально смотрел в лицо своему «врагу», а потом, словно вспомнив что-то очень важное, произнес:

— А я тебя знаю. Ты — раввинский отпрыск. Ну, что ж, это хорошо, что мы встретились. Думаю, что наша встреча будет иметь продолжение. Я редко остаюсь в дол-

гу. Обязательно докопаюсь в твоей родословной... Сколько золотишка припрятали? Чего молчишь?! Я узнал тебя, сволочь! Ты внук купца Авадие. По твоему отцу и деду давно веревка плачет, в лучшем случае, их ждет Сибирь. А ты еще женихаться?..

Мойсей стоял ни жив, ни мертв, бледен, как стена. Марии стало страшно. Она быстро взяла его под руку и стала успокаивать — не бери в голову, Мойсей, все нормально. Завтра протрезвится и придет сам извиняться. Сядь, выпей воды, все образуется.

Анатолий, хотя и был пьян, но хорошо знал, что говорит. И Мойсей занервничал и потерял цвет лица не зря. Теперь и он вспомнил его — Анатолий — ответственный чиновник Особого отдела Даг ЦИКа. И работа у него не пыльная: раскулачивание бывших буржуазных элементов. Он вертит опасной мельницей, попасть под жернова которой не очень приятно. Мойсей знает, что этот человек умеет вытрясти душу из кого хочешь, даже из каменной статуи.

Я обязательно загляну в ваше фамильное досье, голубчик, продолжал кричать Анатолий, своему недругу и сопернику, уже находясь за пределами двора и усиленное охраняемой конвоем из близких людей.

Мойсей не мог ошибиться — да, Анатолий, Онух, как его здесь называли многие, тот самый человек, к которому некоторое время назад по специальной повестке были приглашены в Особый отдел его дед и отец. И он, Мойсей, тогда сопровождал их, дабы надеясь своим присутствием как-нибудь помочь и облегчить их тревоги. Тогда все закончилось как будто благополучно. Во всяком случае, прошлые годы никто больше не вызывал и не беспокоил. Онух, как ответственный сотрудник Особого отдела тоже не обманывал, когда кричал на Мойсея — «... я тебя знаю». Это было правдой. Было целых 5 часов допроса. И как знать, чем бы все кончилось, не встретив Мойсей, совершенно случайно в кабинете Анатолия давнего друга семьи, очень именитого человека, который, узнав в чем дело, попросил Анатолия предать это дело «забвению» и отложить в дальний ящик: — «Анатолий, это мои близкие люди. Ты — мой друг дет-

ства. Возьми это на себя. Замни. Закрой. Об остальном поговорим потом, дома. Сейчас я твой должник.

О чем вы, Оно Борисович говорите. Вы меня мало когда просите. Нет проблем. Ведь мы живые люди. Все будет в порядке, сказал ему сотрудник Особого отдела.

А дело было давно и касалось еще времен нашествия на Северный Кавказ деникинцев. Этот случай получил тогда в Дербенте большую огласку. Деникинцы «туземцев» не трогали, ни убивали, но требовали исполнения молодыми людьми призывного возраста исполнения воинской повинности. Но еврейские ребята служить не хотели и прятались на окраинах города, в основном на заброшенных виноградных плантациях. Им не повезло — предали осведомители. И 28 молодых людей были выловлены и доставлены в местную тюрьму. Деникинский полковник Бичерахов был вне себя от ярости и отдал приказ — через 28 часов расстрелять всех.

Асаф бен Раби Итам был знаменитым и богатым человеком. Его знали в Дербенте. О нем знали далеко за пределами древнего города. С ним считался не только дербентский градоначальник, но и сам Бичерахов и его люди: он снабжал армию продуктами. Авадые был рангом значительно ниже. Да и масштабы у него были не те. Но одно не мешало другому: Асаф относился к своему земляку с особым почтением и всегда разговаривал с ним, как равный с равным. Слух о поимке молодых кавказских ребят дошел и до них. При всей их корысти и жажде к наживе, к деньгам, эти люди не утратили самого главного человеческого качества — чувства милосердия.

— Асаф, надо спасать ребят, — сказал пришедший к нему на встречу Авадие.

— А что мы можем сделать? — тихо спросил тот. У меня есть одна хорошая задумка, — продолжал Авадие.

— Какая... Выкладывай. Я знаю, ты мастер на изобретения, — пошутил Асаф.

Решено было дать пир в честь победителей. Пир организовали в доме Авадия. Получился большой праздник, на котором от души «гуляли» бравые белогвардейцы.

Прошедшие «Крым» и «Рим» бывалые купцы знали с какой стороны «расколоть» золотопогонников. Присев рядом с комендантом, Асаф и Авадие в один голос сообщили ему приятную новость. А новость была такова: купцы могут помочь дербентскому гарнизону продовольствием, закупая его у местного населения. Но народ озлоблен приказом о расстреле молодых ребят. Вот, если бы пойти на мировую... Идея понравилась деникинскому начальству: в тот же вечер все 28 юношей были уже на свободе. Но вскоре, власть в городе поменялась. Пришли красные. И те же осведомители донесли теперь на двух имущих и уважаемых людей — Асафа и Авадие, которому чудом, в то время удалось выехать за пределы города и целых 10 лет скитаться по городам Средней Азии.

Асафу повезло меньше: его расстреляли.

Глава 4

Расстрельная статья

«Наш Б-2 и Б-2 наших отцов!

Прости и извини нас за наши грехи. Грехи преднамеренные и невольные. Грехи, совершенные по принуждению и собственной воле, скрытые от людей и известные им».

(«МАХЗОР». Вечерняя молитва в Йом-Кипур)

Торжество было вконец испорчено. Все сидели грустные и понурые, словно это было не сватовство, а какая-то панихида. С подавленным настроением сидели Мария, отец Хайват, братья Иосиф и Яша. Особенно переживал от случившегося четырнадцатилетний Иосиф — плотный, мускулистый парнишка с открытым, добродушным лицом. Видя, как скатываются слезинки по матово-белым щекам самой любимой сестренки, он подошел, обнял ее за плечи и сказал:

— «Не плачь, Мария... Не плачь... Я не дам тебя в обиду. Ты же моя самая любимая...»

— «Спасибо, мой родной», — сказала Мария. Я не волнуюсь, Еся, все в порядке. Это, знаешь, минута слабости. Все пройдет».

Мария старалась привести в порядок все свои мысли. Она чувствовала всеми фибрами души, что именно сейчас в ее жизни произошло что-то страшное и жуткое, от чего можно и свихнуться. Гости, обескураженные роковым событием, взволнованные и обеспокоенные за судьбу Марии, начали потихоньку расходиться. Остались только очень близкие люди. Мойсей сидел неподвижно. Взгляд его был жутким. Еще час назад, глаза излучавшие солнце и радостно смотревшие на мир, теперь как будто остеклели, выражая безразличие и равнодушие.

Мария опять присела с ним рядом, взяла за руку и спросила потухшим голосом: «Мойсей, это правда? Анатолий говорил правду, не обманывал?»

— Мойсей встрепенулся, как голубь после воды, но ничего не ответил, просто кивнул головой. У Марии было такое неприятное ощущение как будто находилась между молотом и наковальней. Ей хотелось куда-то уйти, спрятаться от всего происходящего, забыться. Теперь она сама не зная почему, жила ожиданием новых неприятностей и новых волнений. И с таким тяжелым чувством, со свинцом на душе Мария пошла на работу. Школа есть школа. И дети не могут ждать, когда к учителю придет радостное и приподнятое настроение.

Порой у тебя плачет сердце, но ни один ученик не должен заметить этого: при всех невзгодах и душевной тревоге, глаза должны улыбаться и светиться солнцем. Мария, как всегда, вошла в учительскую, поздоровалась со всеми. Мойсея в школе не было. — Что могло случиться? — начала тревожиться она и машинально, посмотрела на время: было 12 часов дня. В канцелярии раздался телефонный звонок. Секретарша подняла трубку: «Мария Михайловна, это вас», — сказал она, передавая трубку. «Мария, это я, Мойсей. Пришла повестка с нарочным. Вызывают меня с отцом в «Особый». Видимо, наш «друг» старается. Злопамятная сволочь! Извини, сорвался. Надеюсь, вернусь. Потом все расскажу. Все. Пока.

Ровно в 12 дня Мойсей с отцом в сопровождении нарочного в полном милицейском мундире, вошли в длинный, просторный кабинет, уставленный большими шкафами, слоноподобным столом из орехового дерева, вокруг которого по обеим сторонам четко выстроились не менее массивные стулья такого же цвета.

В черном шикарном костюме сидел... Анатолий, да, да, тот самый. Присаживайтесь, господа хорошие. А вы – свободны, — сказал он, обращаясь к сопровождавшим милиционерам. Ну, как настроение, как спалось? Как чувствует себя наша молодая невеста?

Сегодня, этот вчерашний забияка и драчун выглядел, как свежий огурчик, только что сорванный с грядки. И вряд ли, кто-нибудь мог сказать, что вчерашний возмутитель спокойствия и этот рыжеватый с хитрыми веснушками на лице, так похожий на писателя Шолохова, один и тот же человек.

— Что будем пить — чай, кофе? Не стесняйтесь... По-родственному. По-родственному. Поговорим по душам. Вы же Мойсей, кажется педагог? А педагоги любят говорить, а особенно поучать. Нет?

— Ну, что ж, переменял хозяин роскошного кабинета тему разговора. Перейдем на другую тему. Ближе к делу. Меня интересуют вы, господин Авадие. Извините, но никак язык не поворачивается назвать вас товарищем. Слово для вашего уха не очень приятное, правда? Онух Бэдэль вышел из-за стола, закурил и стал прохаживаться по кабинету.

— Ну, Авадие, расскажите, уважаемый публике, как вы потчевали белую мразь, этих самых бичераховцев и деникинцев? Как вам потом удалось улизнуть из Дербента? Как вам жилось на вольных хлебах и у эмира бухарского, то бишь, на его бывших владениях?

— Я интеллигентный человек, а не какой-нибудь сапожник, старательно растягивая слова, говорил хозяин большого кабинета, словно он был не сотрудником Особого отдела, а рядовым учителем русского языка, проводившим очередной диктант. Если вам трудно говорить, вот вам чистый лист бумаги. Вот ручка и чернила. Время есть. Пишите. Ведь вы же грамотный человек, как-никак купец первой гильдии.. Правда, в прошлом. Но я думаю, что вы еще не совсем забыли русское правописание и алфавит.

Он положил перед Авадие большой чистый лист номерованной бумаги и дал ручку. Потом продолжил свой прерванный монолог, — уже обращаясь к Мойсею. — Мой дорогой дуэлянт, жизнь, черт побери, ужасно тонкая штука: за все надо платить. Как там говорил доктор Вернер в «Герое нашего времени» у Лермонтова: «Судьба — индейка, а жизнь — копейка».

Вам нравится Лермонтов? Не дождавшись ответа на заданный вопрос, продолжил свою мысль — как прав этот гениальный юноша. Нет, мы не можем убежать от своей судьбы, как бы хорошо ни старались. Это от милиционера, страдающего грыжей, можно ускользнуть. А от судьбы — нет. И еще раз — нет.

— А вы философ, как я посмотрю, зло съехидничал Мойсей. Кто вам больше по душе: Гегель, Кант, а, может быть, Ницше?

— Каждому свое?

— Да, каждому свое, повторил Бэдэль. А мы с вами заговорились. Время бежит. Вы знаете, мой дорогой Мойсей, что говорил Наполеон? Нет, не знаете. А я знаю. Он говорил так: «Я могу, и я имею право проиграть хотя бы одно сражение. Но у меня нет права проиграть время». Так-то. А это великий полководец. Не то, что мы с вами, простые смертные. Говоря это, он еще раз посмотрел на часы, а потом перевел взгляд на Авадье.

Глава 5

Вверх по лестнице ведущей вниз

*Смотрите: вот пример для Вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!*

(М. Ю. Лермонтов. «Пророк»)

Анатолий не был каким-то маньяком, оболтусом и хулиганом, первой гильдии. Напротив, был умен, дальновиден и чертовски хитер. Некая вседозволенность пришла к нему с получением в свои руки пусть не огромной, не масштабной, но реальной власти. И он не всегда злоупотреблял ею, хотя это и не составляло особого труда в его положении. А если и делал это, то обязательно с согласия своих «боссов». Онух Бэдзель был человеком исключительных возможностей и всего, чего он достиг, был обязан только самому себе. Он был целеустремлен и напорист, как молодой горный бык. У него было трудное и безрадостное детство. Очень рано, в возрасте 28 лет, у него неожиданно умер отец, заразившись тифом от друга, которого пришел проведать. На руках матери — вдовы, неграмотной женщины, осталось трое малолеток, которых надо было накормить и одеть. О хорошем образовании и думать было грешно: надо было выжить. Анатолий был старшим из детей. От природы одаренный и сметливый, он отлично осознавал, что его детство закончилось. Когда ему исполнилось 13 лет, его мать — маленькая, худенькая, озлобленная на весь мир женщина, взяла Анатолия за руку и привела в сапожную мастерскую к одному из дальних родственников. Дядя Азарие — великолепный мастер — модельер, человек хорошо знавший себе цену, и, который при первой возможности помогал чужим людям, увидев в дверях своей мастерской вдову Рахмани, которому он был

обязан так многим, поначалу как-то оторопел и немного разволновался.

— Что случилось, Гегей? Нет, конечно, я рад твоему приходу. Эта проклятая работа...

— Не оправдывайся, — перебила своего родственника Гегей. Хоть раз в месяц можно было бы проведать, зайти, спросить о житье-бытье. Дай тебе Бог до 120, как написано в священном писании. Когда Рахмани был жив, ты далеко за полночь засиживался у нас. Тогда было хорошее застолье, друзья..., зачем я пришла к тебе? И не догадаешься? — Догадаюсь, если скажешь, не выдержал Азарие.

— Надеюсь, ты не забыл — это Онух, мой первенец. Ему бы учиться. Совсем ребенок, но у меня нет выхода. Очень нуждаюсь. Возьми его к себе, подучи. Ты не пожалеешь, мальчик очень смышленный. Мне помощь, да и тебе подмога. — Договорились, Галина Нисановна, — улыбаясь, сказал Авадие.

Так началась сапожная карьера 13-ти летнего подростка. Анатолий уже во взрослой жизни частенько при встречах и посиделках с друзьями в шутку вспоминал чеховского Ванюшу, того самого, который писал на «деревню, дедушке». Он тоже значился в подмастерьях. Иногда его тоже отрывали от «учебы» и посылали за водкой. Но это не мешало Онуху терпеливо постигать тайны сапожного ремесла. И уже к 16-ти годам он значился в артели, как самый первоклассный модельер. О нем заговорили.

Так уж сложилось: во все времена и во все столетия революционные перевороты и потрясения в обществе, так или иначе сразу же сказывались, как на судьбе всего человечества, так и на судьбе одного, отдельно взятого человека. В 30-е годы однозначно обозначилась одна значительная тенденция: на очень ответственные и руководящие посты стали выдвигать простых людей от станка. Это было тотальное явление. И десятки, сотни, а может быть и тысячи, еще вчера рядовых людей, неизвестных дотоле никому были рекомендованы на ответственные участки государственного аппарата. В этой знаменитой плеяде выдвигенцев, оказался и Онух Бэдэль. Он не был

среди тех счастливых-родственников, имевших академическое образование. И он, конечно же, не мог похвастаться дипломом какого-то престижного университета. Его университетами стала сама жизнь. Не имея этого, столь необходимого для любой карьеры багажа, Онух, тем не менее, был великим самоучкой. И его грамоте могли бы позавидовать, да и завидовали многие из тех, кому посчастливилось учиться в университетах и академиях. Он был в каком-то смысле полиглотом: хорошо владел несколькими языками кавказских народностей, знал их фольклор, обычаи и традиции. Это здорово помогало ему: он быстро находил с людьми общий язык и в любой среде моментально становился своим. Онух был коммуникабелен от природы и в нем жил какой-то бешеный азарт к жизни. Он любил даже из серого бытия делать праздник. У него было веснушчато-персиковое лицо, с этакой затаенной хитринкой в глазах. Аристократические усы на манер «белых» полковников и пронизывающий, острый взгляд, автоматически делали из него хозяина любой кампании. У него, по существу, никогда не было врагов: ни в молодые годы, ни потом. Он никогда и ни о ком не говорил плохо, даже если очень сильно кого-то ненавидел. А поэтому, у него не было открытых врагов, которые могли бы портить ему кровь и нервы, хотя ненавидел Онух многих. И также многие ненавидели его, не подавая при этом никаких признаков враждебности. Причин на это обстоятельство было много. Одна из главных — зависть. Онух был «ужасно» преуспевающим и в какой-то степени, везучим человеком. Его коммуникабельность, особые манеры кавказца с традициями, открывали ему любые двери. Онух был на короткой ноге с самим Нажмутдином Самурским и прославленным, уже в те годы писателем Эффенды Капиевым, который переводил еще до войны ашуга и Гомера 20-го века Сулеймана Стальского. Самым любопытным было то, что и для «хозяина» Республики, и для легендарного писателя, каким был и остается Эффенди, Онух был близким человеком, интересным собеседником, который совсем не был профаном ни в политике, ни в

культуре. Он был исключительным самородком, как промокательная бумага, впитывающая в себя все и вся.

И не будь этого бедного детства и не будь этой погони за куском хлеба, при других благоприятных обстоятельствах, он обязательно стал бы знаменитой личностью — либо в политике, либо в национальной культуре, либо на другом каком-нибудь поприще.

Но было в нем, в Онухе, и нечто другое, скрытое от чужого глаза. Бедное детство породило в нем некую месть, и она жила в нем, как заноза, временами проявляя свои рецидивы. Он люто ненавидел сытых, холенных и довольных собой отпрысков, которых баловала жизнь, и, которые, однажды поймав «золотую» рыбку, пользовались ее услугами налево и направо. Он ненавидел их за пустоту в голове и никчемность, но фортуна, эта несправедливая фортуна, улыбаясь этим прожигателям жизни, и это в то время, когда он, Онух, 13-ти летний мальчик, за гроши пахал день и ночь. И незаметно для себя самого, в нем начали зреть зерна непонятной мести, желание укусить, ударить, наказать и даже вдоволь посмеяться над подобными типами. Он общался и с этими людьми. Они были его ровесниками и соседями — дальними и близкими, живущими в черте одной улицы и одного города и за его пределами.

И вот, теперь пришел и его Онуха, звездный час. И теперь он, человек исключительных возможностей, в его руках десятки, сотни а, может даже и тысячи людских судеб. И даже судьба этого молодого человека, его соперника с библейским именем Мойсей. Вот они сидят лицом к лицу, два кавказца, иронией судьбы, оказавшись на одной узкой тропинке. О, нет! На тропиночке, рукотворному, висящему мостику через бурную реку. Онух, хозяин положения. И он, как умный человек, как своего рода экстрасенс, легко прочитывает, что сейчас испытывает его «гость», какое сильное «землетрясение» проходит внутри него. И он чувствует, что по своей мощи, оно значительней всех, отмеченных когда-либо по шкале Рихтера. Онух может придавить и размять его в порошок. Но он просто играет с парнем Марии, как большой и сильный кот с маленьким мышонком.

При всех своих достоинствах и при всех возможностях Онух отдает себе отчет в том, что он, прежде всего, горец. И хочет честной игры, хотя бы потому, что в эту игру невольно задействована и его любовь, и его мечта — Мария. И он страшно не хочет, чтобы она принадлежала ему силой, вопреки ее желанию. Если это случится, он, Онух и он же Анатолий, перестанет уважать себя, как человека. А это для него очень важно.

Но в этом большом и немного сумрачном кабинете, сидя лицом к лицу со своим недругом, вызванным им сюда на допрос, Анатолий, как всегда, в присущей ему манере, философствует, но это уже действительно игра. Игра ума, и, вообще, игра, дающая ему возможность вытягивать из «собеседника», как бы невзначай, нужную и полезную информацию.

Глава 6

Колесо фортуны

*Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу...
Творец... увы, я не могу
Молиться гибельной отравой
Мой ум слабеющий объят!
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова — огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь!*

(М. Ю. Лермонтов. «Демон»)

Интересная штука все же — этот человеческий мозг: настоящий компьютер.

Мария была в каком-то жутком состоянии: как бы между молотом и наковальной. Ее вины абсолютно не было, но при всем этом, она чувствовала себя не совсем уютно: сердце мучила какая-то невидимая острая заноза. Было время, когда Анатолий не раз предлагал Марии руку и сердце. Но она, от природы наделенная особым даром безошибочно определять человека, его истинное лицо и внутренний мир, всегда встречала это предложение отказом и старалась перевести разговор в шутку — «Да, что ты, Анатолий... Мы же огонь и лед. Совсем не сладкая парочка».

Это происходило давно, а ей казалось, что все происходит именно сиюминутно, сейчас.

То она вдруг выплывала как будто из кипящей пучины, то этот водоворот вновь засасывал ее. Но эти живые картины — видения из ее жизни, сменяя друг друга продолжали являться к ней. И среди них и этот эпизод встречи с Анатолием... Понимаешь, ты по натуре — командир. Ты любишь давать приказы, а исполнять их тебе не дано. А два командира в одной квартире — это кошмар. Это невыносимо. Зачем нам такая семья?

Анатолий не всегда соглашался с этими выпадами Марии.

— В конце концов, горячился он, ты женщина, а зачем женщине эскадрон и сабля. Сам Бог велел ей рожать детей и быть хранительницей семьи. Или ты не совсем согласна с Творцом?

— Нет уж, извини, в свою очередь нападала Мария на своего соблазнителя, с Творцом я, действительно не согласна, особенно когда он говорит твоими устами. Ты хочешь видеть во мне вечную домохозяйку, добросовестно исполняющую свои обязанности у кухонной плиты. А я хочу реализовать себя в другом деле. У меня есть призвание...

Их последний разговор, накануне выезда Анатолия в Москву на годичные спецкурсы, был особенно откровенным. И, как всегда, открытыми картами играла Мария.

— Понимаешь, Анатолий, безо всякого предисловия начала она. Ты умен, в тебе много деловых качеств, а самое главное, ты можешь хорошо и уверенно держаться на людях. С тобой интересно. Но мышление у тебя немного отстало. Я хорошо понимаю тебя, когда ты говоришь об устоях семьи, о предназначении женщины. Но, извини, это чуточку пахнет феодальным домостроем. Ведь это не 16-й век и времена другие. Ведь, кроме постели есть что-то еще, что объединяет семью, краснея до ушей, — выстрелила Мария. А я не хочу быть просто самкой, понимаешь!

— Говорят, что время лучший лекарь, она старалась перевести разговор на мирный лад. И еще, помнишь у Есенина:

*Большое видится на расстоянии
Лицом к лицу — лица не увидать...*

— Вот уже через несколько дней я уезжаю в Москву. Я знаю, мне без тебя будет тяжело, хотя между нами никогда и ничего и не было. Только не смейся — я очень тебя люблю. Впереди много времени, целый год. Подумай, взвесь. Я буду писать письма. Как говорится — утро вечера мудренее.

Я тебя не тороплю. Но при этом очень прошу, не закрывай передо мной двери, оставь хотя бы маленькую надежду.

В это же время и другой человек просил руки Марии. Это был Мойсей. Он был полной противоположностью Анатолию. В нем было много простоты и скромности. И в то же время, он обладал изысканными манерами, был элегантен, предупредителен, вежлив и образован. В отличие от Анатолия, он никогда не покушался на достоинство человека. Он был из семьи богатого купеческого рода, где ценились не только деньги, но и ум, образованность, хорошие манеры. Именно поэтому, Мойсей выделил Марию, среди других девушек, с которыми ему приходилось знакомиться. Он сразу же «по уши» влюбился в нее, в свою коллегу по школе. Он боготворил ее и при первой возможности, старался быть чем-то полезным ей.

Чего греха таить, произвольно Мария ставила на чашу весов этих двух молодых людей. Перебирала в памяти все до мелочей. Она должна была быть безупречной судьей для самой себя, у которой не было право на ошибку. У Анатолия ум и гусарская лихость, иногда доходящая до бесшабашности. Но при этом он всегда у себя на уме. Есть перспектива, но так много непредсказуемости. И Мария, вроде бы давно сделал свой выбор в пользу Мойсея. Анатолий, как человек, проницательный, конечно же догадывался о внутреннем смятении, раздвоенности чувств Марии. Он догадывался, что чаша ее весов склоняется не в его сторону, и торопился что-нибудь, сделать, как-то изменить ход событий, хотя и понимал, что это фантастически трудно. Но как человек волевой, без боя сдаваться не хотел. Он знал, что Мария не тот человек, который будет разменивать свои чувства, как перчатки. Но любой ценой он не желал упустить своего счастья.

Он просил ее прийти на вокзал, проводить его, но она отказала ему. Анатолий нервно ходил по перрону, конечно, в надежде на чудо, до последних секунд он надеялся и с тяжелым сердцем сел в вагон.

Анатолий писал Марии письма, признавался в любви и верности. В каждом новом письме он умолял ее одуматься и принять его предложение. Так как посылать письма на домашний адрес ему было неудобно, честно говоря, он немного побаивался ее отца Хайвата — человека строгих правил и крутого нрава, настоящего горца, который не очень любил всякие сентиментальности. И не дай Бог, думал Анатолий, чтобы хотя бы одно письмо попало к нему в руки Амея, так ласково называли его в семье и близкие ему люди. Письма были страстными, горячими, и попади они в руки к Амею, автору несдобровать. Он адресовывал свои письма к себе домой, своей матери с припиской для Марии, хотя у него и не было уверенности, что Гегей, именно будет в точности исполнять его пожелания: он хорошо знал свою мать. У нее был свой закон в жизни, своя особая конституция, для нее существовало только ее мнение, которое она навязывала всем, независимо от их желаний. Она чем-то напоминала боярыню Морозову, хотя раскольницей не была, а напротив чтילה и блюла еврейские традиции и обычаи. Анатолий, даже будучи взрослым, старался никогда не вступать с ней в спор, хотя всегда и во всем принимал свое собственное решение. Сомнения Анатолия не были напрасными. Ни одно из писем так и дошло до адресата, Мария даже в глаза их не видела, да и не очень-то она и ждала их.

Теперь, стоя между жизнью и смертью, видения приходили к ней из прошлой жизни. Она то погружалась в них, то окуналась в сплошную тьму забвения.

Картины, эпизоды из ее короткой, не очень сладкой жизни оживали, меняя свои краски и оттенки. И вот теперь, вновь Мойсей. Откуда он? Разве жив? И почему он плачет? Может это сон? Мария всматривалась ему в глаза, стараясь как бы удостовериться, что это он, Мойсей — весна ее жизни, ее девичья тайна. Но почему же он, все-таки плачет? И ей невдомек, что это у нее на руках плачет маленький Ромка. Но об этом она узнает потом.

Мойсей... Мойсей. Видения продолжаютсЯ.

И вот уже родная школа. Ее родной класс. И первый открытый урок. И опять Мойсей — такой весенний и такой солнечный. Он улыбается ей и украдкой показывает большой палец — не волнуйся, все идет хорошо. Потом звонок, поздравления коллег, и опять Мойсей, который, как озорной мальчишка пожимает и трясет взволнованно ее маленькую руку.

— Мария, ты царица. Поздравляю. У тебя талант, божий дар. Я твой двойной поклонник. Ты слышишь меня?

Она все слышала, еще как слышала! И в ней все пело, пела душа, сердце и было великолепное настроение. Ей хотелось кружиться, танцевать в неуловимом вальсе Штрауса.

Мария — ты царица, царица. И опять новые видения — она в белом подвенечном платье. Мойсей бережно поднимает и несет ее на руках. Музыка, цветы. Море музыки и цветов и разноцветных радужных огней. А потом опять мгла. И Мария уже кричит в нее, в это космическое царство тьмы. Она зовет его, своего единственного, но его нет и быть не может, так как его нет в живых, и лежит он в чужой земле, под названием Испания.

Тот вечер, того трагического сватовства, стало для него чем-то роковым, круто поменявшим его судьбу. Выходка Анатолия, вконец испортила праздничное настроение. Некий отпечаток чего-то тревожного, страшного лег между ними, и все это чувствовали.

Мойсей, при всей своей сдержанности и воспитанности, был натурой эмоциональной. Он знал, что военная комиссия города негласно набирает добровольцев. Но попасть в этот список было фантастически трудно: желающих было хоть отбавляй. У всех на устах только и были эти крылатые слова — «Но пасаран!»

Мойсей Ханукаев решил сражаться в рядах защитников Республиканской Испании.

Глава 7

«Мама» Мария, сделай меня зрячей...

*«Ты свят и Твое имя свято,
И святые (ангелы) будут изо дня
в день восхвалять Тебя»...*

(«Махзор». Сборник молитв)

Мария потеряла счет времени. Видения приходили и уходили. Они были цветными и черными, как вся ее жизнь. Картины и эпизоды, то проплывали перед ее глазами, как густой туман, медленно ползущий по склонам гор, то просматривались кинокадрами живой киноленты. Память сохранила все, порой она не могла понять сон, это или явь, а память перебирает четки дней и лет, выдавая «на гора» события минувшие и совсем еще свежие. Долгий сериал из ее собственной жизни, которому не было конца и края, разве что зрителем была она одна — Мария.

Родная школа. Она молодая, красивая, больше похожая на актрису, чем на педагога. В ней столько обаяния и теплоты. Она может стать кем угодно — врачом, инженером, актрисой, но выбирает школу и детей.

Когда она впервые переступила порог школы, ее красотой все были удивлены. А склонный к юмору директор школы Зовлу Амиржуев то ли в шутку, то ли в серьез на педсовете дружелюбно сказал:

— Мария Михайловна, у нас проблема, не знаем, что и делать.

— Что за проблема, воспринимая всерьез его озадаченность и чуточку разволновавшись, спросила Мария.

— Проблемы в том, что теперь все наши дети только и заняты тем, что приходят в школу, чтобы лишний раз посмотреть на вас.

— Тогда мне надо платить сверхурочные, с юмором ответила она.

И действительно, ее горская красота, могла не поразить, разве что слепого. Жаль, что в те времена не проводились конкурсы красоты, она была бы достойной королевой, вне всяких сомнений. Но ее это меньше всего волновало. Она даже не пользовалась косметикой, ее волновала работа, школа, дети, хотя именно за это, за ее красоту многие сверстницы ее и ненавидели, а ее волнения перед классом и ответственное отношение к работе многие просто не понимали. Это было очень любопытное время. Это были 30-е годы перед самой войной — время взлетов и падений, время челюскинцев и Чкалова. Это было время романтики, когда маленькие народности увидели свет знаний.

Ей было всего восемнадцать. Впервые переступив порог так называемой национальной школы, где предметы велись на горском языке, она растерялась: кроме нескольких малышей, за партами сидели почти ее ровесники. Неграмотных в то время было великое множество, были среди них и дети-сироты. И Мария понимала, что ее предназначение, как педагога и человека, дать всем им немного тепла и выдумки, что вообще-то совсем не вписывалось в рамки школьной программы. На одном из педсоветов, она сказала: кого мы воспитываем роботов, только знающих таблицу умножения и умеющие писать и читать, или интеллигентных людей, разбирающихся в искусстве, живописи и музыке?

— У нас обычная рядовая школа для пролетариата, а не школа искусств, сказал директор. И просто сказать — надо приобщать, а где мы возьмем музыкальные инструменты, костюмы кто нам даст? Да и где возьмем просто место для репетиций, все это деньги, уважаемая Мария Михайловна, деньги...

— Можно я закончу свою мысль, — наставляла на своем великолепная Мария, — Для этого не надо открывать филиал Большого театра, просто немного любви и желания. Столько способных ребят, жалко закапывать такое богатство в землю. Можно все сделать своими руками, и костюмы пошить, декорации сделать, было бы только

желание, а от вас нам нужно только ваше благословение, и больше ничего...

— Конечно дело было хорошее, но как быть с инструкцией Наркомпроса, которые в любой мелочи видят нарушение.

— Ну, что ж, все свидетели, что я долго сопротивлялся, но боюсь прослыть душителем искусства. Я согласен, но имейте в виду, что если посадят, сухари будете таскать мне лично вы...

— Я думаю, ваши опасения напрасны, до сухарей дело не дойдет, но уж если понадобится, то скинемся на ароматические московские пряники.

И школа стала ее вторым домом. Она рано приходила и поздно возвращалась, почти не бывала дома. Она добровольно отбирала самых трудных ребят, подростков, с которыми родители уже не могли совладать. Все удивлялись — Мария, зачем тебе эта ответственность, — как-то раз сказала ей завуч школы Софья Цановна, — говорю тебе как дочери, ты с ними намучаешься, ты же еще девочка, что ты сможешь с ними сделать?

— Я тоже не лыком шита, крепкий орешек. А потом все знают моего брата Иосифа, одно его имя сделают их нежнее шелка, все они не раз испытывали на себе его кулаки. Ведь Иосиф частенько приходит в школу, принося из дому чего-нибудь домашенького для меня, он у нас боксер и талантливый футболист, которого все крутые пацаны знают. И потом у меня с ними своя тактика, я с ними разговариваю, как с равными. Им надо вернуть то невнимание, безразличие и несправедливость, которые они поимели сполна, дорогая Софья Цановна.

Это была первая школа для горских детей, и внимание к ней было чрезвычайно велико. Каких только комиссий здесь не было. Она была вроде бы обычной и в тоже время уникальной, за этим экспериментом следили и в Москве, и на Северном Кавказе.

В то время, среди интеллектуалов шли ожесточенные споры вокруг татского языка — родного языка горских евреев. В нем участвовали простые смертные и всемирно-

известные авторитеты, и одним из них был академик Б.Миллер. Это были настоящие дискуссии о будущем родного языка — оставаться в плену давно устаревших догм и иллюзий, жить вчерашним днем, или поддаться реставрациям, новшествам. Речь шла, прежде всего, об алфавите и письменности. Мария получала письма из Азербайджана, Нальчика и Дербента. Авторы их были самые разные люди — ученые, исследователи, общественные деятели. Все они писали и просили высказать ее мнение, и несмотря на молодость в этом вопросе она была академиком. Она выступала на различных форумах, активах, о ней говорили, как о молодом, перспективном педагоге, писали во многих журналах, она в тайне готовила себя к научной работе, но пока об этом не говорила.

И, конечно же, она не могла остаться в стороне от большого разговора. Эмоциональным было ее выступление на одном из форумов творческой интеллигенции, который проходил в Баку. Она страшно волновалась. Еще бы! Здесь собралось столько именитых людей, и они получают отовсюду благодарственные письма. Она яростная патриотка, любящая свой горский народ, как никто другой, племя вышедшее из рода Моисеевых и Иудеевых, и уходящее во времена прошлые и древнейшие. Она никогда не кричала об этом, а делом и только делом продвигала свои идеи в жизнь. Мария не понимала этих неких борцов за идею, размахивающих руками, якобы борцов за национальные устои, считающих себя чуть ли не идеологами и вождями горского народа.

Одним из таких был Михаил Рабинович. Многие его знали как Бен Геррарий. Мария не была с ним лично знакома, но много слышала о нем и частенько читала его статьи на родном языке, читала и его стихи. У него была своя линия и своя позиция, которая не совсем была понятна ей. Но даже ни разу не видя этого человека, она мысленно нарисовала его портрет и, как говорят математики, вычислила до одного сантиметра. Когда Мария впервые увидела его на этом форуме, ее удивлению не было конца — портрет почти стопроцентно совпадал.

Бен Геррарий сам подошел к ней. Он был спортивного телосложения, матовый цвет лица оттеняли усы в стрелочку и аккуратно подстриженная бородка. Он был в черном костюме, в белоснежной рубашке с «бабочкой». Подойдя к ней, он наклонился и поцеловал ей руку. Мария отметила пышную шевелюру, волнистые волосы, доходившие почти до плеч. Это был человек, отчаянно веривший в еврейского Бога, и где-то в глубине души, считавшим и себя таковым.

— Вам положен памятник при жизни, дорогая Мария Михайловна. Это не комплемент, я вообще не люблю делать комплементы. Я поклонник вашего таланта, и к тому же ваш коллега.

Это была их первая и последняя встреча. Она много знала о его большом самобытном таланте, литературе, идеалах сионизма, о его страстной борьбе за сохранение родного языка и обычаев. Он не признавал ни какой трансформации алфавита — только древнееврейский. И в своих стихах, пьесах и статьях он всегда оставался верен себе и никогда не скрывал ни от кого еврейской обособленности и национальной специфики. И именно это, превращало его в «белую ворону», в некоего сопротивленца, романтического бунтаря.

Мария давно мечтала встретить этого человека, но боялась ранить его каким-нибудь неосторожным словом. Он был литератором от бога, но совсем плохим дипломатом и политиком. Шли 30-е годы, время было поистине революционным, она не знала, как подступиться к этой теме и вот решилась. Дорогой мой, Бен-Геррарий, вы не понимаете, в какое время мы живем, и какие люди нас окружают, не говорящие на языке Мошиаха. Но в чем моя вина, мой грех? А в том, что вы хотите, чтобы мы, горские жили обособленно, внутри себя, мы не можем, да и не имеем права назвать Дербент Иерусалимом. Мы не можем не говорить на русском языке, мы не можем образовать свое государство, потому что мы уже живем в государстве. И мы обязаны, почитая свое искусство и культуру, любить и узнавать культуру и других народов. Проповедуя только свое,

мы сеем ненависть других и мы не можем сделать татский язык государственным языком. — Вы меня почти нокаутировали, честно сказать я такого не ожидал, сказал Бен Геррарий, пристально вглядываясь в лицо своей собеседницы, словно он старался запомнить ее навечно.

— Я, романтик, Мария Михайловна, а это значит, что в какой-то мере революционер. Я просто страстно люблю свой родной горский народ, и хочу чтобы национальное сохранилось, не вымерло. Горские — это особая планета, это Атлантида, чудом выжившая во Вселенной...

Мария видела перед собой настоящего поэта, со своими убеждениями, и действительно революционными взглядами на мир.

— Я совсем недавно прочитала ваше стихотворение «Раны весны», перебила его Мария. Оно поэтически безупречно, столько образов, сочный язык.

— Но... Но что, но?

Ваша идеология. Да, да. Ваша некудышняя идеология. Вы же умный, понимающий человек. Мы не живем на Святой Земле Первого Храма, опомнитесь, мой дорогой. Это другая страна, другая Россия и другой Кавказ. И не надо отвергать руку дающего. Революция дала нашим землякам, нашим братьям право на жизнь.

— Я, Мария Михайловна, прежде всего поэт, а не политик, — не на шутку разозлился Бен Геррарий, и меня волнуют, прежде всего, образы, а не статьи новой конституции.

Они еще долго спорили, но так и смогли убедить друга друга в своей правоте.

Она сама не понимала, из какого небытия выплыло это из ее памяти, и еще она не понимала, почему именно этот эпизод ее жизни переплетается с еще одним — с судьбой одной девочки — Евы.

Она была одной из многих детей-сирот, которые прошли через ее жизнь. Круглая сирота из детдома, она привязалась к учительнице, Мария частенько забирала ее домой, ухаживала, заботилась о ней. И хотя каждая копейка была на счету, Мария не скупилась, делала девочке по-

дарки, отдавала ей все свое душевное тепло и ласку. В испанскую погиб ее отец, а несколько лет позже от сердечного приступа умерла мать. Еву и ее брата Самуила после многих ходатайств и усилий в конце концов определили в один детдом, чтобы не разлучать детей, так как у них не было близких родственников. Ева, мечтала стать учительницей, она была не намного младше Марии, всего лет на пять-шесть. Но она называла ее нежно и ласково Мама-Мария.

Мама-Мария, сделай меня зрячей! — Мама Мария...
Мама Мария...

Эти слова, как будто бы издалека, из тумана доносились к Марии сюда, в эту темную, пропитанную человеческой кровью, противотанковой траншее, где ничком сидела Мария, не выпуская из рук маленького Ромку. И Ева предстала перед ней, как наяву. Как же она пришла сюда, она ведь на фронте. Ева... Ева, шептала Мария. Глаза ее были плотно закрыты, но мозг безудержно продолжал вспоминать. Миленькая Ева. Вот она уже в городском комиссариате Махачкалы. На второй день после объявления войны, ей исполнилось ровно шестнадцать лет. В комиссариате набирали добровольцев. Ее взяли, хотя и нехотя, шестнадцатилетних старались не брать. Один из комсомольских вожаков, хорошо завший девушку, и характеризовал ее как серьезную и ответственную личность, на которого можно положиться, и которая никогда не подведет.

— Если на радистку не тянет, то вполне подойдет в санитарки, — сказал, обращаясь к членам комиссии «адвокат» Евы. Он говорил убедительно и четко. Это, видимо, подействовало, и офицеры сдались.

Прощание было грустным. Мария, умевшая держать себя в руках, едва сдерживала слезы. Ева плакала.

— Мама, Мария, — я обязательно вернусь, вот, увидите, вернусь...

Но маленькая Ева не вернулась. Она погибла в самом начале войны под Москвой, когда выносила раненного с поля боя. Извещение пришло на имя Марии, которую она считала своей матерью.

— Ева... Ева... Это ты? — шептали беззвучно высохшие губы Марии. Это было не видение и не сон — она бредила.

И воспаленный мозг, не переставая, рисовал перед ней давно забытые картины из жизни. Они сменяли друг друга с молниеносной быстротой. Вот она уже в большом и многолюдном зале, в красивом особняке на набережной Махачкалы у «седого» Каспия, и опять встреча. Она приглашена на большой форум активисток из горской интеллигенции, где почетным гостем была сестра Ленина Мария Ильинична. Ей, Марии, всего двадцать с хвостиком, а она уже среди таких людей... Страшно сказать... Салют, Мария! Далеко пойдешь.

До начала собрания руководство собрало на встречу самых молодых горянок, чьи имена были на слуху. Их и должны были представить сестре Владимира Ильича. Она волновалась, как первоклассница и сама удивлялась своему состоянию. Мария Ильинична Ульянова была женщиной высокой, статной, с густыми каштановыми волосами, туго зачесанными назад, чем-то напоминала императрицу Екатерину Вторую. Почетная гостя сама подходила к каждому из собравшихся.

— Мария Ильинична, рекомендую вам нашу необыкновенную Марию, с гордостью сказал нарком просвещения, сопровождавший Ульянову.

— Вы и впрямь необыкновенна, — сказала гостя, — красавица. В вас есть что-то античное, я бы хотела увидеться с вами завтра, приходите, я позабочусь, чтобы вас пропустили.

Но завтра, случилось «чп» с братом Иосифом. Конечно, Марии очень хотелось пообщаться с сестрой Ленина, но, увы! Видно не суждено было состояться этой встрече.

За ней пришли в школу и сообщили, что что-то произошло с братом.

В семье Хайвата, мужественного и добропорядочного человека, который всегда носил в кармане красную партийную книжечку и верил в еврейского бога, росли шестеро детей — четыре девочки и два мальчика, Иосиф был предпоследним.

Глава 8

Не ходи, Хайват в непманы...

*Да, заслужил я
жеребий мой!
Могучий конь
в степи чуждой...*

(М. Ю. Лермонтов. «Мцыри»)

Хайват был сыном Гевриля — человека крутого и жесткого нрава и в округе все его немного побаивались. Он не только мог постоять за себя, но нередко заступался за незаслуженно обиженных. И земляки, ценя его мужество и справедливость, дали ему звучное имя Гебек, что означает «сильный». Его отец был грузинским евреем, еще в молодости высланный за пределы Грузии за неоднократную молодецкую удачу. Его признали зачинщиком какой-то потасовки, которая закончилась трагически. Буйная кавказская кровь еще играла в Гебеке, хотя он уже был седобородым стариком, и на удивление всех, кто его знал, несмотря на трудности жизни, физически был по-прежнему силен. Порой, он устраивал у себя дома, так называемые открытые поединки с молодыми парнями в перетяжке рук, немного напоминая при этом великого воина Албании Скандербегу, хотя никакого понятия о нем не имел и слыхом не слыхивал. Гебек, безо всяких сомнений оправдывал свое прозвище и был по-настоящему бравым джигитом, хотя ему уже и перевалило за восемьдесят.

Хайват, его сын, был человеком мужественным, но мягким, добродушным, интеллигентным и красивым.

В далекой молодости он был лихим наездником, с которым никто из его сверстников не мог соперничать. Женился он по обычаю горского народа, без знакомства с невестой, не видя и не зная ее. В его времена национальный горский обычай строго запрещал знакомство с невестой

до свадьбы. И Хайват решил, будь, что будет. Он не стал, как Аршин Мал Алан, прикидываться торговцем и ходить по домам, приглядывая себе подходящую пару.

И невеста оказалась очень симпатичной, смуглой девушкой. В его жизни было все, его увлекало все новое, неизведанное, романтическое. И когда началась гражданская, он пошел в красные партизаны, подчеркивая тем самым свою причастность к революции и новой жизни. Было время, когда за ним охотились деникинцы, бандиты белогвардейского полковника Бичехарова. Но у Хайваты было много друзей, которые всегда помогали ему. Вскоре пришла мирная жизнь, а с ней пришло что-то новое, а вернее, вернулось старое. Советская власть разрешила свободную торговлю. Это была новая экономическая политика, время НЭПА, и все связанное с этим временем — время свободной торговли, бандитизма и беспредела. Появилась новая прослойка людей, которая соединяла прошлое и настоящее. Нэпманы стали купцами нового революционного времени.

Хайват в поисках чего-то нового, меньше всего думая о сытой жизни, решил окунуться в новую сферу — нэпа. Он решил открыть вместе с другом лавку смешанных товаров. Друзья подшучивали над ним, называя его купцом.

— Эй, Хайват, ты что, седло коня на купеческое кресло поменял. Оно, конечно мягче, да и навар есть... Очень уж он нервничал, слыша это сравнение.

— Эй, вы, свободно гуляющий народ, хватит бездельничать, лучше займитесь делом: выберите что-нибудь для дома, для семьи. И вам польза, да и мне не скучно будет.

Какой из него купец — навары никакого, так детишкам на молочишко. Но он был доволен и этим. Но, как говорят «бедному жениться — ночь коротка...». Однажды, какие-то мракобесы разграбили и подожгли его магазин, и он потерял даже то, что было и красный партизан — нэпман теперь остался не то, чтобы без коня, но и без телеги. Но он был везучим человеком, несмотря на все невзгоды жизни. Вскоре, пытаясь помочь ему, один из родственников, некий Давид, который совершенно секретно, тоном заго-

ворщика поведал ему, что в Батуми готовится к отплытию специальный пароход в Палестину. Есть возможность уехать на родину предков. Помнишь, как наши отцы и деды таинственно произносили в каждый еврейский праздник: «А шана а-баа ле Ерушалаим». Подумай Хайват, в любой момент могут закрыть выезд и просто запретить. Счастье никогда само не идет в руки, за ним надо гнаться, как за быстрым оленем.

— Не понимаю, совсем не понимаю, растягивая слова, впиваясь своими голубыми глазами в собеседника, говорил он. Что я там забыл? Кто меня там ждет? Кому я там нужен? Я родился здесь, на этой земле. Здесь родился мой отец, дед, прадед и его дед. О какой земле предков ты говоришь? Никуда я не поеду...

Давид, выслушав Хайвата терпеливо, сказал:

— Да ты родись хоть еще миллион раз, но ты всегда был и будешь здесь чужим — евреем. Каким бы ты хорошим не был, ты — еврей, у каждой птицы должна быть своя стая. Давид не унимался. — Ну что тебе дала твоя революция? Ты ведь грамотный человек, реальное училище закончил, за новую власть живота не щадил, рисковал головой... И что ты получил за все это?

— Но я не делал этого ради чего-то такого для себя. Я — простой человек из пролетарского рода. Если нужно пойду копать землю, ведь нужно кому-то выполнять и черную работу. Да, я еврей, кавказец, горец, что в этом плохого? Не любят дураков, а за светлую голову ненавидеть нельзя. Я не хочу никуда бежать. Лучше быть евреем там, где родился, чем беженцем на чужбине.

Но я не имею права отговаривать тебя Давид, продолжал он, желаю тебе всяческой удачи, везения, мужества и поможет тебе бог на еврейской родине. Может Еврейский Бог и поможет, и ты станешь там, ну чем-то вроде наркома и Бог даст там возродится еврейская родина. Вот тогда, мой дорогой, я, Хайват, буду первым человеком, который прилетит на крыльях ветра.

И Хайват не уехал на Землю Обетованную. И не потому, что он не был настоящим сыном еврейского народа.

Напротив, все в округе знали, что красный Хайват, как его величали близкие друзья, был настоящим евреем, соблюдавшим и чтившим еврейские традиции. Но у него на руках было шесть малолетних детей, из которых два пацана — Иосиф и Яша. Ехать с ними на чужбину, в туманную неизвестность, обречь их на голод, непредвиденные страдания было страшно.

— Я не могу, не имею права рисковать судьбой детей, — успокаивал он себя. Когда еще на той земле будет все еврейским? И будет ли вообще, — постоянно задавал он себе вопросы, успокаивая себя, чтобы убедиться в своей правоте.

Обладая острым, аналитическим умом, он сумел предвидеть и другое, не менее важное для его личной судьбы. Он правильно вычислил, что все эти нэпы и прочее канут в лета, и, даже не случилось бы этой неприятности с магазином, он все равно обязан был бы подумать и начать свою жизнь заново, с нуля и повернуть ее на 180 градусов.

После случившегося с его магазином, он не опустил руки. И вскоре, пошел учиться в рабфак прорабов, открывшийся на новом машиностроительном, считавшимся флагманом индустрии Республики, который имел всесоюзный статус. Он учился и работал на этом же заводе. За короткое время учебы и работы он сумел заметно отличиться своей технической грамотностью и изобретательностью. И сразу, после окончания учебы, его направили возглавить прарабский участок.

Дети его подрастали, особенно радовали его дочь Мария и сын Иосиф, своим умом и серьезностью. Иосиф, не по годам взрослый всегда знал что к чему, всегда интересовался и переживал за всех близких, умел постоять не только за себя, но и за друзей и родных. Он не числился среди крутых, но в свои 16 лет, к нему всегда относились с уважением.

Он был невысокого роста, коренастым. Иосифа интересовало токарное дело, и он так же, как отец учился и работал на заводе. Он любил вытачивать детали, заниматься изобретательством.

Иосиф никогда не лез в драки, хотя разнимать других приходилось не раз.

За день до случившегося «чп» он пошел со своей девушкой на городские танцы и один из блатных решил «прощупать» его.

— Эй, ты, жид, оставь девчонку, я хочу сегодня с ней... Понял?

— Не понял, — грубо ответил Иосиф. Если ты мужчина, то повтори, что ты сказал.

— Повторю, сколько тебе будет угодно. Я, Сулейман, повторяю сказанное..., он злобно выругался и собирался нанести удар Иосифу, но тот ловко, по-боксерски вывернувшись от удара, нанес ему два точных удара снизу вверх. «Сексуальный разбойник» рухнул, а Иосиф взял свою девушку и стремительно ушел.

На следующий день, конечно же, его встречали. Выйдя после работы он не сразу заметил разношерстную группу уличных оболтусов, которые частенько слонялись по городу от нечего делать в поисках «подвигов». Но, пройдя пару улиц, Иосиф услышал злостный окрик, его поджидала свора хулиганья, с криками — «Эй жид, пархатый, остановись...» Их было человек 10-15, они обступили его плотным кольцом. Среди них он заметил и своего вчерашнего обидчика. Он понимал, что одним боксом тут не обойдешься, все вооружены кто чем, надо что-то предпринимать, или они разорвут его на части и, вспомнив, что у него в кармане имеется самодельный нож, он вытащил его и полоснул одного из бандюг и держа его за горло сказал: у вас есть несколько секунд: или вы убираетесь сейчас же, и уносите своего дружка, или я выпотрошу сейчас ему все кишки. Но они стали обступать его плотным кольцом. И он понимал, что выхода у него почти нет и ему придется сейчас находиться в роли гладиатора, которому в одиночку придется биться сразу с десятком озверелых головорезов. И вдруг, с криком, я здесь, Коля, на бешеной скорости на толпу несся на ветхом мотоцикле его друг Захар. Иосиф слету приземлился на него, и они скрылись из виду. Приехав в безопасное место, Захар, ос-

тановил мотоцикл, рассказал, что девочки с завода шли мимо и увидели все происходящее. Ты бы видел, в каком состоянии они примчались с плачем и криками, с трудом объяснили, где тебя найти.

— Ты в порядке? Я-то в порядке, но одному из банды я врезал. Ты же слышал его вопли, думаю, они будут меня искать. Я не боюсь, я готов. Но на этот раз я точно отправлю кого-нибудь в рай. Они меня хорошо знают.

Ребята из «округи» знали его взрывной, грозный нрав, и звали его почему-то Колей, имя это закрепилось среди его друзей. Вечером, Иосиф подробно рассказал все отцу. Выслушав Хайват сказал: послушай, сынок, они обязательно придут, тебе надо побыть немного у кого-нибудь из близких. Не мозоль им глаза, а я с ними разберусь сам. Они не такие уж крутые, если пошли на одного столько человек. Но он не за что не соглашался, боясь, что они могут сделать что-нибудь отцу, и хотя Хайват его успокаивал, и говорил, что кишка у них тонка, он все-таки решил подстраховаться.

Прогноз Хайвата оправдался. В тот же вечер, в дом нагрянули незваные гости, среди них не было того, которого Иосиф полоснул ножом. Пришедшие выложили окровавленную рубаху пострадавшего.

— Это работа вашего сына, произнес один из седобородых. Мы никуда заявлять не будем, но хотим видеть вашего сына и сами вынесем ему приговор.

Хайват набрался терпения, выслушал их. А затем сказал: «Вы дожили до седых волос, а ума не набрались. Нашу семья знают в Махачкале чуть ли не каждый человек, и не один из них не скажет про нас ничего дурного. И я готов вместе со своим сыном понести любое наказание, так как знаю, что Иосиф никогда без причины не обидел бы и мухи. А вот то, что 15 человек напали на одного человека, и есть этому свидетели — это факт. Сейчас мой сын выйдет к вам и с ним выйдут те, кто был свидетелем, этой потасовки, и если вы докажете его виновность я, лично отрублю его голову топором. Было видно, что его слова подействовали на них, и он был рад, что сын остался дома, спрятаться — значит струсить.

Они переглянулись между собой и не сговариваясь, тихо вышли. На этом история с Иосифом закончилась. В семье, конечно понимали, что его не оставят в покое, и в конце концов кончится только трагедией. Но так как не хотелось тратить время впустую, окапываться где-то у родственников, родных, было решено отправить его служить во флот, хотя и срок его еще не подошел. Помогли знакомые, связи, друзья, исправили в метриках год его рождения. Иосиф уехал добровольцем служить на Черноморский флот. Шел 1938 год. А в день его демобилизации началась Великая Отечественная и он остался воевать.

Глава 9

Война

*Года летят, — и каждый дорог,
Покоя память не дает.
И, как зазубренный осколок
Она, война, во мне живет.
Война во мне, как кровь и нервы, —
Она одна и нет другой.
И всем погибшим в сорок первом
Я словно памятник живой.*

(Роман Бадалов)

— Мария, что случилось? Почему ты вернулась так рано с работы? И почему ты такая бледная? — один за другим задавал вопросы дочери Хайват.

— Отец, с трудом переводя дыхание, произнесла Мария. Отец, включи радио. Война, папа, война...

Хайват дрожащей рукой включил репродуктор, и.... «От Советского информбюро...

Вскоре квартира Хайвата была переполнена людьми — один за другим входили соседи, знакомые — все молча слушали Левитана.

— Мария, возвращаясь в школу, надо детям все объяснить, нельзя оставлять их одних.

— Папа, я только прибежала сообщить и бегу назад. Мама, присматривай за Ромкой, я скоро вернусь, наверно сегодня отпустим детей домой на день-два, пока не прояснится обстановка. Это было чуть больше года назад. За это время изменилось многое. События менялись стремительно. Пути господни неисповедимы... Разве могла думать тогда Мария о том, что вот так глупо и бессмысленно попадет в лапы к врагу.

Разгар лета 1942 года. Гитлер прорывался на Кавказ, где он мечтал захватить не только нефть, но натравить кавказский народ против русских.

— Если я получу нефть Майкопа и Грозного, я покончу с войной, заявил он своим генералам 1 июля 1942 года на совещании штабов группы армии «Юг». Вскоре миф о непобедимой гитлеровской армии был рассеян. Но тогда, целью его наступления был южный фронт. Он искал пути выхода к нефти, хотел расколоть братское единство народов, населяющих эту благодатную землю. И вот тогда, к нему, фюреру придет успех, придет победа.

Уже весной 1942 года на советско-германском фронте обозначились масштабные и ожесточенные боевые действия. Советская армия теряла один за другим свои рубежи, это были дни поражений и потерь. В июне-июле немцам удалось выйти к Дону, взяв Ростов, создавалась реальная угроза Сталинграду и всему Северному Кавказу. Критическая ситуация создалась на подступах к Сталинграду, город был переполнен беженцами и эвакуированными, улицы забиты машинами и подводами, уходящими из города. Была паника. Сталин проводит специальное совещание, на котором присутствуют Г.Жуков и А.Василевский. На повестке дня — критическая ситуация под Сталинградом и на Северном Кавказе.

В конце июля войска 6-й немецкой армии, ценой невероятных потерь прорвала оборону советских войск и вышла на стратегический важный плацдарм — левый берег Дона. Встречаясь в Берлине с японским послом, Гитлер хвастливо заявлял ему: «Этим летом Советы будут разгромлены. Я решил предпринять сильнейший удар в направлении Кавказа. Нужно выйти к нефти».

В эти дни, за подписью Народного комиссара обороны, выходит приказ за № 227: «Ни шагу назад!»

Это было обращение ко всем командирам, генералам и рядовым солдатам. В нем были такие слова:

— «Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Выдержать удар врага,

устоять перед его натиском — значит — победить! Ни шагу назад!»

Это была суровая правда войны и жизни. Все понимали, что от выполнения этого приказа зависит судьба каждого человека, и судьба исхода войны.

В летописи Великой Отечественной войны началась новая страница невиданных подвигов. Враг отчаянно рвался к Сталинграду, город жестоко подвергался варварским налетам, спешившим сравнять город с землей. Погибали не только защитники города, но и мирные люди — женщины, старики и дети. Вот короткая запись из воспоминаний маршала А.И.Еременко:

«Многое пришлось пережить в минувшую войну, но то, что мы увидели в Сталинграде 23 августа, поразило всех нас, как тяжелый кошмар». Об этом он будет писать позже, после Победы.

А пока шли ожесточенные бои, мир с затаенным дыханием следил за событиями. Вести с этих фронтов сразу же ложились на первые полосы газет и журналов, передавались телеграммами, из уст в уста.

Мария внимательно следила за ходом событий на Сталинградском фронте и родном Северном Кавказе. Она не пропускала ни одной информации, ни одного сообщения. Махачкала превратилась в прифронтный город, где почти на каждой улице сооружались оборонительные укрепления и противотанковые «ежи». Почти каждую ночь местное радио сообщало о воздушной тревоге. Соседи решили соорудить что-то вроде бомбоубежища, и тут пригодился прарабский опыт Хайвата, и по его чертежам коллективно соорудили прямо в центре двора узкое и длинное бомбоубежище по всем правилам гражданской обороны. Но, если говорить начистоту, это была обыкновенная землянка, и угоди в нее вражеская бомба, или снаряд, она бы в мгновение превратилась в братскую могилу. Но сидя здесь, в ночной темноте под толстым слоем обыкновенной земли, каждый чувствовал себя в какой-то мере в безопасности и успокаивал себя и окружающих. Мария с Ромкой на руках тоже частенько спускалась в этот, так называе-

мый «бункер фюрера», как она в шутку называла дворовую землянку.

История во все времена, на протяжении всей человеческой жизни, порой совершает досадные, а иногда и просто роковые ошибки, не вписывая в свою летопись определенные вещи, ошибочно принимая их за «незначительное». В эти июльские и августовские дни слово «Сталинград» было на устах у всех. Сталинград... Дом Павлова... Паулюс... Газеты, радио, мировая кинохроника боялась пропустить хотя бы одну деталь из Сталинградской эпопеи. История, как и люди, выбирает главное, забыв о том, что на земле нет ничего второстепенного. А в то же время...

Вечером, 5 сентября 1942 года немцы вошли в небольшой кавказский хутор «Менжинское». А чуть позже, где-то 29 октября они вошли и в столицу Кабарды — Нальчик. Вошли они и в другое поселение — Богдановку, в котором жили, в основном горские евреи. Так как значимость и масштабность боев в этих местах были поменьше, то и сводки с этих мест были не такими заметными. Сталинград был нужен Гитлеру, как ворота к грозненской и майкопской нефти, а совсем не потому, что город носил имя Сталина. — Я хотел достичь Волги, любой ценой, и чистая случайность, что этот город носит имя его вождя — Сталина, произнес он в одной из речей. Это важный порт, через который перевозится почти 10 миллионов тонн нефти. А это для нас сейчас, как хлеб.

Фашисты, переступая кавказский порог впервые, были осведомлены, что здесь живут горцы, а с ними надо держать ухо востро. Из Берлина была получена секретная депеша, в которой говорилось о необходимости вести себя на этой земле особо осторожно, чтобы не вызвать у населения чувства озлобления. Кавказцы, жившие в Менжинском — горские евреи, были родом из Дагестана, когда-то бросившие свои дома и хозяйства. Они почти ничем не отличались от настоящих горцев Кавказа, а немцам и в голову не приходило, что эти люди —

евреи. Они просились к ним на квартиры, разрешали работать, вели себя, как истинные джентльмены. Пока не появились первые полицаи из числа русских, армян, осетин и казаков. Уже через несколько дней был издан немецкий указ который извещал о том, что все евреи хутора будут все как один перевезены на другое место жительства. Рано утром всех погрузили на подводы и под военизированной охраной направили в сторону старого леса.

Предатели нашлись и в Моздоке. И здесь были облавы. Под предлогом оборонительных сооружений на территории старого кирпичного завода их заставляли рыть широкий котлован, а затем привозили сюда и зверски расстреливали. Такое же было и в Богдановке.

В Богдановке немцы искали синагогу. Но в селе не было таковой. И в канун Судного дня, перед самым зажжением свечей, они по одному загнали всех горских в здание клуба и заперли. На следующее утро им дали в руки лопаты, сказав, что они должны работать на великую Германию. Ночью, окна всех жителей Богдановки замазали густой известью. А евреев повели, уже к готовой вырытой траншее. Женщины и дети кричали, плакали, старики молились, уновисые непрерывной стрельбой, они падали, куда-то вниз в черную яму. Когда передовые части Советской армии ворвались в село, перед их взором предстала жуткая картина, тела не были даже засыпаны землей, и над еще не остывшими трупами клубился густой туман.

Картина была нечеловеческой, обезумевшие от увиденного, женщины сидя прямо у кромки траншеи выли, на их плачь собирались, как на тревожный набат люди, жившие в окрестностях хутора. Многие бросались в яму, пытаясь среди трупов опознать своих близких. Приехали представители власти из Ставрополя. Как же так, могло случиться, что евреи оказались брошенными на произвол судьбы, ведь о собаках, домашнем скоте позаботились, а о людях позабыли, говорили они друг другу. Приезжие чины пытались всячески оправдываться.

— Глупости. Просто попали врасплох. И вдруг, в многолюдной толпе, собравшихся у скорбного котлована, одна из женщин узнала одного из предателей — полиция, работавшего до войны в райкоме партии Житько. Нашлись и другие, которые своими глазами видели, как он, в числе других, гнал кавказцев на расстрел. Она бросилась на него, со всей силой, тряся его, как глиняный кувшин со свежим молоком, словно отбивая масло.

— Пурим, ты еще жива, сука старая? Как же так? Как же ты улинула? А Пурим, уже почти не осознавая ничего, в одночасье потерявшая трех сыновей и превратившись из 45 летней женщины в глубокую, дряхлую старуху, впиалась в его лицо, царапая до крови.

— Граждане, расступитесь, пожалуйста. Несколько сотрудников НКВД, с трудом пробивались к месту трагедии. Житько с трудом оторвали от нее и конечно тут же арестовали.

* * * * *

Даже временами теряя сознание, Мария каким-то непонятным чувством самосохранения, не выпускала Ромку из рук. Сознание то приходило к ней, то она вновь погружалась в черный мрак. Собирая последние силы, упираясь локтями в тела убитых, она старалась удержаться наверху, чтобы не быть задушенной бесчисленными труппами. Она не могла понять сколько времени она находится в этом аду, где мрак смешался с кровью, а прежний страх отошел куда-то далеко-далеко, как души этих убиенных, которым уже все равно где лежать.

Но вдруг, в очередной раз придя в себя, Мария как бы издалека, услышала обрывки фраз, на чистейшем русском языке:

— Сколько убитых, товарищ полковник! Без эмоций, — товарищ военврач, — немного грубовато, по-солдатски прервал его полковник. Давайте начинать работу. Проверьте тщательно каждого расстрелянного, может быть есть шанс спасти хоть кого-то.

Когда молоденькие санитарки, спустившись в яму увидели среди неподвижных тел, сидящую на корточках Марию с ребенком на руках, они не то от волнения, не то от радости хором закричали:

— Товарищ полковник, есть живые!

Мария все время, находясь в этом кошмаре, боялась только одного — плача Ромки, но он, как будто чувствуя опасность, выдержал это испытание.

— Да, мамаша, ты счастливый человек, можно сказать, родилась в рубашке. Ну, малыш, как дела, родной, сказал полковник, нежно принимая Ромку на руки. И стоявшие рядом санитарки увидели, как у бывшего фронтовика покатились слезы. В этот же день, армейские санитары вытащили из ямы смерти еще с десятков живых трупов — тяжело раненных, контуженных и перенесших страх смерти.

Марию с Ромкой поместили в один из военных госпиталей в Дзауджикау. Военврач госпиталя во время каждого обхода непременно шутил с Ромкой, который уже мало-помалу начал забывать о том ужасе, в котором он оказался с мамой.

— Ну, сын полка, как настроение?

Скоро представим тебя к награде за мужество, понял?

Ромке было два года и он мало, что понимал в шутилой философии большого рыжебородого дяди в белом халате. И лишь, когда тот протягивал ему шоколадку, он реагировал на это, как на нечто знакомое, пришедшее к нему из прежней знакомой жизни.

Глава 10

Откуда у парня испанская кровь?

*Залогом вольности желанной,
Лучом надежды в море бед
Мне стал тогда ваш безымянный,
Но вечно памятный привет.*

(М. Ю. Лермонтов. «М. Соломирской»)

Тот печально-памятный вечер, когда было намечено обручение Мойсея с Марией, столкновение с Анатолием оставило на его душе чувство досады и горькой обиды. Но, как умный и рассудительный человек, он прекрасно понимал, что в том нет вины Марии. Все это было настолько неожиданным, что ввело его в шоковое состояние и не только его, но всех родных и близких, поскольку очень уж открыто-оскорбительным был этот совсем уж не джентльменский выпад. Надо было после этого прийти в себя. Хотелось одного, уединиться и как бы смыть с себя грязь оскорбления, которой незаслуженно был испачкан Мойсей. Он хорошо знал свой собственный характер, что вряд ли в скором времени сможет простить и забыть все, что произошло. И почти неожиданно у него созрело решение. Он имел информацию о том, что идет набор молодых парней, добровольцев в Испанию в ряды республиканских бойцов. Вполне возможно, этим объяснялось и мужество горцев и некая внешняя схожесть. Ему обещали помочь, посодействовать прошению, вопрос мог решиться со дня на день и он решил поговорить с Марией. Мойсей подошел к последнему уроку и ждал ее у проходной.

— Почему ты ждешь меня здесь? — удивилась Мария. Она чувствовала, что он хочет сказать ей что-то важное для них обоих, что может повернуть всю их судьбу. Говори, не мучайся, я все пойму правильно.

— Моя родная, как-то неожиданно сентиментально начал он, в жизни человека бывают моменты, когда ему хочется убежать, скрыться, уединиться от всего белого света.

— И ты решил бежать? — немного с иронией спросила Мария.

— Мария, я не шучу, это правда. Человек, как аккумулятор, и его временами надо подзаряжать. Он сделал небольшую паузу, желая оценить ее реакцию. Но ему это не удалось. Лицо у нее сделалось каменным, неподступным, глаза поблекли, устремясь куда-то в даль. Мойсей даже испугался. Он нежно взял ее руку в свои большие ладони. — Мария, ты слышишь меня?

— Да, слышу. Спасибо за исповедь. Я и не думала, что ты такой трусливый. От себя не убежишь. Если не секрет, куда же ты все-таки собрался? Или, может быть это великая тайна? Говори же, не молчи.

— Извини, но пока я ничего сказать тебе не могу, — тихо, сказал он.

— И даже адреса не оставишь? — заволновалась Мария. Пока, не могу, поверь мне, так как у меня его нет. Я подписался добровольцем в Испанию и еду на войну.

— Ты едешь погибнуть? — резко оборвала его она.

— Ну что ты выдумала, я непременно вернусь. Вот увидишь, я ужасно не люблю слова прощания, лучше уж у прочту тебе стихи:

*Не позабудьте сладкий миг
В душе обидой не терзайтесь
Ах, этой жизни вечный крик, —
Уйдя на миг — на век прощайтесь.*

Мария понимала, что это конец ее счастливой жизни и ее любви, крушение всех ее надежд. По сводкам она знала, что сейчас происходит в той далекой от них земле — баррикады, кровь, смерть...

Тысячи молодых парней принимали такое же решение, как и Мойсей и шли на спасение чужих по крови, но близких по духу им людей. И никто не мог знать, что

пройдут годы и через шесть лет молодой сын испанского народа — сын Доллорес, из чистых испанских кровей — Рубен Ибаррури совершит свой подвиг на подступах к Сталинграду, на их, Мойсея и Марии земле. Но это будет потом. И Мойсей никогда не узнает об этом...

Это случилось в центре Мадрида, через пять месяцев после его приезда. Шли последние ожесточенные бои. Франко сжимал кольцом республиканцев. И в немалой степени помогали ему в этом brave солдаты с берегов Рейна, новоявленного фюрера Адольфа Гитлера.

Это был его последний бой, далеко от его родины, вдалеке от родных берегов Каспия. Множество танков, сопровождаемые сотней автоматчиков, яростно пошли на штурм небольшого укрепления, которое в последние дни превратилось в цитадель мужества и героизма. Неоднократно пытались перейти этот рубеж враги, но каждый раз натыкались на невиданный отпор, героизм его защитников. Но на этот раз подключилась авиация, пытавшаяся с помощью бомб новейшей конструкции смешать с землей защитников, и старинный замок, в котором они засели. Все слилось в одно черно-красное облако, превращая его в остров ада и смерти. Мойсей был ранен в ногу. Он уж не мог свободно передвигаться, пришлось ползти. С каждой минутой боль становилась все острее и острее, она становилась невыносима, он даже не стал звать единственную, оставшуюся в живых санитарку, кстати свою землячку, Зою, которая автоматными очередями давала отпор врагу.

Смотри, как лезут, суки, выругался Мойсей, и ценой больших усилий, заставил себя подняться, облокотившись на невысокий каменный выступ. Он успел сделать всего несколько очередей из автомата, как увидел, что патроны закончились, тогда он достал из сапог «лимонки» и стал их бросать одну за другой, хотел бросить в очередной раз, как вдруг его грудь пронзило что-то необыкновенно горячее, что жгло его, как раскаленное железо. Мойсей падал быстро, жадно хватая ртом воздух и цепляясь за покрытые мхом камни. Он упал на землю, как скошенный

стог сена, лежал с широко открытыми голубыми глазами и умирал под чужим небом, на чужой земле, и под чужим именем — Патрис.

Там, где-то далеко, далеко осталась его земля, древний Дербент, и его Мария...

Глава 11

Чужого горя не бывает

*Его душа была из тех,
Которых жизнь — одно мгновенье...*

(М. Ю. Лермонтов. «Демон»)

В те невыносимо тяжелые дни и месяцы 1942-1943 года, когда фашисты предпринимали и делали все возможное и невозможное, чтобы пробиться к Сталинграду, бои на Северном Кавказе отмечались особенной жестокостью и широкомасштабностью. Цена каждого боя была невероятно дорога, а цена поражения приближала конец. Это понимали и те, и другие. Но, если Сталинград открывал перед Вермахтом и Гитлером, помимо морального и психологического превосходства, новые стратегические и транспортные узлы, то Северный Кавказ — это была борьба за нефть. Налеты на Грозный не прекращались ни днем, ни ночью. Казалось, что горит само небо, когда загорались нефтехранилища, отсвечивая небо на сотни километров вплоть до Махачкалы.

Горящие потоки бензина и нефти лавиной хлынули в буйный Терек, и уже начала гореть вода. Горела все, что могло и не могло гореть — асфальт, телефонные и электрические столбы, грузовые машины и трамваи, «замершие» на своих остановках. И все это на фоне свиста летящих бомб, и взрывов, от которых в ушах лопались перепонки, плача детей, душераздирающих криков о помощи.

Махачкала, так же входила в планы Гитлера, значилась на его оперативной секретной карте. Отсюда он планировал прорваться в Баку и захватить через Каспий в двойное кольцо Персию. Но северо-кавказский фронт оказался крепким орешком, как и Сталинградский, на котором фюрер поломал свои зубы. Бои шли в горах Кабар-

ды, где воевала специально обученная группа «Эдельвейс». Бои шли на подступах к Орджоникидзе, Моздока и на других стратегически важных направлениях. Но пока Махачкала была тылом. Школы были превращены в госпитали, машины то и дело подвозили раненых, подобранных санитарями. Не узнать было теперь когда-то знаменитую школу №2 на Комсомольской улице. Военные машины скорой помощи зеленовато-темного цвета, то и дело подвозили прямо во двор очередную партию раненых, подобранных санитарями, всего несколько часов назад с поля боя. Среди них были и очень тяжелые, и почти умирающие, потерявшие сознание. Таким же госпиталем стала и школа №14 на Марковой, которая была в двух шагах от родительского дома Марии. В школьный пейзаж вписались полевые закопченные кухни, санитарные машины, солдаты и офицеры, пританцовывавшие на костылях. Вместо игровых и цветочных площадок, торопливо заняли место противотанковые «ежи» и широкие каменные укрепления, что-то наподобие дзотов. Воинские части была расквартированы по местным дворам, на сколько это было возможным. Солдаты жили и в родительском доме Марии. Она жалела их, как родных и близких, и думала о своем брате Иосифе, так рано ушедшем из дома, и познавшим всю горечь военной жизни. Где он теперь? Быть может вот также в чьем-то доме. А ведь впереди у них бои, и один бог знает, когда это закончится и сколько им суждено жить. Эта мысль о брате Иосифе, так рано начавшем военную жизнь и хлебнувшем всю горечь солдатской жизни, постоянно терзала ее. Где он теперь? Ответа не было.

Мария помогала солдатам, расквартированным в родительском доме. Она помогала им чем могла — то гимнастерку заштопает, то сбегает на почту, то чай заваривала. Маленький Ромка стал любимцем всех солдат. С вьющимися волосами и румянцем на щеках, он вызывал у этих пропахших крепкой махоркой людей, воспоминания о далеком доме, о своих оставленных детях. И он, в свою очередь привязался к ним, к этим чужим для него дядям

и не сходил с их рук, меняя одного солдата на другого, балагура что-то непонятное своим картавым языком.

В доме знали, что Мария не переносит запах крови, и удивлялись тому, как она решилась пойти на ускоренные курсы медсестер, для того, чтобы потом, без всякой оплаты помогать в госпитале. Ей помогала ее решительность, присущая с детства. Закончив курсы, она с головой ушла в работу, в новое для нее дело.

— Глаза боятся, а руки делают свое дело, часто говорила пожилая медсестра, видя робость молодых девушек. И я раньше боялась, привычка — великое дело. Но время для привыкания не было. Мария в основном делала черную работу — собирала по палатам грязные бинты, делала уборку, кормила с рук тяжело больных.

Госпиталь жил без перерыва и отдыха, раненных подвозили несколько раз в день. Хирурги неделями не уходили домой. Постепенно она стала привыкать, но ко всему привыкнуть невозможно, да и некогда, работы было много. Как-то придя на дежурство, она не поверила своим глазам. В палате для тяжело больных она увидела загипсованного, забинтованного, до боли знакомого человека — это был ее коллега по школе. Он лежал с закрытыми глазами, возле него сидела медсестра. Заметив встревоженный взгляд Марии, она спросила — Знакомый? Родственник? Кто?

— Вместе работали. Учитель физкультуры. Известный спортсмен, чемпион республики. Что с ним, Павловна? Так звали медсестру. Они вышли из палаты, Павловна закурила популярные в то время папиросу «Казбек» и сказала, что ему ампутировали обе ноги, пока он под наркозом. Через несколько дней с ним можно будет поговорить, утешить.

У него в Махачкале была невеста, — грустно вспомнила Мария, — должны были сыграть свадьбу. Эх, проклятая война, все искалечила...

Через несколько дней Мария вошла в палату, Давид лежал задумчивый, с широко открытыми глазами. От нахлынувшего волнения она не могла выговорить ни слова. На помощь пришла Павловна.

— Давид, познакомься, это наша Мария. Давид вдруг очнулся и пристально посмотрел — Марья Михайловна, это вы? Родная вы моя. И по его щекам потекли скупые мужские слезы. Мария подошла к нему и нежно поцеловала. Затем села рядышком и стала причесывать его растрепанные и влажные волосы.

— Дома знают? — спросила она. Надо сообщить.

— Нет, Мария. Я не хочу быть никому обузой. Очень прошу, не говори никому, ни близким, ни знакомым, особенно Берте. Я не хочу, чтобы она видела меня таким, пусть лучше думают, что я погиб.

— Но у тебя жива мать, не унималась Мария.

Я умер для всех, понимаешь, умер. Я знаю, что ты сумеешь сдержать слово, я верю тебе, Мария.

Это было для нее не меньшим испытанием, чем когда она с маленьким Ромкой оказалась в руках у полицаев, а затем полуживая лежала среди мертвых и живых, среди крови, тьмы и ада, но она должна была молчать. Сердце и душа разрывались от жалости, а глаза плакали.

Глава 12

Письмо медлительнее пули

*Неясный трепет ожиданья,
Страх неизвестности немой...*

(М. Ю. Лермонтов. «Демон»)

Письма от Иосифа приходили домой нерегулярно: то каждый месяц, то месяцами не было никаких известий. Каждый день, приходя домой, после проведенного ею тяжелого рабочего дня она начинала, как могла успокаивать домашних, ведь он на войне и у него просто-напросто нет времени, и воюет он на одной из самых горячих точек.

С первых дней войны Иосиф уже был настоящим морским «волком». Фашисты бросили на крымское направление свои отборные части. Защитники Новороссийска и Керчи оказались в тяжелейшем, если не критическом положении. От Иосифа долго не было никакой весточки.

— Будет счастье, если он выйдет из этого ада живым, отвечал Хайват, на многочисленные вопросы знакомых о судьбе их сына.

Но на этом этапе он выжил всем смертям назло. И в коротком письме, сообщил, что с ним приключилось под Керчью, и о том, как он выжил, что теперь он в танковых частях особого назначения и ждет час от часа отправки на Сталинградский фронт.

— Мои дорогие, — писал Иосиф, — не волнуйтесь. Все будет хорошо, я надеюсь.

И приписка для Марии.

Дорогая Мария, поцелуй за меня племянку Ромку, скажи ему, что дядя вернется с победой. Береги себя. Я так люблю тебя. Ты самая красивая, умная и самая добрая. С наступающим Вас Новым годом!

Ваш сын и брат Иосиф.

— Из огня, да в пекло, нервно ворчал Хайват, когда Мария закончила чтение письма. Все знали, что, начиная с 1942 года Сталинград и Сталинградский фронт превратился в центр ожесточенной борьбы. За героическими буднями защитников Сталинграда в эти дни следил весь мир. Судьба Сталинграда решала не только исход войны, но и судьбу мира. Мария молила Бога, чтобы он был милосерден к ее брату. Она знала, что положение на этом участке фронта очень серьезное, и что враг находится от Сталинграда совсем близко. Танковые немецкие дивизии заняли один из важных плацдармов на левом берегу Дона. Кольцо вокруг Сталинграда сжималось. Командующий 6-й немецкой армии Паулус ввел в бой сразу 12 отборных дивизий. В этой ситуации создавалась реальная угроза прорыва немецких войск в Сталинград. Ставка решила нанести учреждающий удар по гитлеровцам. В помощь основным ударным группировкам были выделены 24-я и 66-я резервные армии.

Мария постоянно следила за новостями на этом участке фронта. Однажды ей попала в руки газета «Правда», в которой она прочитала репортаж с места событий, одного из военкоров о доблестных защитниках «Дома Павлова».

Самый обычный жилой дом, расположенный на улице Пензенской, превратился в настоящую крепость, в невиданный бастион героев. Мария жадно вникала в каждое слово и в каждое предложение этого репортажа о горсточке советских солдат, которых не могли одолеть свыше 100 фашистских автоматчиков.

— Папа, папа, — радостно возбужденно сказала Мария, вернувшись с работы. Что, письмо от Иосифа? — переспросил Хайват, заметно постаревший за это время.

— Нет, папа, другое. Но это тоже, связано с ним. Ровно два месяца гитлеровцы штурмовали Дом Павлова и не могли побороть горсточку солдат, и что удивительно, что у стен этого дома полегло столько немецких солдат, сколько при взятии Парижа.

Она по несколько раз перечитывала письмо от Иосифа, те моменты, где он описывал картину происходящего на подступах к Сталинграду и строки из статьи, где говорилось о провале гитлеровской армии, потерпевшей поражение на этом клочке земли, она читала вслух, когда вся семья собиралась на короткое время, особенно она это делала ради отца.

— Папа, вот послушай, — говорила Мария, с особым пафосом, что говорят немецкие офицеры, которые совсем недавно выглядели перед всем миром непобедимыми рыцарями. Послушай, что пишут в газете «Правда».

— Это ад на земле, это Красный Варден. Нам не удастся продвинуться ни на метр земли. Русские отбрасывают нас, как резиновый мяч. И подпись: обер-ефрейтор Штайнлиц.

А вот еще одно.

— Две недели назад, когда мы вошли в Сталинград, нас было 250 человек. Сейчас осталось в живых только 30. Все остальные убиты, или тяжело раненные. С минуты на минуту жду своего часа.

Ефрейтор Гельмут Бинке.

— Русские дерутся здесь, презирая смерть до самого последнего вздоха. Если есть на земле ад, то имя ему — Сталинград.

Солдат Гельмут Отто.

Мария не знала, как поддержать отца, и чувствовала, как переживания жгут его. Она знала, как много пережил в жизни этот человек, сколько утрат повидал на своем веку, она знала, как ей самой тяжело на душе.

Память нет-нет, временами напоминала ей о том, что ей самой пришлось пережить, тот кошмар, так похожий на сон, ей до сих пор не верилось, что это она, Мария, выдержала все это.

Но вспоминались и минуты гордости за свой народ. Когда Гитлер повернул на Кавказ, он наивно полагал, что горцы, бросятся ему в объятия, как к долгожданному своему спасителю. Но не тут-то было. Горцы, познавшие всю тяжесть прошлой, беспросветной жизни, вопреки его же

ланию, наоборот, сплотились, стали ближе друг к другу, давая отпор врагу, и отвергая слухи о ненависти русских к малым народам. В каждом селе, городе, поселке проходили бесчисленные митинги, собрания, на которых горцы выражали свою любовь к Родине, и готовность даже ценой своей жизни защитить ее.

Глава 11

Ирония судьбы

*...Моя ж печаль бессменна тут, —
И ей конца, как мне не будет,
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пламень,
То давит мысль мою, как камень —
Надежд погибших и страстей
Несокрушимый мавзолей.*

(М. Ю. Лермонтов. «Демон»)

Шел апрель 1947 год. Еврейской школы уже не было. Ее закрыли в первый же год войны. Но, как в старые добрые времена, к удивлению всех и вся, по-прежнему процветал пригородный еврейский колхоз имени Сталина. Может быть, в этом и был секрет его живучести и долголетия. Еще война была в разгаре, когда руководство колхоза уговорило Марию стать заведующей колхозного детского сада, учитывая ее богатый педагогический опыт и умение прекрасно работать с детьми. И Мария безо всяких, согласилась, выдвинув единственное условие — дети должны быть сытыми.

— Мария Михайловна, о чем вы говорите. Хозяйство у нас свое. Даю вам гарантию, сказал зам.пред. по хозяйственной части Бирор.

Работа Марии нравилась. В этот же детский сад она водила и Ромку, который заметно подрос, поправился, и Мария уже готовила его к школе. Все постепенно обустроивалось. Немного затихали душевные раны, и она тоже постепенно начинала забывать ужасы войны.

Но однажды, придя с работы, она увидела мать заплаканной, у Марии защемило сердце.

— Мама, что случилось? — спросила она.

Я точно не знаю, папа тебе все объяснит. Вернувшись с работы Хайват, рассказал Марии, что на ее имя пришла повестка из органов.

— А точнее, переспросила Мария, точнее?

— Из ведомства генерала Маркаряна, кстати, нашего соседа по улице, — ответил Хайват.

Но тебе нечего волноваться, Мария, ты ничего плохого не сделала, ничего не украла, честно работаешь и, может быть, вообще по ошибке вызвали. А может, хотят предложить другую работу, тебя ведь все знают, как великую учительницу.

— Папа, перестань, мне не до шуток.

— А я и не шучу, и тут же добавил — повестка на 10 утра. Надо предупредить начальство и отпроситься с работы.

Утром Хайват всячески уговаривал Марию, чтобы она разрешила ему сопроводить ее. Мне будет спокойней, просил он.

— Папа, я взрослая женщина и меня не надо сопровождать.

Без четверти десять Мария уже сидела в приемной. Молодой капитан вежливо попросил у нее повестку и предложил сесть.

Вчерашнего волнения уже не было, может, и вправду работу хотят предложить? Она стала терпеливо ждать и так ушла в свои мысли, что не заметила, как капитан подошел к ней.

— Извините, задумалась.

— Ничего, бывает, генерал задерживается, посидите, почитайте. Встреча состоялась только через два часа. Она вошла в просторный кабинет, устланный добротной ковровой дорожкой. Генерал — был человеком высокого роста, с коротко постриженными усами на широком багрово-красном лице, напоминающим белогвардейских казачьих офицеров. Его имя было на слуху, и не потому, что он занимал такой высокий пост, а потому, что он слыл большим интернационалистом. Его могли видеть на праздниках, или похоронах любого простого семейства, за традиционными праздничными столами.

Он жил на улице Оскара, в небольшом двухэтажном доме из красного кирпича, по соседству с ним жили и семьи других сотрудников. Было у него строгое расписание — 8.30 к особняку подъезжал черный ЗИМ, пацаны с восторгом смотрели на живого генерала с лампасами на строгих темно-синих штанинах. Он спокойно садился в машину, это же повторялось в середине дня, когда он с педантичной точностью приезжал домой на обед. И несмотря на всю власть в его руках, грозный вид, устрашающий генеральский мундир, придававший его облику еще нечто более устрашающее, он был очень домашним человеком. В семье было трое взрослых детей — два сына и дочь. Старший сын был небольшого роста, с желтовато-измученным лицом, он хромотал. Его хромота была связана с его давней болезнью, работал он в больнице и слыл знающим хирургом. Младшего сына звали Рэм. Он был точной копией отца.

Дочь — рослая, видная дивчина, с широким лицом, на котором во всю играл румянец. Волнистые, черные волосы спадали ей на плечи, как вьющийся шелковый водопад. Она чем-то напоминала княжну Мэри из лермонтовского «Героя нашего времени», ту самую, которая поначалу так страстно добивалась Печорина.

Потом, уже спустя годы, когда умер Сталин и на трон взошел Никита Хрущев, семья генерала Маркаряна переживет не самые счастливые дни в своей жизни. Его обвинят в сообщничестве с Берия и как врага народа расстреляют. Но до этого будет закрытый суд, и рядом с ним будет сидеть еще и другой кавказец — Багиров, тот самый большевик №1 Азербайджана, друг и соратник Сталина. Всего за несколько недель генерал постарел, у него уже не было того величия и все чаще он стал обходиться без черной машины, идя пешком, опираясь на толстую трость. Он шел медленно по той же знакомой ему Оскара, по шумному махачкалинскому «Брайтон-Бич», останавливался, чтобы перевести дыхание и вновь продолжал свой путь.

Но это потом, через года. А сейчас, он находился в самом хорошем расположении духа.

Он предложил Марии сесть, указывая на стоящее рядом с его столом кресло.

— Чем обязана, и за что такая честь? — сразу перешла в наступление Мария.

— О, Мария Михайловна, — расхохотался хозяин просторного кабинета. А вы, аналитик, вот бы мне таких работников. Но, ближе к делу. Дело касается событий давно минувших дней. Надеюсь, что у вас с памятью все в порядке, и вы поможете мне разобраться в одной вещи. После этого была сделана небольшая пауза, как бы на обдумывание.

У Марии не дрогнул ни один мускул, она сидела совершенно спокойно, как бы думая о чем-то своем.

Он начал свой рассказ медленно, растягивая слова, как бы вытягивая их из-под земли.

— Вы когда-нибудь встречались с Бен Герарием?

— Ах вот, откуда дует ветер, промелькнуло у нее в голове. Да, встречалась, и не раз, на различных форумах, конференциях, вечерах горской культуры. В этом есть, что-нибудь предосудительное?

— Как бы вам лучше объяснить, Мария Михайловна, это человек фигура одиозная, с вражеской идеологией, саботажник и в какой-то мере — враг советской власти.

— Мой генерал, вспыхнула Мария, невозможно заставить всех людей одинаково мыслить, и как мне кажется, идеология это образ мышления.

— Ошибаетесь, Мария Михайловна. Идеология — это не мышление, это позиция человека, это его убеждения. Так вот, у этого самого Бен Герария, идеология была враждебная.

— А почему была? — спросила Мария.

— Потому, что отбывает он теперь свой срок на Колыме, спасибо, что еще не расстреляли.

— Скажите, а что вы хотели узнать от меня, какое отношение имеет эта история ко мне?

— Все это было бы навечно забыто в архивах, но вот в чем штука, Бен Герарий подал на апелляцию, и вот все опять и всплыло. А вы, пожалуйста, не волнуйтесь, для

вас это простая формальность. А ведь знаете, кем оказался это самый Герарий — сионистским агентом, собирал денежные средства для будущего Эрец Исраэль. А поэзия, пьесы и спектакли — все это только прикрытие. Ну, что вы скажите теперь?

— Я знаю о том, что он ратовал за возрождение культуры, традиций и письменности, ведь у горских, как и всех народов Кавказа богатая история — древний Дербент, персидское нашествие... Она пристально посмотрела на генерала, убедившись, что он слушает ее, внимательно она продолжила. Я, конечно не прокурор, и не следователь Особого отдела и ни имею права осуждать или оправдывать чьи-либо действия. Но разве можно судить человека за его патриотизм?

— Мария Михайловна, прервал ее генерал, скажите спасибо вашему еврейскому Богу, что вас не тронули, только за то, что вы являлись слушательницей его крамольных выступлений, а то ведь и вы могли «загреметь» вместе с ним.

В общем, так, вы явились просто жертвой обмана. Но у меня есть к вам и второй вопрос, можно сказать, личный. И речь пойдет об Анатолии Бэдэле. Я думаю, что вы не забыли его имя?

— Это мой муж, сказала Мария, чего уж тут забывать.

— У вас, кажется, есть ребенок? — спросил генерал.

— Да, сын, четко ответила она.

— Вы знали, что он готовится к побегу? Что вы знали о его связях? Куда он мог уехать? И сколько времени вы с ним жили?

— Все просто, как на вступительных экзаменах, — пошутила Мария, хотя ей было не до шуток, так как все прошлое нахлынуло на нее чудовищной волной воспоминаний.

— Какое же это бегство, когда он заказал мне на ужин сделать пельмени, позвал друзей, у него был день рождения.

Я пришла с работы пораньше, с подружками стали лепить пельмени, через пару часов стали приходиться гости, но Анатолий ни в этот вечер, ни завтра утром, ни после-

завтра не явился. Исчез, как иголка в стоге сена. И только, когда пришли с ордером на его арест, я поняла, что произошло нечто ужасное.

— Вы и сейчас не знаете где он, не подавали на всесоюзный розыск?

— А для чего мне подавать на розыск, — несколько раздраженно спросила Мария. Он же не от меня убежал, а от вас. Вы хотите сказать, что я должна разыскивать человека, отца моего ребенка, для того, чтобы он попал к вам в руки. Не по-людски получается.

— Да, ухмыльнулся Маркарян. Любопытная у вас логика.

— Чего уж тут любопытного — вдова при живом муже.

— Мне было с вами приятно побеседовать, вы очень обаятельная женщина, а я, поверьте, знаю толк в женщинах.

Давайте ваш пропуск, я отмечу его, а то, того гляди не выпустят такую красивую женщину. Заходите с мальчиком к нам, супруга будет рада познакомиться, ведь как-никак оscarовские. Вы уж не гневайтесь на меня, Мария Михайловна, закон есть закон — обычная процедура.

Выйдя на улицу, она почувствовала необыкновенную легкость на душе. Было ощущение, что с нее сняли тяжелый груз. Она быстрым шагом направилась на междугороднюю станцию, так как обещала приехать к своей подруге, у которой год назад в этот день умерла мать. Сев в автобус, она почувствовала себя дурно — жара, забитый до отказа автобус, да и она с утра ничего еще не ела, незаметно она ушла в свои мысли, разговор с генералом возбудил в ее памяти то, что она старалась не вспоминать, не будоражить в себе.

Она почему-то вспомнила Мойсея, который погиб 11 лет назад под чужим именем, и теперь покоится где-то на чужой земле в братской могиле. Она ждала его, терпеливо, долго...

* * * * *

Тяжелое крушение пригородного поезда Махачкала-Буйнакск произошло поздно вечером, часов в десять, со-

став сошел с рельсов. Картина была не для слабонервных. Душераздирающие крики, разбросанные тела погибших. Весть быстро разнеслась по всей округе и, конечно донеслась и до Махачкалы. Одним из первых узнал о трагедии старший брат Марии — капитан республиканского военного комиссариата, Яков, и, конечно до Хайвата. Он не находил себе места, так как знал, что Мария должна была вернуться домой этим поездом.

— Послушай, Яков, можешь выпросишь у начальства замену, съездим на место происшествия, объясни, что сестра должна была быть в этом поезде.

Вскоре, они уже были на месте трагедии, все было оцеплено. Но у Якова был специальный пропуск, который в любой ситуации давал ему зеленый свет. Хайват с фонариком ходил вокруг разбитых вагонов, и искал свою дочь среди живых, или мертвых. А Мария, тем временем, после процедуры соболезнования искала любую возможность уехать домой, так как поезд она уже пропустила.

— Это же Буйнакск, говорили ей ее друзья, где мы найдем тебе машину, да еще в такое время? Даже телеги не найдешь. Переночуй, а завтра уедешь. И она осталась до утра. А утром, с первым автобусом возвратилась домой. Уже подходя к дому, она услышала женский плач.

— Вы, что это меня хороните, — спросила Мария и сама, не зная, почему-то расплакалась, обнимая мать и всех собравшихся поочередно.

— Отец с Яшей со вчерашнего вечера на станции в поисках, растирая слезы, тихо сказала мать. Я сейчас обойду все места, где они могут быть, сказала Мария, не беспокойся. Ну, теперь скажи, что нет судьбы, обращая свой взор в сторону матери, которая тоже просидела всю ночь, не сомкнув глаз. Ведь она должна была приехать этим поездом. Но так получилось, что приехала в Буйнакск поздно. Надо было немного посидеть среди людей. А к поезду уже не успевала, значит, так было суждено...

Ты знаешь, Мария, такие страхи рассказывают те, кто видел это крушение. Там погибла молодая пара. За день до этого в родительского доме они сыграли свадьбу. Невеста была в белоснежной фате, а жених в черном костюме. Наш Яша, бывший фронтовик, повидавший многое, но даже он был потрясен увиденным. Такая нелепая смерть. Они лежали рядышком, такие красивые. Я представила состояние бедных родителей.

Глава 14

53-й год

Не вспоминай его. Что имя?

Звук пустой!

Дай бог, чтоб для тебя оно оставалось тайной.

(М. Ю. Лермонтов. «Ребенку»)

Предстоящий выезд Марии в Москву домашние не одобряли, особенно мать Либо, или Хубей, как звали ее близкие. Ну, куда ты едешь, потратишь деньги, намучаешься, и неизвестно добьешься ли чего-нибудь. Ведь это связано с выездом за границу, тем более Западная Германия. Найдешь ли ты там, в братской могиле имя Иосифа, неизвестно. Кто тебя выпустит из страны? Знакомых у нас в министерстве обороны нет, тебе даже пропуск вряд ли выпишут на прием в МВД. Подумай, Мария, говорила Хубей.

Но если Мария что-нибудь задумала, то должна была все довести до конца, по-своему. Она решила вместе с отцом поехать на братскую могилу во Франкфурт на Майне, в которой был захоронен 20-летний Иосиф, за несколько дней до желанной Победы. И она отдавала себе отчет, что сделать этот очень не просто, но отступить от своей идеи не хотела. Что ж это получается, 20-летний парень отдал жизнь за свою страну, а теперь отец и сестра не могут даже поклониться его праху? Посмотришь, папа, я все равно добьюсь, пыталась убедить домашних Мария.

— Ты хоть письмо напиши нашим родным в Москве, а то приедешь, как снег на голову. И вообще, могут ли они принять тебя сейчас?

— Какие ж это родственники, если не смогут приютить меня на пару дней, — возмущалась Мария. И было решено, что она едет, но если в течение недели у нее ничего не получается, то она возвращается. Она выехала вечером, на фирменном поезде «Дагестан». Вагон был пере-

полнен, но несмотря на это было ужасно холодно, на дворе стоял март, начало весны. Было уже 10 вечера. Свое нижнее место пришлось уступить одной престарелой и тяжело больной знакомой женщине, и взобравшись на верхний «этаж» она пыталась уснуть, но не могла — лежала и думала о своем. Стучали колеса, как бы отсчитывавая дни, месяцы, годы ее беспокойной и суетливой жизни, где-то в соседнем купе пели песни. Всплывали, почти забытые грустные и смешные эпизоды из ее жизни, лица живущих и ушедших из жизни близких. Как быстро летит время, ей уже 35 лет. А что видела она за эти годы?..

В Москве ее встречали. Она хорошо знала этот веселый, шумный и многолюдный город, а особенно Курский вокзал, где в любое время суток можно было встретить своих земляков из Дагестана. Но выйдя на перрон, она увидела незнакомую ей Москву, что-то изменилось, что-то было не так — много милицейских, нескончаемая река людей.

— Что-то произошло, — спросила она у встречавшей ее родственницы Берты.

— Да, случилось, а ты разве не слышала???

— Умер Сталин, шепотом сказала она. Было сообщение в «Правде» от ЦК партии. До этого каждый день печатали бюллетени о состоянии его здоровья. Завтра похороны. Бюллетени читала, — сказала Мария

Подавленная и убитая этим известием, она решила, что завтра обязательно пойдет на церемонию похорон. И уже завтра, в 10 утра, Мария была на знаменитом Бульварном кольце, на пересечении со Сретенькой, и увидела толпу тысяч и тысяч людей, которые устремлялись к Колонному залу Дома Союза. Ей казалось, что она осиротела, что осиротел весь мир с его уходом. Тихо продвигаясь, она плакала и не скрывала своих слез, все плакали, все стремились последний раз посмотреть на своего великого вождя, на отца всех народов, как его называли.

К 12 часам толпа превратилась в лавину, которая несла всех в вся, ей становилось страшно, ее несло, был страх упасть и быть растоптанной, все это сопровожда-

лось траурной музыкой, дикими криками, воплями, плачем, вдруг она вспомнила черную бездну смерти и корчащихся в собственной крови людей. Не было ни метра свободной земли. Она боялась упасть и быть втопанной в грунт. Мария чувствовала себя маленьким зернышком в объятиях гигантских жерновов. Каким-то чудом ей удалось вынырнуть из этого ада к узкому проходу — искусственной колее, по которой двигались милицейские машины, пытавшиеся, как ледокол расколоть это чудовищные толпы, идущие отовсюду. Она была на свободе и все остальное уже наблюдала со стороны. Она видела, как сотни рук подхватывают машину, и словно бумажную игрушку поднимают, несут, а затем выбрасывают, как ненужный отход в мусорные ящики прямо на головы и спины других, плывущих вместе с ними. Она уже не хотела видеть ничего и ей уже не хотелось отдать последние почести великому вождю.

Глава 15

Ищите меня на Красной площади

*Смотри ж, ни говори, ни про мою печаль
Ни вовсе обо мне. К чему? Ее, быть может
Ребяческий рассказ рассердит иль встревожит...*

(М. Ю. Лермонтов)

После закрытия школы, Мария уже не особо и стремилась к педагогической работе. Прошло столько времени, столько воды утекло, я уже потеряла квалификацию. Но это она так думала. Просто слишком много выпало на ее долю за это время, не было душевных сил, чтобы уверенно, как в прежние годы, спокойно работать в школе, с детьми, которые требовали морального равновесия педагога. Проработав некоторое время в еврейском колхозе, в детском саду, она твердо решила начать все с начала и пойти работать на производство. Она пришла в рыбный комбинат, в отдел кадров. Там, ознакомившись с ее личным делом, были удивлены: с такой биографией, простым рабочим копильного цеха?

— Мария Михайловна, вам бы на общественную работу, парторгом, профсоюзным лидером. Вы, человек с дипломом, всегда были среди людей.

— Не место красит человека, — отшучивалась она. Походим в рядовых, а там будет видно.

Но временное затянулось надолго и не потому, что ей не предлагали ничего более подходящего, просто привыкнув к коллективу, ей было трудно бросать все. Она была слишком требовательна к себе, и требовала и от других полной отдачи в работе. Она никого никогда не ругала, просто умела поговорить по душам.

— Ну, брат, рассказывай, что у тебя, что за настроение, почему глаза на «мокром месте»?

Этот домашний настрой, дружеский тон, создавал теплую обстановку среди тех, кто работал с ней, обстановку доверия и доброжелательности. И хотя не всегда на ее душе было спокойно, скорее наоборот, ни один мускул на ее лице не выдавал ее настроения — всегда приветлива, улыбчива. Для нее никогда не было чужого горя, она всегда все принимала близко к сердцу и чужое горе, и чужие радости. И люди всегда тянулись к ней, всегда были вокруг нее. Ее неоднократно приглашали на собеседования, предлагали должности руководящих работников.

И однажды старший инспектор сделал ей деловое предложение, рассказав, о том, что открывают для нее специально вакантную должность заместителя генерального директора по работе с кадрами. И что это предложение исходит не от него, а сверху, что хватит ходить ей в резиновых сапогах, уже не молода, и что надо немного пожить для себя — персональная машина, кабинет, зарплата, без физических нагрузок.

Она попросила время на обдумывание, но сомнения не покидали ее. Она привыкла работать с простыми людьми, она человек другой гвардии и привыкла говорить и делать все открыто, справиться ли она с этой работой? И вот решила отказаться от этого заманчивого предложения. Так и осталась она работать на старом месте среди вечной сырости, все в той же клеенчатой робе с бесконечными подъемами на самую верхотуру для сушки рыбы. Но авторитет ее, конечно же, поднялся как среди ее сослуживцев, так и среди администрации. Ее бригада работала на экспорт и всегда преуспевала. Все, конечно, понимали, что это дело рук Марии, благодаря ее умению уговорить, внушить, благодаря ее ответственности. Она стала первой горянкой, удостоенной ордена Трудового Красного Знамени, были и другие награды. Ее фотографии вновь запестрили на страницах газет и журналов, рисовались на досках почета. Очень торжественно было обставлено ее награждение орденом. Мероприятие проходило в республиканском русском театре, в президиуме сидели все именитые люди, она должна была произнести всего несколько слов благодарно-

сти. Порой ей казалось, что ноги не подчиняются ей, только силой воли она сумела взять себя в руки, вышла и сказала простые теплые, понятные слова.

Не было ни одного праздника, на который бы ее не приглашали, она всегда находилась на трибуне, среди почетных гостей, но всегда оставалась простой, душевной женщиной.

Однажды, какие-то хулиганы, устроили погром на еврейском кладбище. Картина была удручающая — вывернуты могильные камни, разбитые куски мрамора, хулиганские надписи, несколько пристреленных на месте собачек. Слух об этом прошел по всему городу, и Мария, как общественница, да и как человек, еврейка, не могла отнестись ко всему этому равнодушно. Она решила привлечь внимание широкой общественности к этому акту вандализма. Она сделала запрос в Москву, добилась того, что в связи с этим, в Махачкале прошли один за другим два громких митинга, представители всех национальностей позорно заклеямили вандализм 20 века. Правоохранительным органам удалось выйти на след. Но для Марии все это имело свое неприятное продолжение. Среди молодчиков был брат одной из работниц, которая совсем недавно до этого случая попросилась в подсобные рабочие к ней в бригаду. Она частенько рассказывала пошлые анекдоты про Сару и Соломона и не отличалась большой нравственностью. После случившегося дивчина решила во что бы то ни стало отомстить Марии.

Как-то Мария предложила ей поработать, научиться всему процессу.

Девушка с «удовольствием» согласилась, ей объяснили как, что нужно делать, проинструктировали.

— Не отвлекайся, держи подставку крепче, чтобы она не съехала, и больше ничего хитрого здесь нет, — объясняла ей Мария. А сама поднялась на верхотуру и принялась вывешивать тяжелые рыбины. Система была отработанной, подстраховка считалась гарантированной. После каждой операции Мария возвращалась на так называемую площадку, или как их еще называли «козлы». Делала она это многие годы, и всегда все проходило без каких-либо происшествий.

Закончив работу по развешиванию рыбы, она возвратилась на свое рабочее место и, не глядя, шагнула на «козлы», но подставки не оказалось на месте и она упала в никуда. Она упала и ударилась головой о что-то острое. Вскоре появилась «Скорая», а через полчаса и следователь, которому ее новая подопечная все начистоту и рассказала: была месть за брата.

Сыну Марии, Рахмани позвонили сразу же, травма была тяжелой, мать находилась в критическом состоянии. Ворвавшись в больницу, наспех надев халат, он вошел в палату и обомлел — в углу на кровати лежала его мать, вся забинтованная вдоль и поперек.

— Ты меня слышишь, мама, — тихо произнес он. Это я, Рахмани. Она взяла руки сына в свои и глазами дала знать, что все хорошо. Еще долго сидел он возле ее постели. Через неделю ей стало полегче, а через полтора месяца ей разрешили вставать, потихоньку ходить: она возвращалась к жизни.

Глава 16

Холодное лето 59-го. Жаркий январь 72-го

*Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную —
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.*

(М. Ю. Лермонтов. «Молитва»)

Хайват заболел. Это было большой неожиданностью для всех, кто его знал. Человек, у которого даже голова никогда не болела. Было это перед самым Песахом. Он сам пошел к врачу, ничего не вызывало никаких опасений, вот только лицо изменило цвет на желтовато-коричневый.

В молодости у него барахлила печень, может болезнь Боткина, сам себе говорил он.

Но все врачи однозначно поставили диагноз — рак печени. Сообщили это Марии и Якову. Его выписали из инфекционного отделения домой. Хайват был крепким мужчиной, и никто не помнит, чтобы он когда-либо жаловался на боль, невезение, неурядицы. Но сейчас он угасал день за днем, боли становились невыносимыми, когда же она отпускала, в те недолгие минуты он успевал еще и пошутить с близкими. Навестить его съезжались все близкие, родственники, некоторых он не видел долгие годы. Вы делаете то, что придаете мне силы, как бальзам. Ей богу, я скоро поднимусь, говорил он. Но Хайват не поднялся. Его хоронили 5 июня 59 года. Было много народу, слез, вспоминали и его сына Иосифа. Гроб с телом несли на руках молодые ребята, которые по ходу меняли друг друга. Мария была вся в черном. Отец был для нее всем, и она плохо переносила невосполнимую потерю, несколько раз она теряла сознание.

Бабуля Хубей пережила мужа на целых 12 лет и умерла в лютую стужу в январе 72 года.

От мороза лопались деревья, а птицы падали налету. Умерла она не сразу. Несколько недель подряд ее мучила пневмония, а по ошибке был поставлен диагноз сердечная недостаточность. Время было упущено и спасти ее было невозможно. Рахмани бегал от одной семьи к другой, извещая других ее детей о болезни матери. Но у всех были свои проблемы и свои неотложные дела. Никто не приходил. Правда однажды, явилась младшая дочь, Динор, занесенная неизвестно каким ветром, стоя у порога дома, она небрежно спросила, у тяжелобольной матери:

— Хубей что ты хочешь? Тебе что-нибудь принести?

Бабуля Хубей посмотрела обиженным взглядом на дочь и тихо сказала:

— Стакан меда.

— Пожалуйста, только у меня нет денег. Стакан меда стоит рубль.

Конечно, у Хубэй был мед, и молоко, и все, что положено больному человеку. Дочь Мария, у которой она находилась все дни болезни, делала для нее все, что возможно и никогда не обижала мать. Бабуля просто хотела еще раз убедиться в том, как она хорошо знает каждого из своих детей.

Она любила и переживала за свою дочь Марию, которая принесла в жертву родительскому дому свою молодую жизнь и старая мать мучилась, терзалась из-за так рано ушедшего из жизни молодого Иосифа. Эти двое, никогда не уходили из ее измученной души.

— Мама, как-то сказала Мария. У тебя нет богатства, нет особняков, нет бриллиантов, но есть несколько золотых украшений. Давай, я позову всех детей, раздай им, и я тоже буду спокойна. Я не хочу войны с родными сестрами и братом, начнутся суды-пересуды.

Но бабуля и слышать не хотела об этом. Они жестокие, не хотят навесить умирающую мать, ждут приглашения.

20 января 1972 года бабуля Хубей умерла в маленькой комнатке с низким потолком, тихо, почти незаметно. Это

был второй удар. Рахмони взял все хлопоты по похоронам на себя. Он попросил в знакомом ведомстве пару машин и занялся совсем неприятными хлопотами — оформление документов, поисками продуктов. Целый день он был в бегах на лютom морозе и больное ухо «заговорило»: из него пошла кровь.

— Смотри, друг, у тебя будет осложнение, сказал один из его друзей, хочешь заработать менингит?

— А что мне делать, оставить труп посреди двора?

Мария и Рахмони с достоинством выдержали и это горе, и это испытание.

Глава 17

Его зовут Рахмони

*Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине.
Чья мысль душе твоей шептала,
Чей образ видела во сне.*

(М. Ю. Лермонтов. «Демон»)

Кажется, все богатые люди мира, не дорожили так всем своим добром, как она дорожила своим единственным сыном Рахмони. Она никогда не корила себя за свою судьбу. Она сама ее сделала. Человек, которого она любила, ушел так рано из жизни, долгие годы она еще надеялась на чудо, но оно не произошло.

Возвратился Анатолий из Москвы, возобновились вновь его ухаживания, близкие давили на нее, а ей было все равно, она понимала, что все равно любви уже никогда у нее не будет. И решилась, сыграли свадьбу. Родился сын. Жизнь брала свое. Дом, хлопоты и много работы в школе. Анатолий часто приходил домой нервный, усталый — Особый Отдел — множество людских судеб, срочных дел, авантюры, доносы и прочее. Здесь можно было и «погреть» руки и оказаться за решеткой. Мария боялась за него, боялась, дабы не случилось чего. И тревога оказалась не напрасной: в один из вечеров он не пришел домой. Роме шел всего седьмой месяц. До нее доходили слухи, что он жив, но срочно вылетел в Москву, а оттуда, якобы в Среднюю Азию, так как его ждала расстрельная статья.

* * * * *

Закончилась война. Много воды утекло. Вся ее жизнь была посвящена только одному человеку — сыну Рахмони, который был уже отцом двух дочерей. Еще в универ-

ситетские годы у него проявился талант литератора. Его охотно печатали в журналах, альманахах. Вышла первая его книга стихов. Его имя было названо среди пяти молодых поэтов мира в болгарском городе Варна. Пришла к нему и слава известного всесоюзного репортера. И надолго Северный Кавказ станет регионом, в котором он будет плодотворно работать, сотни маршрутов, встреч, множество статей, интервью, репортажей. Силу его острого пера все чаще и чаще стали ощущать на себе «большие люди», делавшие «большие, левые» деньги, «босы» и некоронованные «короли» подпольного бизнеса. И однажды, один из таких заявился в дом к Марии, зная о том, что сын в отъезде. Пришел он не просто так, а с подарками, цветами. Она знала, что эти люди недолголюбивают ее сына.

— Чем обязана? — откровенно спросила она, что вас привело ко мне?

— Угмоните своего сына, Мария Михайловна, а то у него будут, мягко говоря, неприятности, а я знаю, что он у вас единственный.

— Заберите свои подношения, и запомните — мой сын, не из трусливых, и его оружие — перо и бояться должны вы его. С тех пор на Рахмани шла охота. Он знал, что тут замешаны большие чины, так называемые «теневики». Мария боялась за него, и частенько просила его: — «Ну, зачем тебе это надо, их много, а ты — один. У тебя дети, талант. Смотри, Галя уже товаровед, Мариночка учится в Москве в гуманитарном университете, такая умница, такая красавица. Пиши свои книги, уйди от этой грязи».

Вся ее тяжелейшая жизнь, постоянные переживания надломили ее здоровье, она часто болела, перенесла инфаркт. Но выкарабкалась, была счастлива, что увидела семейное торжество — свадьбу своей внучки Гали. Она сидела такая радостно-возбужденная, наверное, вспоминая свою безвременно погибшую молодость.

Но на третий день после свадьбы Рахмани решил пойти проконсультироваться с врачами, хотел, чтобы обследовали ее самые лучшие специалисты, может, они попытаются поставить ее на ноги. На обратном пути решил

сделать кое-какие покупки для дома, но какое-то чувство тревоги, торопило его домой. На пороге его ждала дочь, с заплаканными глазами.

— Папа, закричала она, — бабуля умерла.

Где-то в глубине он был готов к этой минуте, но боялся ее, откладывал куда-то далеко.

А сейчас, ему надо заниматься таким тяжелым, противоречащим всему его нутру делами. Похороны. Какое страшное слово. Хоронить свою мать.

Он подошел к шкафу, желая достать паспорт Марии. Открыв его, нашел сложенный вчетверо листок бумаги. Он узнал, до боли знакомый почерк и стал читать.

Эпилог:
один враг — много,
тысяча друзей — мало

Дорогой мой сынок, Рахмони!

Я всегда была откровенна с тобой, как с сыном, как с единственным родным человеком в моей жизни.

Но есть вещи, о которых не говорят, даже с собственным сыном. В последние дни я чувствовала себя все хуже и хуже, и знала, что дни мои сочтены, но не хотела лишней раз огорчать тебя.

Я прожила нелегкую жизнь, и судьба нередко смеялась надо мной, посылая мне все новые и новые испытания. Но я была счастливой женщиной, у меня был ты — мое дорогое существо и моя гордость, надежда. Я пишу тебе, потому, что чувствую, что могу не успеть все сказать.

Дорогой сын! Я знаю лучше, чем кто-либо, что ты, настоящий человек, романтик, каких, может быть уже и нет на свете, Дон Кихот — справедлив, прямолинеен. И я опасюсь за тебя. Я знаю, что ты силен, смел и у тебя сильная воля, но у любого полководца должен быть соратник, чтобы победить на поле боя. Сейчас совсем другое время — время меркантильности и прагматизма. И я боюсь, что твой несколько крутой характер сыграет с тобой злую шутку, и ты останешься в гордом одиночестве. Это жизнь, а она непредсказуема. Даже не соглашаясь с мнением других, видя их непригодность, бездарность, авантюризм, ты не должен восставать против всего, что вокруг тебя, чтобы не остаться «белой» вороной, и не преумножать армию своих врагов. Люди так устроены, что не любят, когда им указывают на их ошибки, бездарность, не дразни их и не омрачай свою жизнь.

Можно поменять квартиру, мебель, но судьбу поменять нельзя, она дается Всевышним. Лучше любой компромисс, худой мир, чем добрая ссора. Это не значит, что надо идти против своей совести, просто быть немного по-

кладистей. Я знаю, что твой семейный корабль иногда опускаться ниже красной черты — ниже ватерлинии, но ты должен помнить, что семья — это твой тыл, будь умен и терпим в семье, с женой, детьми — они смысл твоей жизни. Всю свою жизнь я старалась оберегать тебя, ограждать от всяческих невзгод, теперь я ухожу, старайся понять других, не слушай только себя. Иногда, человек делает поступки, о которых жалеет потом всю жизнь, которые нельзя исправить, не отвергай протянутых рук, жить нужно разумом, а не эмоциями. Самое страшное в жизни — это когда ты один. Даже великие полководцы, не знавшие никогда горечи поражения, погибали от неотразимого меча — одиночества.

В свою очередь, я чувствую свою вину перед тобой: в этом беспокойном и непутевом мире ты остаешься совсем один — лицом к лицу с невзгодами, недругами, черной завистью и местью. Все эти годы, я, как могла, была для тебя тихой гаванью, стараясь оберегать от неприятностей. В твоих волосах уже пробивается проседь, но для меня ты все равно останешься мальчиком, сколько бы тебе не было лет. Но так устроен мир, что родители уходят из жизни раньше своих детей, и страшно, несправедливо, когда случается наоборот. Когда бы это ни случилось, не впадай в панику, мужайся и будь мужчиной. Есть у меня просьба: если волей судьбы тебе придется уехать на библейскую землю, возьми горсть земли с моей могилы и похорони ее там. Я хочу быть рядом с тобой и после смерти.

Прощай, мой мальчик. Не убивайся, все загадочно в этом мире. Я же буду молиться за тебя, чтобы все мыслимые и немыслимые боги помогали тебе.

Умей прощать, даже если ты останешься не прощенным.

Умей любить и быть милосердным, когда тебя ненавидят и презирают. Будь выше всяких предрассудков.

Да хранит тебя еврейский Бог.

И помни:

Никогда и ни у кого ничего не проси и не бойся, и помни, что люди, у которых заячьи, трусливые сердца, опас-

ней во сто крат тех, кто с открытым забралом. Они подобны злым собакам, стремящихся укусить, разорвать.

А просить тем более безнадежно. Помнишь поговорку — если тебе нужны деньги и у тебя есть друг, у которого можно одолжить, крепко подумай, что для тебя важнее — друг или деньги. Деньги ты, может, получишь, может — нет, а друга потеряешь наверняка.

Будь очень осторожен в отношениях с людьми, ибо это всегда, сродни с хождением по минному полю, или ходьбе босыми ногами по разбитому стеклу. Поранить ноги, это не так страшно, но страшнее безнадежно поранить свое сердце, а оно у тебя и так ранено.

И еще. Не бойся отдавать. Отданное от доброго сердца — это не потеря. Помнишь у Руставели:

*Что ты спрятал, то пропало,
Что ты отдал — то твое.*

Рахмани держал в руках этот белый листок бумаги — послание самого дорогого человека, которого больше нет. Он чувствовал себя маленьким существом, вылетевшим из разбитого иллюминатора большого космического корабля в вечную тьму, из которой должен вырваться назад к свету и жизни.

Ему казалось, что он слышит откуда-то с небес далекую, едва уловимую на слух мелодию и до боли знакомые строки, звучавшие, как набат, как прощальный реквием:

*Когда я стану умирать
И верь, тебе не долго ждать.
Ты перенеси меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Там положить вели меня
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз
Оттуда виден и Кавказ!*

Рав Ицхак Бен-Яков и его сын рав Янкиль — светила кавказской духовности

Кавказские евреи могут похвастаться большим списком знаменитых религиозных деятелей, которые жили в разные времена и в разных регионах. Но самыми именитыми из них являются два раввина — Ицхак Бен-Яков и его сын — рав Янкиль. Оба они свое талмудическое образование получили в Европе. И отец, и сын были отличными знатоками Торы, пользовались непререкаемым авторитетом не только в горской общине, но и среди народностей всего Восточного Кавказа. Рав Ицхак Бен-Яков, например, за бескорыстную и полезную службу во благо своего народа и отечества был награжден военным генерал-губернатором — наместником царя на Кавказе специальной серебряной медалью. Но рабби Ицхак был не только талантливым и образованным человеком, но и незаурядным педагогом, который в течение многих лет воспитал и подготовил плеяду блистательных молодых раввинов. В их числе был и его сын — рав Янкиль, которому, уже будучи глубоким стариком, передал с полного согласия и одобрения общины все руководство раввинатом. И это было сделано совсем не из личных соображений. Во главу угла была поставлена не карьера сына, не эгоистическая потребность фамильного верховодства в общине, а интересы и дальнейшая судьба верующих собратьев. Рав Янкиль был самой подходящей кандидатурой из всех имевшихся претендентов.

В истории всей кавказской духовности и религиозных познаний, рав Янкиль занимает, пожалуй, особое место. Он не только практик, но и философ. Уже в возрасте 25 лет он прочно вошел в почетный список выдающихся талмудических и религиозных деятелей. Лучшее свидетельство тому — его глубокие и обширные трактаты и коммен-

тарии к священным писаниям. Феномен его личности до сих пор остается неразгаданной загадкой. Это был великий из горских раввинов, любивший Б-га и людей. Без малого сорок лет жизни отдал он во благо Всевышнего и людей, неизменно оставаясь на своем нелегком посту.

В 1907 году рав Янкиль покинул пределы Кавказа и переселился в Эрец-Исраэль. Теперь уже не Дербент, а вечный Иерусалим стал его родным домом. И на Святой земле он продолжает трудиться на раввинском поприще. Но при этом рав Янкиль ни на минуту не забывает о своих братьях, делает все возможное, чтобы облегчить их участь, их жизнь. С этой целью рав организует сельскохозяйственный кооператив, в котором, в основном, трудились выходцы с Кавказа. Одновременно строит поселение, которое сегодня вписано в географическую карту нового Израиля. Это Беэр-Яков — живой и вечный памятник великому кавказцу.

**Братья Ханукаевы,
которые дружили
с императором
Николаем Вторым**

Богатых людей среди горских евреев было много. Особенно в таких городах, как Дербент и Темирхан-Шура (Буйнакск). Хорошо шли коммерческие дела у братьев Ханукаевых.

Один из них, Манашир Бен-Авшалом, занимался большим и ответственным делом: снабжением российской армии, расквартированной в Дагестане. Дела шли настолько хорошо, что во время своей экспедиционной поездки по Кавказу император Николай Второй, в знак благодарности, лично вручил Манаширу орден «За заслуги перед Отечеством». Награда была вручена в Дербенте. Шел 1913 год. Это был особый год: вся Россия отмечала 300-летие Дома Романовых. И в связи с этим Николай Второй со своей свитой совершал поездки в различные регионы государства.

Кавказ значился одним из главных пунктов этого юбилейного маршрута. Первая остановка императора была в Темирхан-Шуре, которая в те времена считалась столицей горного края. В этом городе, который все теперь знают как Буйнакск, находилась резиденция генерал-губернатора. И вот по случаю приезда светлейшего, в Темирхан-Шуру были приглашены по его личному указанию все влиятельные люди.

В этом почетном списке значился и Исуф Ханукаев. Что может быть почетнее приглашения самого императора? Богатых людей в Дагестане, а тем более на Кавказе, было много. А вот не все удостоились чести быть приглашенными императором. Исуф этой чести удостоился. В те времена не было ни скоростных поездов, ни быстрых лимузинов типа «Мерседес» или «Вольво». Были фаэтоны. Ханукаев-старший так торопился на randevu с императором, что решил отправиться к нему на отборном жеребце. С тех пор прошло очень много лет. Но старожилы, слышавшие в свое время об этом эпизоде, с восторгом рассказывали о том, как, стараясь быстрее доехать, Исуф поневоле загнал коня. И эти же люди рассказывали, что император был весьма польщен этой преданностью кавказца. Разумеется, он пользовался особым вниманием императо-

Николай II

ра, который ему всячески покровительствовал. Но покровительством Светлейшего пользовались и два его других брата — Ханука и Манашир. Их личная дружба с Николаем II — это уже другой рассказ из жизни этих удивительных людей. 300-летие Дома Романовых в Дербенте отмечали с большой помпой. Инициаторами этих торжеств были Абрам Дадашев и братья Ханукаевы. Николаю Второму бы-

ли преподнесены в дар два солидных здания, в которых по просьбе императора были размещены реальное училище и городская больница. Влиятельный Акционерный Дом «Дадашев-Ахундов» устроил по случаю 300-летия пышный банкет, на котором главный «виновником» торжества был Николай Второй. После пышного банкета император изъявил желание отдохнуть в специально приготовленных для него и свиты апартаментах в доме своего приятеля Хануки Ханукаева. Это еще раз подчеркивало, насколько была крепка их личная дружба.

Мататьягу Богатырев и Соломон Мордехаев — соратники Теодора Герцля

Слово «Сион» всегда было для горских евреев священным понятием. Они знали, что Сион — это Эрец-Исраэль, это священная земля и родина всех евреев. Но слово «Сион» воспринималось ими несколько по-иному: большинство вкладывало в него мистический смысл.

Переход на политическую ориентацию связан с двумя видными сионистами из кавказской среды, а именно с Мататьягу Богатыревым и Соломоном Мордехаевым. Почти весь мир обошла почтовая открытка, на которой они сняты вместе с Теодором Герцлем. Эта фотография стала исторической.

Воистину историческим стало другое важное событие, связанное с именами этих двух кавказцев: и Богатырев, и Мордехаев стали первыми делегатами VI Базельского сионистского конгресса.

Сам основатель сионистского движения Теодор Герцль, выступая перед делегатами, сказал следующее: «Особо выдающимися лицами сегодняшнего конгресса, без сомнения, являются два делегата из горских евреев». А этими двумя делегатами, как известно, были Мататьягу Богатырев и Соломон Мордехаев. С Базельского конгресса начинается, по сути, вовлечение горских евреев Кавказа в политический, осмысленный сионизм, с конкретными задачами и целями. Богатырев и Мордехаев после конгресса начинают активно распространять это течение и идеи сионизма на Восточном Кавказе — сионистское движение начинает распространяться в Кабарде, Чечено-Ингушетии, Дагестане. Соломон Мордехаев возглавляет сионистский комитет в Грозном. Мататьягу Богатырев становится лидером сионистского движения в столице Кабарды — Нальчике.

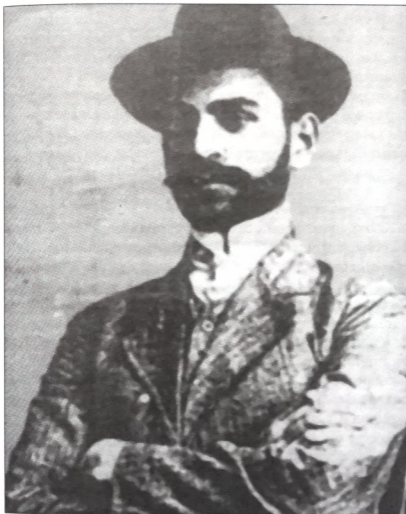
*Мататьягу Богатырев, Теодор Герцль и Соломон Мордехаев
на Базельском съезде сионистов*

Михаил Бен-Герарий (Рабинович) руководит сионистским комитетом сначала в Кубе (центр массового проживания евреев), а затем занимается этим в Баку.

Сионизм, как явление мирового порядка, оказал на евреев Кавказа колоссальное влияние, нацелив их на обязательное сохранение всех еврейских традиций и законов и вселил в них надежду на возврат на историческую родину. Сионизм укрепил их мировоззрение, вернул гордое чувство национального самосознания.

Но революция и приход советской власти спутали все карты и рухнули все надежды на ближайшее возвращение. Начался разгром всех синагог и сионистских организаций. Началась жесточайшая атака на всех религиозных деятелей, высылка их в места не столь отдаленные. Сионизм был признан враждебным и опасным течением. Он был объявлен вне закона. Многие видные деятели сионизма на Восточном Кавказе вынуждены были уйти с арены, чтобы не попасть в застенки НКВД. Но карающий меч Советов успел настичь многих из них. Среди репрессированных оказались и делегаты Всемирного Базельского конгресса — Мататьягу Богатырев и Соломон Мордехаев. Первый бесследно исчез в тюремных застенках, а второй подвергся бесконечным допросам и, не выдержав их, умер от стресса.

Асаф бен Раби Итом (Пинхасов): раввин, принявший смерть

Шел 1920-й год. Дагестан польхал в огне гражданской войны. Деникинцы захватили Дербент — город, в котором испокон веков жило очень много горских евреев. То ли по недоверию, то ли по другой причине, генерал Деникин не брал в свою армию новобранцев из числа местных

мусульман. А евреи, которым была открыта «зеленая улица», в белогвардейскую армию идти не торопились. Наоборот, под любым предлогом избегали службы. В Дербенте было немало людей, враждебно настроенных к евреям. И они ждали удобного случая, чтобы свести счеты.

И вот, наконец, настал их звездный час. Эти люди знали, что многие ребята из числа горских, чтобы не пойти в армию, прятались в садах и виноградниках, выжидая спокойных дней. Но «иуды» донесли: 28 еврейских парней были схвачены, и, как злостных дезертиров, их ожидало страшное наказание: расстрел. Публичная казнь непокорных должна была состояться со дня на день. В общине понимали всю безвыходность положения молодых ребят, понимали, что их судьба предрешена. Но, несмотря на всю трагичность положения, в глубине души надеялись на чудо, на волшебного спасителя.

Этим спасителем стал председатель Еврейского национального комитета Дербента Асаф бен Раби Итом (Пинхасов), который привлек к делу по спасению жизней молодых собратьев своего близкого приятеля Овадью бен Рахмона. Вдвоем они разыграли настоящий спектакль, организовав в одном из домов большой банкет в честь золотопогонников — «верхушки» деникинской армии. Были приглашены все офицеры, в том числе и военный комендант города. Пир получился царский: его устроитель раввин Асаф бен Раби Итом, к тому времени уже отец семейства, очень постарался, чтобы командный состав армии остался доволен. Стол ломился от изысканных блюд и всевозможных напитков.

Асаф по своей природе был тонким психологом. И когда все офицеры были в хорошем настроении и доведены до соответствующей кондиции, Асаф понял, что его час пробил. Он с улыбкой подошел к коменданту, провозгласил дружеский тост, а потом, как бы невзначай, продолжая загадочно улыбаться, вдруг решительно произнес:

— Полковник, а мы могли бы полюбовно договориться. Вы отпускаете наших парней, а мы снабжаем вас продуктами. Как говорится, от нашего стола — к вашему...

— А предложение заманчивое, — похлопывая по плечу Асафа, сказал комендант. — Мы можем договориться... Это серьезное предложение...

В тот же вечер, по указанию коменданта, имевшего коммерческие навыки и опыт подобных сделок, все 28 парней были освобождены... Асаф дал мужское слово. А слово, по старым кавказским традициям, — это закон. Весть о том, что Асаф смог освободить ребят, со скоростью света разнеслась по всему Дербенту. И теперь, как бы в благодарность, все стремились помочь ему: приносили вино, продукты питания — рис, муку, фрукты, мясо. Все это через своих людей Асаф передавал коменданту. Казалось, ничто не предвещало беды. Но через месяц-другой денкинцев как ветром сдуло. Город захватили красногвардейцы. И опять евреененавистники не дремали. Они донесли новым властям о предательском поступке Асафа Пинхасова. О том, что он, якобы, сотрудничал с белогвардейцами, снабжая их продуктами.

Судьба Асафа была теперь ж руках всемогущего ЧК. Его вопросом занималась военная коллегия и лично Мамедбек Мамедбеков — один из главных деятелей новой власти, который, кстати, в 1937 году сам будет расстрелян, как враг. Асафа судили. Но суд был закрытым. Он проходил в помещении городского театра и длился целых два дня, тогда как даже большие судебные процессы не длились более нескольких часов.

И самым удивительным было то, что приговор был зачитан не в зале, где проходил суд, а в камере, где сидел Асаф. И зачитал не кто-нибудь, а сам Мамедбеков. После этого взвод солдат-красногвардейцев вывел его в глухую дождливую ночь, последнюю ночь в его жизни. Это случилось 28 ноября 1920 г. Асафу дали лопату и приказали рыть могилу. Лил сильный дождь. Казалось, плакало само небо. Грянули залпы, оборвав жизнь этого удивительного человека. Ему было всего 36 лет.

Абрам Дадашев: великий человеколюбец, познавший людское зло

На Северном Кавказе было немало богатых людей из числа горских евреев. Но особенно много их было в Дагестане, в частности, в Дербенте.

Одним из очень состоятельных людей был Абрам Дадашев. Миллионер, крупный промышленник, хозяин множества всевозможных промыслов и виноградников, держатель ценных бумаг известного акционерного общества «Дадашев-Ахундов» — вот краткий статистический портрет этого человека. Казалось, так будет вечно. Но мир так устроен, что от великого до смешного всего один шаг. А от тюрьмы и от сумы никогда не надо зарекаться. Судьба миллионера Абрама Дадашева — лучшая этому иллюстрация.

После революции новая власть не давала покоя богачам: имущество конфисковывалось, их самих этапом отправляли в Сибирь. Среди них находились умные головы, которые отдавали все нажитое ради спасения своей жизни и жизни близких. И на самом деле, что есть дороже жизни?

Но расставаться с громадным богатством, со всем нажитым, видимо, не так легко. Это словно отдавать на поруки чужим людям своих родных детей. А еще надо быть мужественным.

Абрам Дадашев нашел в себе это мужество. Он стал первым из горских евреев Дербента, кто добровольно отдал новым властям все, что имел. Отдал рыбные промыслы и виноградники, усадьбы и орудия производства. И большие дома, квартиры, которые он сдавал на съем. Он оставил себе только один маленький домик. У него было милосердное сердце: даже в эти скорбные дни жизни Абрам Дадашев проявлял беспокойство о судьбе жильцов, проживавших в его бывших домах. Известно, что он входил в ходатайство перед властями с просьбой о том, что-

бы из квартир не выселяли прежних жильцов. Он был гуманистом и человеколюбом, хотя бы по одной простой причине: будучи очень богатым человеком, он никогда не брал у своих жильцов денег за съем. В основном в этих квартирах жила беднота, простые труженики, которые работали на его промыслах или виноградниках.

Конфискации, аресты, репрессии были в Дербенте в те годы, как, впрочем, и по всей стране, обычным, рядовым делом. Ломались судьбы, рушились семьи. Все это, словно умный оракул-ясновидец, Абрам Дадашев предвидел. Поэтому был спокоен: его власти никуда не сошлют, ни на картогу в Сибирь, ни в далекий Казахстан, не расстреляют, не казнят. Но простой люд Дербента волновался за жизнь своего бывшего хозяина, боялся тайной физической расправы над ним. Поэтому не раз и не два проводились массовые демонстрации в защиту Дадашева. В колоннах — евреи, азербайджанцы, русские. Народ поддерживал Абрама за его милосердие и человечность. Он был выходцем из бедной семьи и, наверное, лучше, чем кто-либо, знал, что такое нужда. Простой люд любил бывшего доброго богача. Не было случая, чтобы Дадашев отказал кому-нибудь в его просьбе о помощи. Он помогал всем — и в будни, и в праздники. Каждую неделю его приказчики развозили по домам работающих у него людей продукты питания и вино к столу. Много лет назад очевидцы рассказывали об Абраме и его сыне Иосифе любопытные вещи. Оказывается, они помогали не только продуктами, но на свои средства устраивали свадьбы для молодых из бедных семей.

Судьба — индейка, а жизнь — копейка

1924-й год. Батуми. Последний пароход готовится к отплытию в Эрец-Исраэль. Последний, потому что выезда больше не будет. На палубе парохода — репатрианты. И среди этих людей — бывший миллионер Абрам Дадашев со своей второй женой. У него в руке — кожаный саквояж, в котором спрятано полтора килограмма золота. Аб-

рам нервничает, переживает, предчувствуя что-то нехорошее. Лицо выдает тревогу. И действительно, за несколько минут до отплытия на пароход врываются несколько человек из органов и лихо скручивают руки Абраму. Тут же начинают «шмонать» его саквояж. Он был снят с корабля. На палубе находилась и его жена, но чекисты, к счастью, не располагали этой информацией, иначе бы до отказа набитые сундуки, которые погрузила на пароход богатая чета, тоже стали бы их добычей. А сундуки, конечно же, были набиты не камнями, а драгоценностями. По некоторым сведениям, жене Абрама Дадашева посчастливилось добраться до желанной Эрец-Исраэль. По тем же источникам, она там вскоре умерла.

А самого Абрама-аку, как его с почтением называли неевреи Дербента, ждала злая участь: мало того, что конфисковали саквояж с золотыми слитками и драгоценностями, так его, как попугая в клетке, стали таскать из одного чекистского ведомства в другое, из одной инстанции в другую, пока не добрались до самой Москвы. Абрам держался молодцом, хотя следователи, время от времени, чтобы испугать его, и прикладывали руку...

Но в Дербенте кипели страсти. Весть об аресте милосердного Абрама-дои быстро долетела до его бывших батраков, которых он любил, как родной отец своих детей. А их было много. И все они вышли на улицы древнего города, требуя освобождения этого человека, который так много сделал для бедноты и родного города. Эти протесты и митинги возымели свое действие. Глас общественности, глас народа был услышан.

Дадашева освободили, но при этом отняли у него самое последнее, даже тот маленький домик, который у него оставался. Теперь он был обыкновенным нищим, у которого не стало ни кола, ни двора. Старый, больной, измученный чекистами человек, он долго пытался получить от новых властей разрешения на выезд за пределы страны. Но ни одна из его попыток не увенчалась успехом. И тогда, уже потеряв всякую надежду, он оставил это пустое занятие.

Эпилог

Пути Господни — неисповедимы. Никто не может предсказать, где и чем закончится его бренное существование.

Не мог предсказать этого и бывший миллионер — Абрам Дадашев. Но даже в самых страшных снах ему, наверное, вряд ли снился именно такой конец. Нет, такой кошмарный сон ему просто не мог присниться. Рассказывают, что под конец жизни он ходил в старой, изношенной одежде с заплатами, порой не имея даже места для ночлега.

Было очень много людей, которые тепло относились к нему, но боязнь перед чекистами отпугивала их, отдаляла от этого старца. Находилось и немало подонков, которые за благодарность и помощь в прежние годы платили ему ненавистью и злобой. Рассказывали о таком случае. Однажды Абрам-дои покупал на дербентском рынке курицу. Когда он заплатил деньги продавцу и уже хотел уходить, какой-то здоровяк из своих, выхватил эту курицу из рук старика, выкрикивая во все горло:

— Хватит тебе жрать курей! Что, до сих пор не наелся?!

Как потом выяснилось, это был его бывший рабочий одного из рыбных промыслов, которому он когда-то помог справиться свадьбу.

И таких случаев, доставлявших Абрам-дои горечь и обиду, было на закате его жизни много. Подлость не помнит доброты. Он был уже старым и тяжело больным человеком, с лихвой познавшим в жизни горечь предательства и утрат. Но несмотря на все невзгоды, он оставался великим человеколюбцем, ни разу никого не оскорбив и не ранив грубым словом.

Всё в руках Всевышнего: один из самых богатых людей на Кавказе, миллионер Абрам Дадашев умер в чужом дворе и в чужом доме, обиженный судьбой и людьми.

Мардахай Овшалум: певец, поэт, бунтарь

*Письмо донеси до родного Дербента
Кипучие слезы, горячие беды,
Мои поражения и радость победы —
Что жив и здоров Мардахай.*

(Мардахай Овшалум. «Письмо из Сибири»)

У горских евреев, впрочем, как и у других народностей Кавказа, были свои народные заступники: свои богатыри. В народе их называли «гуччи». И одним из таких был «гуччи» Мардахай Овшалум. В истории горских евреев он был и остается, пожалуй, самым известным и самым легендарным. Мардахай от природы обладал недюжинной физической силой и, наверное, был самым высоким человеком в Дербенте, где он родился и жил.

Он умер в далеком 1925 году. Причина его смерти до сих пор остается загадкой, но одна из версий остается неизменной: Мардахая отравили недоброжелатели на одной из свадеб, куда он был приглашен в качестве почетного гостя. С тех пор прошло очень много лет, но память о народном заступнике, поэте и бунтаре жива в народе. Рассказы о нем передаются из уст в уста, из поколения в поколение.

Не тронь папаху!

Рассказов о Мардахаяе бытует великое множество. Говорят, что он ради потехи приходил на шумный дербентский рынок, чтоб только устроить спектакль, в котором играл всего-навсего один-единственный актер. Этим актером был он сам — Мардахай Овшалум. Спектакль был

Мардахай Овшалум в кандалах

довольно эксцентричным: он уютно усаживался посреди базара, втыкал в землю нечто вроде штыка и вешал на него свою папаху. Таким образом этот богатырь из евреев провоцировал ретивых мусульман, которые не скрывали вражды к иудейскому племени: частенько издевались и не прочь были надругаться над честью и достоинством. Это был с его стороны особый протест. Конечно, в Дербенте мало было таких людей, которые не знали бы «гуччи» Мардахая, или хотя бы не слышали о нем. И все знали и были наслышаны о его недюжинной силе. Поэтому конфликтовать с ним никто не хотел, даже самые отъявленные и отпетые головорезы.

Но все знали и другое: Мардахай — не только богатырь, но и заступник, особенно за обиженных и оскорбленных, бедных и униженных.

Родительская семья была многодетной. Мардахая не было и семи лет, когда у него умерла мать. И чтобы как-то помочь семье, своим младшим братишкам и сестренкам, он в десять лет устраивается на работу к одному знатному беку. Работа была тяжелой, но для Мардахая она была не в тягость: уже в десять лет он был «ладно скроен, крепко сшит». И поэтому работу делал играючи. А, главное, хорошо зарабатывал. Настолько хорошо, что мог оплачивать дорогие уроки уважаемого в городе раввина, который, к счастью для юного богатыря, оказался очень образованным человеком. Он научил его древнееврейской и азербайджанской грамоте. И он же, кроме изучения Торы, дал ему понятие о литературе и особенно о восточной поэзии. Раввин невольно «заразил» мальчика литературой, вызвал у него интерес к творчеству.

Проходят годы. Мальчик взрослеет. Он великолепно играет на народных инструментах — сазе и кумузе, поет и сочиняет собственные песни. Он, Мардахай, отныне завсегдатай различных торжеств горско-еврейской бедноты. И он же участник почти всех похоронных процессий. Он поет, импровизирует. Его творчество очень близко и понятно народу. И поэтому любимо. Любимо потому, что

любим он сам, как человек с болью и пониманием воспринимающий страдания родного народа. Мардахай верит в хорошего и справедливого царя, пишет ему поначалу различные послания, полные веры и надежды. Но очень скоро разочаровывается.

Он хочет помочь своим братьям и сестрам. Специально для этого устраивается на работу в управление дербентского градоначальника, куда его берут с большой охотой за его редкие физические данные. Но его карьера полицейского длилась недолго: его выгнали за чрезмерную строптивость. Недальновидные беки и другие антисемитские элементы раздували в Дербенте национальную вражду. Один погром следовал за другим. Мардахай пишет стихи на древнем фарси, азербайджанском и горско-еврейском. Стихи, призывающие к человечности, гуманности, к справедливости и дружбе. Но все это — глас вопиющего в пустыне. И тогда его руки машинально тянутся к оружию. Он убивает сразу двух сыновей одного из влиятельных в городе беков, которые ради своей прихоти хотели изнасиловать еврейскую девушку. Мардахай прячется от властей. Но вскоре он попадает в руки жандармов.

На каторге

Под усиленной охраной почтовый пароход доставляет его вначале в Бакинскую тюрьму. Через короткое время бунтаря переправляют в Астрахань, а затем этапом отправляют в Сибирь.

А до этого на защиту Мардахая поднялась вся горско-еврейская слобода, что называется, атакуя канцелярию всемогущего человека — генерал-губернатора Дербента Мардатова, требуя немедленно освободить из-под стражи своего заступника. Его провожали тысячи земляков.

Каторга не убила в нем поэтического вдохновения. Напротив, именно здесь, вдали от Родины, близких и друзей, Мардахай пишет свои проникновенные стихи, в ко-

торых по-особенному искренне и глубоко выражена боль сердца и ностальгия по родному очагу:

*Из сердца не выбрасывай меня,
Жена моя, красавица моя.
Меня водою полой из огня
Снесло в чужие, дальние края.
Пусть плачет в розах колких соловей, —
Среди шипов так больно мне и мило, —
Средь кедрачей, средь колкости ветвей
Еще вольней и так неумолимо...
Стараюсь петь.*

Но охота за ним не прекращается. Его ловят, сажают, он снова, уже в который раз, совершает умопомрачительные побег. В родном Дербенте Мардахай появляется в горячую пору: в разгар гражданской войны. Он, как и прежде, остается народным заступником. Он не хочет быть бунтарем-одиночкой. Поэтому призывает своих соплеменников объединиться в отряды для борьбы с белогвардейцами и всякого рода нечистью. Мардахай становится поэтом-трибуном, выступает перед солдатами, уходящими на фронт. Он хочет быть в гуще событий, хочет и в эти тревожные дни быть со своим народом. Вспоминаются строки Валерия Брюсова:

*Поэт всегда с людьми,
Когда шумит гроза...*

В Дагестане идет война. Та самая, которую уже потом историки назовут гражданской. Красные... Белые... Всё смешалось. И в этой бойне трудно отличить, где свой, а где чужой. Мардахай Овшалум пытается понять умом и сердцем происходящее, чтобы повести за собой дорогих ему людей, достойных хорошей жизни.

Но недруги не дают сбыться его мечте. На одной из свадоб, куда его пригласили как дорогого и желанного гостя, Мардахай Овшолум был отравлен. Шел 1925-й год.

Михаил Бен-Герарий — кавказский «Монте Кристо»

Его настоящее имя — Михаил Рабинович. Известно, что он уроженец Дербента, хорошо знал родной язык. Настолько хорошо, что в течение ряда лет занимался преподавательской деятельностью. В основном он работал в Баку. Это была еврейская школа, открытая еще в 1920 году. Ни для кого не секрет: горские евреи были тесно связаны с сионизмом в самом начале его зарождения на Кавказе.

Этой новой идеологией под названием «сионизм» был увлечен и Михаил Рабинович — весьма образованный для своего времени человек, молодой и талантливый литератор — автор интересных стихов и рассказов, взявший псевдоним «Бен-Герарий» (Сын гор). Он был интеллигентом высшей пробы. А в то время эта новая сионистская идеология глубоко вошла в жизнь таких интеллигентных, образованных и европеизированных групп горско-еврейской молодежи. Центром пропаганды сионистских идей стал Баку, где было много молодых интеллектуалов из людей горской общины.

И главным идеологом сионизма здесь в 20-е годы как раз и становится Бен-Герарий. Справедливости ради надо сказать, что в то время и в той молодежной среде он был на голову выше своих соратников — и по уму, и по образованию, и по организаторским качествам. Он был оратором, который умел зажечь словом сердца и привлечь в ряды сионистов десятки и сотни людей из числа молодежи.

Но вскоре его агитационная деятельность привлекла внимание властей: Михаил Рабинович, он же — Бен-Герарий — был арестован. Ему грозило длительное заключение по очень серьезной уголовной статье за сбор

средств в пользу Эрец-Исраэль. Но этот человек даже в сложных и критических ситуациях не терял присутствия духа. Ему удалось сбежать из камеры предварительного заключения, хотя это было делом не простым: к нему была приставлена особая охрана.

Но за побегом последовал новый арест. Следователи обвинили его в тесных связях с неблагонадежными эле-

ментами. Неожиданно для Бен-Герария следственная «мельница» закрутилась на повышенных скоростях: его стали обвинять во всевозможных грехах, приплюсовав ко всему этому еще и статью за прошлый побег. Это грозило уже чуть ли не «вышкой». Надо было спасаться, ибо на карту была поставлена уже сама жизнь. Друзья сделали для его спасения всё: организовали новый головокружительный побег. С этого дня Михаил Бен-Герарий попадает в особые списки НКВД,

Михаил Бен-Герарий, как молодой «вождь» сионизма на Кавказе, был ярким антисоветчиком, который даже в своем литературном творчестве — в своих стихах — тайно или явно «кусал» новые порядки и языком Эзопа проводил в жизнь свою идеологию. Несмотря на бесконечные аресты, тюрьмы и побеги, этот неуёмный человек и одаренный поэт не оставляет своего творчества. Чекисты же и не подозревают, что Михаил Рабинович и Бен-Герарий — одно и то же лицо и один и тот же человек.

И вот под этим псевдонимом он в 1928 году публикует в горско-еврейской республиканской газете «Захметкеш» («Труженик») свое стихотворение «Раны весны» («Лербехой васал»), в котором выражает национальную мечту. Но это читалось между строк.

К сожалению, Бен-Герарий был ограничен в своих публицистических возможностях: не было печатного органа, где бы он мог открыто выражать свои идеи. Но он старался использовать каждую возможность. В Баку выходила газета «Коммунист». Уже само название этого издания говорило о его идеологическом направлении.

Бен Герарий же был с этой идеологией не в ладу. И все же он приносил туда свои стихи, в надежде, что они увидят свет. Но каждый его визит кончался вежливым отказом, а порой и открытой враждебностью: на его творчество газета «катала» унижительные пасквили, стараясь уличить его во всех смертных грехах. И это при том, что каждое его стихотворение, рассказ или пьеса были безупречны и отличались высокой художественностью и новаторством. Это осталось уже на совести тех людей, кто откры-

ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРОКУРАТУРА
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

103031, г. Москва, Малый Каспийский пер., д. 5
22 августа 95 № 13-1204-95

СПРАВКА
о реабилитации

На № _____ от _____

Гражданин Бен-Герарий, он же Равнинич Михаил Исаевич, 1892 года рождения, уроженец г. Дербента Дагестанской АССР, житель с. Конобеево Виноградовского района Московской области, арестован 25 июня 1941 г. и по приговору военного трибунала войск НКВД Омской области от 21 ноября 1941 г. на основании ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР осужден к 10 годам лишения свободы в ИТЛ, с поражением в правах сроком на 5 лет без конфискации имущества.

По заключению прокуратуры Московской области от 21 августа 1995 года, на основании ст. ст. 3 и 5 Закона Р.Ф. от 18 октября 1991 г. "О реабилитации жертв политических репрессий" Бен-Герарий, он же Равнинич Михаил Исаевич-реабилитирован.

Зам. прокурора Московской области
старший советник юстиции

В.И. Шульга
В.И. Шульга

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

129345, Москва
Осташковская 7, кв. 45
Давыдовой С.А.

15.08.95 № 10/18/2-999

Москва

Уважаемая Сима Абрановна!

Сообщаем, что Бен Герарий (Равнинич), 1892 года рождения, уроженец г. Дербента был осужден Военным трибуналом Войск НКВД Омской области 21 ноября 1941 года по ст. 58-10 ч II УК РСФСР к 10 годам лишения свободы. Архивное следственное дело N 35784 хранится в Управлении ФСБ по г. Москве и Московской области. Другими сведениями не располагаем.

Зам. начальника ЦА ФСБ России

В. Якушев
В. Якушев

то сотрудничал с новыми властями, и которые «на костях» других прорубали себе дорогу в светлое будущее коммунизма. Имена этих людей известны. К сожалению, их потомки — сыновья, дочери, внуки — и по сей день «играют», уже по инерции, все ту же игру двойных стандартов, шагая туда, куда ветер дует, пользуясь одним и тем же старым, но проверенным девизом: выжить. Но они сами добровольно обрекли себя на внутренний позор: эти люди хорошо ведают, что творили и творят. У людей хорошая память — они помнят имена всех: и спасителей, и палачей.

А судьба Михаила Рабиновича — Бен-Герария — была трагичной, как и судьбы многих, ему подобных: за ним долго охотились, пока, наконец, однажды не обнаружили его в одном из поездов дальнего следования, с которого он и был благополучно снят. А вскоре так же «благополучно» исчез в застенках НКВД в самой столице великого СССР — Москве. На всех календарях мира значился 1937-й год.

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР Главный информационный центр	Гр. Давыдовой Иохаве Исаяевне Москва, ул. Осташковская, д. 7, кор. 3, кв. 45
от 2.07.96 № 34/3/3-6239г	
На № _____ от _____	
В дополнение к нашему № 34/3/3-6239г от 25.12.96 сообщаем, что проверкой по архивным материалам органов и учреждений внутренних дел СНГ сведения о судьбе Бен Герария (Рабиновича) Исаяевна Исаяевича, 1892 г.р., к сожалению, не установлено.	
И. Начальник отделения	 М. Я. Дятлов

Илья Анисимов

Илья Анисимов — кавказский «Колумб», открывший горских евреев

Письменных источников о горских евреях очень и очень мало. Объяснить это можно по-разному: постоянными опустошительными набегами различных завоевателей, сжигавших все на своем пути, в том числе и письменные источники. Горские евреи, волею судьбы, все-таки выжили, а богатая история народа передавалась из уст в уста, из поколения в поколение.

Есть и другая версия того, почему так мало этих письменных источников. По данным «Еврейской Энциклопедии» образца 1908 года, горские евреи в своей среде имели всего-навсего одного человека с высшим образованием. Этим человеком был никто иной как Илья Щербетович Анисимов — автор интересной исследовательской работы: «Кавказские еврей-горцы». Он уроженец дагестанского селения Тарки. Выходцев из этого местечка в среде горских евреев обычно называли «торхуни». Тарки ко времени рождения Ильи Анисимова (29.05.1862 г.) административно относился к Темирхан-Шуринскому округу. Родословное древо Анисимовых своими корнями уходит в седую старину. Бытует предание, по которому, якобы, этот род берет свое начало от очень древнего фамильного клана «ождоо» (богатырь). Но самое удивительное в этом предании — это рассказ об одном из предков Ильи Анисимова — Соломоне, который, увидев однажды волка, хозяйничающего в хлеву, схватил его за лапы и так потрянул о землю, что от матерого хищника осталось «мокрое» место.

Но знаменитым богатырем был не только один из далеких предков Ильи Анисимова. Очень известным чело-

*Рахманн Бэдэль —
первый представитель фирмы «Зингер» на Кавказе*

веком был его отец — рав Шербет Нисим-оглы, который и по сей день считается одним из образованных и начитанных религиозных деятелей. Окончив ешиву, он несколько лет стажировался в Иерусалиме, где ему удалось еще в 1894 году издать весьма любопытную книгу под названием «Древности горских евреев».

Сам Илья Анисимов с юношеских лет проявлял большой интерес к этнографии своего народа, и к его истории. Закончив реальное училище в Темирхан-Шуре (ныне Буйнакск) и специальный годичный курс ставропольской гимназии, он в 1884 году, по постановлению педагогического совета, был принят на подготовительные курсы московского Императорского технического училища.

Судьбоносное объявление

А уже в мае 1885-го года в московской газете «Русские ведомости» появилось его короткое объявление следующего содержания: «Ищет уроки или какое-нибудь другое занятие студент-техник Императорского технического училища И. А. Хорошо владеет восточными языками».

Это объявление оказалось для молодого кавказца судьбоносным. Им сразу же заинтересовался известный уже в то время ученый-языковед Всеволод Федорович Миллер, встреча с которым и определила всю дальнейшую жизнь питомца Императорского училища. Сам В. Ф. Миллер впервые познакомился с горскими евреями во время своего экспедиционного путешествия по Кавказу, предпринятого в научных целях. Оно было предпринято летом 1883-го.

Сразу же после первой встречи Всеволод Миллер разглядел в молодом горце Илье Анисимове редкий талант исследователя. Он привлек его к работе возглавляемого им Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. И через очень короткое время, в октябре 1885-го Илья Анисимов сделал свой первый доклад на

одном из расширенных заседаний Общества, который был воспринят всеми присутствующими с повышенным интересом. Это явилось поводом для его единогласного избрания полноправным членом этнографического отдела (ОЛЕАЭ). Он был еще студентом Императорского училища, когда Всеволод Миллер по заданию Общества отправляет Илью Анисимова в научно-экспедиционную командировку на Кавказ. Цель экспедиции — детальное изучение истории горских евреев, их языка и быта, происхождение народа, его этнические особенности. Он объездил около 100 населенных пунктов — различных мест компактного проживания соплеменников, включая даже места их бывшего обитания. В этой научной экспедиции Илья Щербетович выполнил на редкость большой объем работы, что, может быть, было бы под силу крупному исследовательскому центру. Почти через полтора года после этой экспедиции Дашковский этнографический музей в Москве издал специальный «Сборник», в котором был помещен обширный материал И. Анисимова: «Кавказские еврей-горцы», который явился, по сути, итогом всей его экспедиционно-исследовательской работы.

Особый интерес приобретают материалы, собранные И. Анисимовым в чисто мусульманских поселениях. В некоторых, теперь уже мусульманских, аулах были найдены еврейские книги и еврейские захоронения и даже тип людей, очень похожих на горских евреев. Это было лишним подтверждением того, что в различные времена различные завоеватели огнем и мечом заставляли евреев принимать мусульманство.

Исследования Ильи Щербетовича были настолько ценны и актуальны, что многое из того, что собрал талантливый «торхуни», с благодарностью использовали в своих научных разработках по горским евреям выдающиеся ученые отец и сын Всеволод и Борис Миллеры.

Илья Анисимов был прекрасным исследователем, внесшим колоссальный вклад в этнографическую науку.

Илья Щербетович скончался в 1928 году. Он похоронен в Москве.

Исай Идзаров до войны

Сегодня ему было бы 80. А в том далеком сорок четвертом, когда он пошел в последнюю атаку и принял последний бой, ему было неполных двадцать четыре. В том жестоком бою бесстрашный сын Кавказа — горский еврей Исай Иллазаров совершил подвиг и вошел... в бессмертие.

Исай Иллазаров: подвиг и бессмертие

Указ Президиума Верховного Совета СССР

Москва — Кремль

24 марта 1945 г.

За героический подвиг, совершенный в борьбе с немецкими захватчиками, присвоить гвардии старшему сержанту Иллазарову Исая Иллазаровичу высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза

*Председатель Президиума Верховного
Совета СССР Н. М. Шверник*

Восхождение на Эльбрус

Столица Кабардино-Балкарии готовилась к празднику: через несколько дней 21-я годовщина великого Октября. Приветливый и уютный Нальчик «утопает» в море разноцветных транспарантов и огромных плакатов и панно. Праздничное настроение и на фабрике модельной обуви, где работает Исай. Завтра в честь праздника предстоит массовое восхождение на самый высокий пик Кавказа — Эльбрус. Исай — комсомольский вожак предприятия, а заодно и ответственный за подготовку своих ребят к штурму Эльбруса. У него сегодня самый «горячий»

В годы войны

день: надо тщательно подготовить альпинистскую амуницию, пригласить спортивных инструкторов, получить от них консультацию, поговорит с ребятами. И еще успеть сделать много-много других дел.

Восхождение получилось, хотя не все его участники сумели взобраться на «крышу» Кавказа. Исай по природе был физически крепким парнем. И он был среди тех, кто праздновал взятие высоты. Это был первый подвиг Исае Иллазарова. И была первая награда: ему присвоили звание «Мастер спорта СССР». Для того времени это было сенсацией: мастеров спорта было очень мало. Их уважали, ими гордились.

После этого памятного восхождения Исай стал местной знаменитостью: его часто приглашали на различные молодежные мероприятия, включали в составы жюри всевозможных конкурсов. Скромный по натуре, он не любил этих почестей и порой говорил: «Я не артист, не знаменитый летчик, который спасал челюскинцев. Я такой же, как и все вы. Стану знаменитым — сам приду к вам».

Память о штурме Эльбруса осталась у него на всю жизнь. А вернее, осталась памятка, зарубка. Там, на высоте, не подвластной даже «царю» птиц — орлу, в ноябре уже зима. Исай, проявив удивительную заботу о каждом, в этой суматохе перед восхождением совершенно забыл про себя. Эта «забывчивость» не прошла для него даром: он обморозил два пальца руки и ноги. И целых три месяца «провалялся» на больничной койке. У него было смешанное чувство радости и обиды. Радости — от того, что покорил этот гордый Эльбрус. Обиды — оттого, что не сможет теперь, как прежде шить хорошую модельную обувь. Ведь для этого нужны гибкие и послушные, как у пианиста, пальцы.

Герои умирают стоя

Исаю после школы очень хотелось попасть в Москву: посмотреть на достопримечательности, погулять по ее широким проспектам, походить по музеям. Но мечта так

и осталась мечтой. И вот теперь ему выпала честь защитить любимую столицу от фашистов. Враг был на подступах к Москве. Ожесточенные бои шли круглые сутки. Боец Иллазаров не дрогнул. Вместе с другими сослуживцами по роте, находясь на линии огня, на передовой, он оказывал яростное сопротивление гитлеровцам. Его боевое крещение состоялось. Здесь, под Москвой, Исай открыл и первый счет уничтоженным фашистам. А потом было и контрнаступление: немцев погнали далеко за Москву. И была знаменитая Курская дуга, в пекле которой молодой горец едва не погиб.

На войне, как на войне: смерть, как верная подруга, ходит рядом с тобой. Сегодня жив — и слава Б-гу. Вот уже 3 года как Исай уехал из дома. На календаре — 1944-й. Рядом Витебск. Степь пахнет полынью. А впереди сильно укрепленные вражеские позиции. Минута-другая — и стрелковая рота уйдет на выполнение особо важной задачи: отбить у врага стратегический плацдарм. Выполнить задание не так просто: позиция сильно укреплена и связана лабиринтом траншей. Надо организовать прорыв, чтобы дать возможность продвигаться нашим наступающим частям. И выполнить этот боевой приказ было поручено личному составу 171-й армейской стрелковой роты.

На первых же минутах операции кинжальным огнем фашистского пулемета был убит командир роты. Ситуация сложилась крайне тяжелая. Любое промедление могло вызвать панику и гибель солдат. Только личное мужество могло спасти положение. И гвардии сержант Иллазаров, взяв командование на себя, повел роту на штурм вражеских траншей. Немцы, не ожидавшие такого яростного броска русских, в панике стали убегать, ведя хаотическую стрельбу. Затаив дыхание, следили за ходом боя с наблюдательного пункта разведчики 1-го стрелкового батальона 272-го гвардейского полка 90-й гвардейской дивизии.

Исай Иллазаров показывал в этом бою чудеса храбрости, идя в атаку во весь рост и ведя за собой однополчан.

Это было что-то ошеломляющее: молодой горец вместе с ребятами из роты стремительно ворвались в укрепленные траншеи противника. И, не дав опомниться, уже рукопашную, стали уничтожать одного гитлеровца за другим.

А враг продолжал сопротивляться, стремясь ввести в строй свежие силы. Но остановить победный рывок роты немцы уже не смогли. Исая Иллазаров со своими стрелками вышел на исходный рубеж — населенный пункт Карташи. Боевая задача по прорыву мощной обороны противника была блестяще выполнена. В этом бою отважный горец лично истребил свыше 30 гитлеровцев и множество огневых точек с их расчетами.

Это правда, что смелого пуля боится, и что смелого штык не берет. Но война есть война. И шальная пуля не спрашивает ни у кого ни имени, ни отчества. В этом бою Исая Иллахаров был тяжело ранен.

И за мужество и отвагу, проявленные им в этом бою, молодой джигит с Кавказа был представлен к высшей награде Родины — к званию Героя Советского Союза.

А 6 сентября 1944-го года в жизни Исаея Иллазарова был еще один, самый последний бой. Он шел за освобождение от врага другого важного плацдарма — населенного пункта Киркели Бауского района Литвы. Вражеская пуля не пощадила Героя. На земле далекой Прибалтики и нашел свой последний приют отважный кавказец — горский еврей Исая Иллазаров, подвиг которого увенчан Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Но память о Герое жива. Его именем в столице Кабарды названа бывшая Надречная. Школа №10 города Нальчика, в которой он учился, тоже носит его имя.

Герои погибают. Подвиг живет. В Израиле живут сын Исая Иллазарова — Лазарь Исаевич и его внук Исая, названный так в честь знаменитого деда.

**Шатииль Абрамов —
прославленный джигит
из горских**

Доктор геологических и минералогических наук, известный ученый, который долгие годы отдал научной и преподавательской деятельности во всесоюзном институте

нефти в городе Грозном и человек, который подготовил сотни высококлассных специалистов нефтяной промышленности — все это относится только к одному человеку. Этот человек Шатииль Абрамов. Сегодня его студенты работают на всех географических широтах бывшего Союза и далеко за его пределами. Среди них немало выдающихся специалистов и кавалеров высоких правительственных наград и даже лауреатов Государственных премий.

Но это всего лишь часть жизни человека с удивительной биографией, имя которого хорошо известно не только на Северном Кавказе, но и далеко за его пределами. Шатииль Абрамов — легендарный горец, гордость и слава Дагестана и всех горских евреев. В суровые годы Великой Отечественной, он, как и другой наш земляк из племени горских, Исай Иллазаров, совершил беспрецедентный подвиг, за что ему Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено самое высокое звание — звание Героя Советского Союза. Его именем была названа одна из лучших школ республики: средняя школа № 1 в г. Махачкале. Здесь до войны он когда-то учился сам. В послевоенные годы, да и по сей день, в республике выходят множество военно-патриотических книг о Великой Отечественной, в которых можно найти немало страниц, посвященных подвигу Шатиуиля Абрамова.

Этот человек совершил в жизни два беспрецедентных подвига: один боевой, в грозные дни войны, а другой уже в мирное время, сменив солдатскую шинель на мантию ученого-исследователя. За тот и другой люди ему бесконечно признательны. Очень актуальными остаются темы его научных работ, которые и по сей день не утратили своей важности. Его научные статьи и рефераты печатались на страницах престижных отечественных и зарубежных изданий, вызывая большой интерес у специалистов.

Сегодня, конечно, другие времена. Но подвиг — ни ратный, ни совершенный во имя большой науки, не знает срока давности. Кавалер Золотой звезды Героя Шатиуиль Абрамов самой историей и самой судьбой зачислен в особый список людей, приговоренных к бессмертию, как человек, причастный к особому делу — делу Победы над фашизмом.

Богдановка: «Бабий Яр» горских евреев

*Простите, павшие, любя,
Что память заросла травой,
Что о Богдановке, скорбя,
Никто не вспомнит хоть порой.
Порою не хватает зла:
Молчат о вас, хоть каждый — свой,
Не бьют во все колокола —
Иль этот Бабий Яр — чужой?!*

Бабий Яр — наша боль и незаживающая рана, моя личная трагедия и великая трагедия всех кавказских. Но мы — евреи, и независимо от того, кто из нас к какой из общин относится — ашкеназов или горских евреев, бухарских евреев или выходцев из Грузии, — мы должны оставаться справедливыми хотя бы по отношению к памяти павших. И если надо бить во все колокола и кричать на весь мир о Катастрофе европейского еврейства, то нельзя нам забывать и о Катастрофе других евреев, в данном случае горских (кавказских). А ведь это одна из малочис-

ленных народностей, где счет не идет на миллионы. И здесь потеря даже одного человека равносильна потере целой тысячи.

Моздок, Менжинск, Нальчик, Пятигорск и, наконец, Богдановка, ставшая Бабьим Яром горских евреев. По сей день неизвестно точное число людей, замученных и расстрелянных гитлеровцами в каменоломнях Машука. Этим вопросом в свое время занимался в качестве члена Чрезвычайной комиссии по расследованию нацистских преступлений известный русский писатель Алексей Толстой, автор книг «Гиперболоид инженера Гарина», «Хождение по мукам» и др.

Северный Кавказ, где проживала основная масса горских евреев, был для гитлеровцев малознакомым местом. Ашкеназских евреев нацисты знали. Они встречали их в Германии, Польше, Австрии, Франции. Но им и в голову не могло прийти, что Моисеево племя может оказаться у подножья Казбека и Эльбруса и даже то, что не менее любопытно, на Ставропольщине. Волею судьбы, спасаясь от преследования, еще задолго до войны какая-то часть горских евреев облюбовала себе почти заброшенный хутор. Сразу же дали ему название — Менжинск — в честь еврея-ученого, много сделавшего для этого края.

Но вот грянула война. И наступил роковой сентябрь 1942 года. Мирные работающие люди ничего не знали о зверствах гитлеровцев, об их патологической ненависти к евреям. Не знали они даже того, что всего неделю назад фашисты безжалостно уничтожили еврейскую общину Богдановки. Нашлись предатели и недруги, которые оказали горским евреям «дружескую» услугу за их хлебосольство и гостеприимность, за их отзывчивость и готовность помочь. Но самым трагичным было то, что горские евреи, ни о чем не подозревая, представляли оккупантам кров, делились с ними продуктами.

В Богдановке жили не только евреи. Жили и русские, и армяне, и казаки. Вначале оккупанты вели себя более-менее прилично. Разве что позволяли себе зайти во двор и конфисковать курицу. Потом вдруг стали наглеть: могли избить человека, увести последнюю скотину. Предатели делали свое черное дело. Они и сообщили фашистам, что больше половины населения Богдановки — евреи. Но гитлеровцы знали других евреев — светлолицых, рыжих, с голубыми глазами. А эти — настоящие горцы, смуглые, черноволосые, усатые. И говорят на каком-то непонятном языке...

К «варфоломеевской ночи» каратели готовились долго и тщательно. В первую очередь они позаботились о том, чтобы никто из других людей (неевреев) ничего не знал о предстоящей акции. Во всех домах окна были забелены известкой. Все были строго-настрого предупреждены: любопытных ждет расстрел. Но отважные все-таки находились. И в едва заметную щелочку следили за происходящим. А зрелище, которое они наблюдали, было страшным: горских евреев аккуратным строем гнали ... на расстрел. Сначала более крепких, потом стариков, женщин и детей. Очевидцы трагических событий рассказывали потом, что очень долго слышался душераздирающий детский плач. Было ясно, палачи отнимают малышей у их матерей. А потом раздалась автоматные очереди, которые то утихали, то вспыхивали с новой силой. Это расстреливали очередную партию несчастных...

Буквально через несколько часов после того, как оккупанты отступили из Богдановки, в поселок со всех сторон устремились люди: все уже знали о небывалой трагедии. У многих здесь жили родственники или просто знакомые. Картина, которая открылась им, была потрясающей: из длинного и глубокого рва, заполненного изуродованными телами, валили густой красно-белый пар. Была зима, январь. Видимо, бегство варваров было столь стремительным, что они не позаботились о сокрытии своего преступления.

Всего нескольким семьям горских евреев удалось спастись тогда от неминуемой гибели в Богдановке. Они остались в живых благодаря человечности других людей, которые, рискуя жизнью, прятали их у себя. Были предатели, но были и такие, кто хорошо знал горских евреев еще до войны и был благодарен им за все доброе, что они им когда-то сделали.

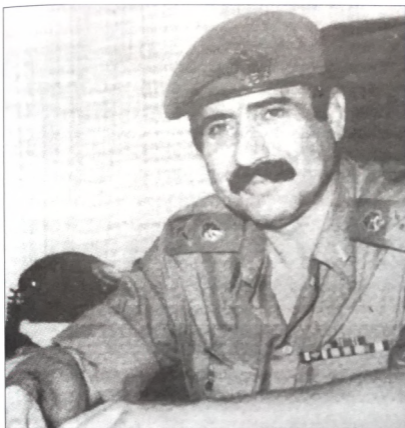
Менжинск, Моздок, Богдановка. Три населенных пункта, общая трагедия горских евреев.

Екутиэль Адам — вечно живой генерал

Он погиб, как говорят, на подступах к великому. Родом с Кавказа, Екутиэль, как и многие горцы, был наделен особым мужеством и особой смелостью. Смерть его была нелепой и обидной до слез: он не раз выходил живым, без единой царапины из таких боевых операций, из которых просто невозможно было выйти. А вот в этой, казалось бы, совсем не цронтовой ситуации, попался на «мелочи»: вместе со своим адъютантом, не проверив в одном из заброшенных домов наличие террористов, не подумав даже, что там может отсиживаться неприятельский снайпер, пошел разведать обстановку. Но он успел сделать всего несколько шагов, ставших в его жизни последними. Засевшие в заброшенном доме, два арабских террориста открыли по генералу яростный огонь. Его жизнь оборвалась трагически.

Никто тогда не хотел верить в эту нелепую смерть. Никто, начиная с руководителей и высших чинов в армии и правительстве, и кончая простыми людьми, которые много хорошего слышали о прославленном генерале и очень любили его, хотя многие из них и не знали его лично.

Но «стратегия» и «тактика» боя ему, молодому генералу, были известны не по учебным сценариям и макетам. Екутиэль стал участником многих судьбоносных военных операций, участником настоящей войны. Но тогда Всевышний берет его. Да, смелость города берет. Но когда эта смелость сочетается с мудрыми решениями, умной тактикой, смелость превращается в непобедимость. По некоторым сведениям, именно Екутиэль Адам является разработчиком плана неслыханной по своей дерзости военной операции «Энтебе» по освобождению заложников. Но, какой бы ювелирной она ни была, любая из них связана с риском для жизни. Такого исхода избежать невоз-

Екутиэль Адам

можно. Потери при таких операциях планируются. Хотя никто не знает, кого достанет шальная пуля бандита. И эта операция не обошлась без крови: погиб Йонатан Нетаниягу — родной брат Биньямина.

В очень простой, до обидного ситуации, вскоре пролилась кровь и самого генерала Екутиэля Адама. Сегодня его именем названы школы и улицы. Даже погибший, он продолжает вселять в наши души бесстрашие и мужество, преданность и любовь к родной еврейской родине. И выходцы с Кавказа не зря гордятся сегодня своим знаменитым соплеменником и земляком: имя прославленного генерала Екутиэля Адама символизирует сегодня мужество и силу вечного Израиля.

Альберт Агарунов — герой Азербайджана и солдат, ушедший в бессмертие

*Самыми храбрыми были солдаты,
которые погибли на войне*

Уолт Уитмен

Сегодня он покоится на маленьком и священном клочке земли, именуемой аллеей Славы. Быть погребенными здесь удостоились такие знаменитости, как известный композитор Ниязи, прославленный Узеир Гаджибеков — автор невероятно смешной комедии, обошедшей весь мир «Аршин мал-алан», великий певец, народный артист СССР Рашид Бейбутов.

Удостоился этой чести и горский еврей — танкист Альберт Агарунов. Сегодня в Азербайджане это имя известно каждому. О нем слагают стихи и песни, о нем вспоминают на торжественных линейках в школах и молодежных собраниях. Добрым словом и с любовью вспоминают о нем и на еврейской родине в Израиле, где сегодня живут его родственники и близкие люди, в том числе и его мать. Альберт родился в маленьком поселке Сабунча (Азербайджан) в 1969 году. А уже в 1992 его не стало. Он погиб смертью Героя. Ему было всего 23 года. В этом, почти мальчишеском возрасте, многие молодые люди еще беззаботно транжируют время. Альберт был не по годам серьезен. Парень из простой рабочей семьи, он мечтал поступить в один из престижных вузов. Но, когда понадобилось выполнить свой гражданский долг, Альберт не задумываясь надел солдатскую форму и встал на защиту родной земли.

Он был храбрым парнем. Храбрым от природы. Говорят, что танкист Агарунов наводил ужас на неприятеля. О нем еще при жизни ходили легенды.

Легендарным остался он и после смерти. Альберт погиб, не дожив до светлого Часа мира. Он остался навечно на войне и навечно молодым, чтоб уйти в бессмертие.

Альберт Агарунов

Гюльбоор Давыдова: женщина из песни

Она родилась в маленьком селении Хошмемзиль. Это дербентский район. Здесь в основном жил трудовой люд. В одной из таких семей и родилась Гюльбоор. Она была еще совсем маленькой девочкой, когда прибегала на колхозные плантации помогать родителям. Вот так, изо дня в день она и пристрастилась к сельскому хозяйству. А вскоре юная Гюльбоор за свой добросовестный труд получила по тем временам большую награду: ее премировали путевкой на ВДНХ.

Шло время... Из рядовой колхозницы она уже превратилась в опытного мастера виноградной лозы, которая хорошо освоила секреты получения высоких сортов винограда. И хотя у нее не было вузовского образования,

Гюльбоор Давыдова с сыновьями

Гюльбоор не уступала в этом ремесле знатым ученым — виноградарям. Гюльбоор по праву обрела славу знатока и первоклассного специалиста. И однажды утром, как принято говорить, проснулась знаменитой. В центральных газетах был напечатан Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР о присвоении Гюльбоор Давыдовой высокого звания Героя Социалистического Труда. А через короткое время эта трудолюбивая горянка была избрана депутатом дагестанского парламента.

Звезда Героя венчала ее, воистину, шахтерский труд. В те времена еще не было мощной механизации. Почти все на виноградных плантациях делалось вручную. Особенно трудоемкой была ручная перекопка виноградной лозы. Гюльбоор была душой бригады, которая благодаря ее стараниям, стала одной дружной семьей. А в самой семье Гюльбоор росли два богатыря, два ее сына — Давид и Рувен — материнская гордость и материнская надежда.

22 июня 1941 года. Гюльбоор по старой привычке вставала с первыми петухами. Надо приготовить завтрак для ребят, самой собраться на работу. И было у нее еще одно неизменное правило: Гюльбоор обязательно включала радио и слушала первую сводку новостей. Такая вот выработалась у нее привычка. И вдруг она испугалась. Она услышала до боли знакомый, но очень тревожный голос Левитана: «От Советского Информбюро... Сегодня на рассвете Германия без объявления войны, вероломно напала на нашу страну — Союз Советских Социалистических республик». Всегда сдержанная Гюльбоор стала громко плакать, поочередно целуя еще спящих сыновей. Ребята проснулись, и видя плачущую мать, заволновались и соскочили со своих кроватей. «Война, дети», — сквозь слезы выдавила расстроенная мать. Ребята были уже взрослыми людьми. Они воспитывались на примере матери: росли патриотами, любящими родину и готовы были сложить за ее честь и свободу свои юные головы. Через день-другой они были уже в военном комиссариате. Оба — и Давид, и Рувен принесли заявление о желании быть на фронте.

Так эти парни стали солдатами Великой Отечественной. Материнское сердце болело и страдало, но Гюльбоор старалась быть спокойной на людях. Ей не положено быть слабой: она руководит бригадой, от ее настроения зависит успех работы. И хотя она еще не Герой и даже не депутат, но уже человек на виду, знатная труженица хозяйства. Она держалась и даже подбадривала других матерей. Она работала за двоих и даже за троих. В хозяйстве оставались только женщины: все мужчины колхоза были на фронтах. Гюльбоор выбрали еще и председателем женсовета. Она и без того проявляла к своим подругам по работе настоящую материнскую ласку, и без того заботилась, чтобы никто из этих женщин не осталась наедине со своим горем и заботами. Гюльбоор одна из первых в родном Дербенте откликнулась на зов Родины: все для фронта, все для Победы. Долгими зимними вечерами Гюльбоор вместе со своими подругами по бригаде вязала теплые шерстяные носки для бойцов Красной Армии. И это после такой трудной работы на виноградных плантациях. Рассказывают, что на двух парах она специально вышила имена своих сыновей: вдруг совершится чудо, и носки, связанные ею, попадут по прямому назначению. Но они к ним не попали. А вот вражеские пули попали в ее милых и дорогих сыновей без промаха, убив их и навеки ранив в сердце эту мужественную женщину. Один за другим Гюльбоор получила два извещения о героической смерти своих юных красавцев.

Сердце ее кровоточило, но эта женщина из особой породы, трудилась наперекор всем бедам. Она вязала не только носки. Она вместе со своими подругами из колхозной бригады, шла коопать оборонительные сооружения: фашисты были на подступах к Кавказу. Колхоз, в котором она работала, назывался «Путь к коммунизму». И хотя до коммунизма было ой как далеко, она старалась приблизить этот долгожданный день и час Победы. Люди жили надеждой. У Гюльбоор не было даже этого: сыновья погибли и ждать было некого.

«Штирлиц» из Дербента по имени Мукдоши, который познал немецкий концлагерь и все «прелести» КГБ

Бронь, которая не понадобилась

Совершенно секретно: персональная характеристика на гауптмана немецкой армии — начальника карантинной роты Мигдара Абдулалиева. Грамотен. Исполнителен. Хорошо знает военное дело. Особая черта характера: скрытен.

Все это о Мукдоши Хизгилове. Но фашисты, конечно, об этом не знают. А еще не знают самого главного. Они даже не догадываются, что перед ними самый настоящий и самый кашерный еврей из старого, как мир Дербента, что на берегу жемчужного Каспия. Не знают они и того, что Мигдар Абдулалиев и Мукдаши Хизгилов — это один и тот же человек.

Шел 1941-й, сорок памятный год. Немцы изо всех сил рвутся к Москве. Они уже на самых ближних подступах к русской столице. Бои идут по всем направлениям. Кажется все идет к концу. Но так только кажется. На каждом плацдарме и на каждом «пяточке» идут кровопролитные бои. Эти бои идут и под Вязьмой, и под Смоленском...

Мукдоши тяжело ранен. Он без сознания. Фашисты берут первых пленных. И тех, кто может самостоятельно передвигаться, и тех, кто на краю жизни и смерти. Мукдаши был сильно контужен. А, когда пришел в себя и открыл глаза, то сразу же увидел противные и ненавистные ему немецкие физиономии. И он сразу же понял, что это

плен. Но плен — это еще не конец. Надо просто суметь побороть страх. Смуглый и черноволосый с модными гусарскими усиками, он совсем не был похож на своего брата еврея с толстыми губами и с орлиным носом, что безо всяких документов сразу же выдавало прямую причастность к моисееву племени. И хотя рана мучила его, голова работала, как хорошие швейцарские часы. Он прекрасно знал азербайджанский. «Почему же не выдать себя за мусульманина?» — подумал Мукдаши. Это сейчас было единственным спасением.

И он воспользовался им, представившись немцам, как капитан Красной Армии Мигдар Абдулалиев. Но этого было мало: надо было во чтобы то ни стало вырваться из цепких и ненавистных рук заклятого врага.

Побег

Надо было думать о побеге. Только одному столь серьезное мероприятие не под силу. Не зря говорят, что нет худа без добра: в этом фашистском застенке он, Мукдоши сразу же сошелся со многими приличными ребятами с Кавказа. Они и поведали ему о существовании в концлагере подпольного комитета, связанного с местными партизанами. Кавказский пленник мало-помалу начинал приходить в себя после тяжелой контузии, и мысль о побеге ни на минуту не покидала его и его товарищей по несчастью. Уже даже был назначен день.

Но события вдруг неожиданно и негаданно развернулись по совсем немислимому сценарию. Судьбе как-будто было неуютно задуманное ими мероприятие. Утром следующего дня коммендант лагеря выстроил всех на очередную проверку. Последовал строгий приказ всем кавказцам сделать два шага вперед. Сразу 20 человек вышли на отмеченный рубеж. Вышел и двадцать первый. Им был Мукдоши Хизгилов. Это облегчало дело. Мукдоши с товарищами попали в затруднительное положение. Руководство лагеря объявило о создании специального формиро-

Мукдаши Хизилов

рования из числа кавказцев, которые должны были выполнять полицейские функции, что-то вроде карательного отряда особого назначения. Вечером того же дня члены подпольного комитета горячо обсуждали предложение немецкого начальства.

— Вам, кавказцам в данное время бежать и рисковать жизнью совершенно бессмысленно, — сказал один из руководителей подполья. У вас есть хороший шанс: вы через несколько дней получите оружие. Немцы хотят использовать вас, как пушечное мясо. Будьте хитрей них: используйте это оружие против них самих. — Да мы все понимаем, что надев немецкую униформу, вас могут принять за предателей. Но вопрос касается судьбы родины. И ваш долг сделать все для нашей победы. А насчет формы потом разберутся. Сейчас надо использовать шанс

Было жаркое лето 1942 года. «Новобранцев» привезли в небольшой польский город Едлинь, где располагалась специальная база, куда почти со всех мест свозились потенциальные легионеры для будущих карательных отрядов. Здесь они проходили специальную подготовку. В основном, все они были с Кавказа. Вермахт знал, что делает. Главная цель подавить в них все человеческое, превратить в настоящих животных, умеющих только жечь и убивать. Ставка делалась на опреде-

С космонавтом Германом Титовым

Встреча зарубежных гостей

ленные враждебные элементы, которые еще далеко до войны ждали своего часа, чтобы отомстить советской власти и коммунистам. Вермахт готовил мощный бросок на Кавказ, и ему нужны были специальные подразделения из местных, верой и правдой служившим немецкому оружию. Во всю работала и фашистская пропаганда, которая уверяла «новобранцев», что дни СССР сочтены, что скоро весь мир вздохнет спокойно от большевизма, и, что новый немецкий порядок и есть великое благо, за которое они должны воевать. Они делали все, чтобы обработать даже сильных духом. Положение усугублялось еще и тем, что среди новобранцев, действительно, находились продажные шкуры, для которых личное благо и собственная жизнь была дороже всяких понятий о чести и долге перед Отечеством.

Советский капитан Мукдаши Хизгилов он же немецкий гауптман Мигдар Абдулалиев «хорошо» вписывался в картину происходящего, заметно выделяясь среди других своей образованностью, знанием многих кавказских языков, обычаев и традиций, характером. А самое главное, он был отличным организатором любого начинания, имея при этом очень важное достоинство: был надежен и молчалив, как отменный замок. Его положение было не

из легких, хотя Мукдоши уже успел завоевать у немецкого начальства много похвальных отзывов. Среди этих людей с Кавказа, было немало тех, которые хорошо знали, кто он Мукдоши Хизгилов на самом деле: еврей, коммунист, патриот, политкомиссар. Только одно, что он еврей, хватало для того, чтобы сразу без суда и следствия вздернуть его на первом же столбе. Среди тех, кто его знал было и несколько поддонков, в прошлом очень обиженных на советскую власть. Но Мукдаши он же Мигдар Абдулалиев — гауптман немецкой армии и начальник карательного отряда азербайджанского легиона вел себя безупречно, не давая никаких поводов для своего раскрытия. Но провала и доносов надо было ждать в любую минуту. В этих условиях надо было создать надежный тыл, команду из очень близких и очень надежных людей, которых он уже знал, и, которые были им не раз проверены в деле. К счастью для него, такие люди были. И среди них особо отличались Мирзахан Магомедов и Имран Гусейнов, через которых, в основном и осуществлял он связь с партизанским подпольем, заранее извещая «лесных» братьев о предстоящей карательной экспедиции фашистов.

Он был начальником карательного легиона. Надо было показать «хозяевам» и работу, чтоб отвести всякие подозрения. И он демонстрировал свое усердие: в каждой очередной экспедиции его люди под маркой неуловимых партизан, уничтожали вражескую инфраструктуру, различные коммуникации, запасы топлива и продуктов, уничтожали много складов оружия. И каждый раз и партизаны, пользуясь его надежной информацией, совершали успешные рейды в самое логово врага. Среди местных партизан за ним прочно укрепилось прозвище «черный капитан». Но его знали в лицо только избранные люди из числа партизанского подполья. Для всех остальных Мукдоши значился только символом. Его имя стало обрастать легендой. И было от чего.

Освобождение советских пленных не было единственной задачей Штирлица из Дербента. По особому заданию

С внучкой

он собирал важную и оперативную информацию для «Большой земли»: о новых передвижениях вражеских войск, о его новой дислокации, о примерном количестве людей и военной техники.

Но немецкое командование тоже не дремлет. Зондерфюрер Миллер вовлекает новоиспеченного гауптмана в авантюрную экспедиционную поездку по лагерям для военнопленных. А цель одна проверить свой ли он человек, или вражеский разведчик. Видимо, у немецкого шефа появились какие-то подозрения. Видимо, уже кто-то успел настучать. Но Мукдоши был спокоен: никаких компроматов на него не было. Он работал с предельной осторожностью. Но все равно, чувствовал, что его проверяют. Зондерфюрер задавал ему каверзные вопросы, пытался втянуть его в разговор о, якобы, плохом обращении с военнопленными Гауптман тоже играл в свою игру, основанную на принципе: молчанье — золото. Но по возвращении на

базу, его ждала большая неприятность. К нему в кабинет с пистолетом в руке ворвался начальник лагеря, и угрожая оружием, заорал: «Ты предатель, собака!»

Вместо эпилога

В 1944 году после радостной встречи польских партизан с передовыми частями Красной Армии, война для Мукдоши Хизгилова завершилась. Но для «черного» капитана началась другая война, которая была куда страшней и непредсказуемей. Это была война особого рода: война с КГБ и партийными чинушами. В 1958 году военный Трибунал Белорусского военного Округа оправдал Мукдоши Хизгилова за отсутствием состава преступления. А обвиняли его чуть ли не в измене Родины. Но он был настоящим солдатом и настоящим патриотом, а еще человеком с большой буквы. Он сумел доказать свою правоту в этой даалеко непростой войне с недругами, которые пытались очернить его доброе имя. В этом помогли ему и польские товарищи по оружию, которые отстаивали своего боевого товарища по борьбе с гитлеровцами.

Мукдоши был человеком сильной воли. Уже после войны он сумел организовать в родном Дербенте крупную ковровую фабрику, которая славилась на всем Северном Кавказе. Добрая слава об этом предприятии в то время шагнула далеко за пределы Дагестана. По обмену опытом сюда приезжали не только со всех концов бывшего Союза, но сюда приезжали и многочисленные зарубежные делегации. Но война продолжалась до самой его кончины. На него писали грязные пасквилы многие недоброжелатели, которые теперь очень хотели занять его директорское кресло, абсолютно не разбираясь в народных промыслах. Но отважный разведчик и партизан, солдат Великой Отечественной Мукдоши Хизгилов не сдался и до конца дней своих боролся за честь и достоинство своего имени.

Отец и сын Ифраимовы

О судьбе отца и сына — Иосифа и Хайвата (Хаима) Ифраимовых можно написать интересную повесть. Иосиф погиб в неполных 23 года, не дожив два месяца до Победы. Его отец Хаим в молодые годы попробовал стать предпринимателем, в годы нэпа открыл небольшую лавочку, которую вскоре начисто обокрало местное жулье. Но Хаим был настоящим кавказцем, человеком с сильным характером и железной волей. Пошел работать на строящийся военный завод. И всю жизнь, до самой своей кончины, держал связь с еврейской общиной Махачкалы.

Хайват Ифраимов

*Прославленный танкист Иосиф Ифраимов (слева)
со своим другом.
Похоронен в братской могиле в Германии, во Франкфурте-на-Майне*

Драма разыгралась неожиданно, как в детективном романе. Иосиф понял, что просто так ему теперь не уйти.

Довоенный фабричный район Махачкалы буквально кишел хулиганскими шайками, а иногда и настоящими бандами. Но чаще всего это были 16-17-летние подростки, как сегодня сказали бы, из неблагополучных семей. Иосифу тоже было 16, и он мог дать отпор. Обычно из таких стычек он выходил победителем. И поэтому «гордый еврейчик» давно был костью в горле у местной шпаны, которая целыми днями отиралась вокруг «ремеслухи» — фабрично-заводского училища, где учился Иосиф. Однажды шпана все-таки решила проучить «строптивого жиденка», устроила ему засаду.

Иосиф был коренастым, крепко сбитым парнем. Легко справлялся с двумя-тремя хорохорящимися худосочными хулиганами. Но на этот раз его окружили по меньшей мере десять. Двоих Иосиф уложил с ходу, но третий полоснул его финкой по лицу. Этот след так и остался потом у него на всю жизнь. Лицо залило кровью. Тогда, не помня себя от ярости, он каким-то чудом ухитрился выхватить нож у нападавшего и ударил его же финкой в живот. На этом драка и кончилась. Шпана трусливо разбежалась.

Необычной была судьба этого парня. С детства он попадал во всякие приключения. Кто-то даже предрек ему раннюю смерть. И, к сожалению, не ошибся. Иосиф погиб в неполных 23 года. Сгорел в танке. «Командование армии, боевые друзья и товарищи с искренним соболезнованием сообщают Вам о героической гибели гвардии лейтенанта Иосифа Ифраимова. Сообщаем Вам, что он со всеми воинскими почестями похоронен в братской могиле в гор. Франкфурт-на-Майне». Это письмо Хаим Ифраимов всегда носил в кармане своего потертого пиджачка. Он тайно лелеял мечту когда-нибудь побывать на могиле сына. Но мечте так и не суждено было осуществиться. Почему, догадаться нетрудно: другие времена были, «железный занавес». А один из кавказских поэтов посвятил Иосифу трогательные строки:

*Мой старший брат, мой брат Иосиф,
В могиле братской, где ты спишь
Среди других, немой и босый,
Наверно, гробовая тишь.
Мой старший брат, не верь в наветы,
Не верь, что жизнь отдали зря.
Что ни к чему была Победа.
Все чушь, по-братски говоря.*

Необычной была судьба этого парня. Ему было всего 16, когда он ловко провел медкомиссию военкомата, убедив всех, что ему уже 18. Так за три года до начала войны он добровольцем попал на флот. Война началась, когда до увольнения в запас оставались считанные недели. Он участвовал во многих боях, но Керченское сражение было особым. Трагедия разыгрывалась и на море, и на берегу. Враг бросил в этот район отборные части. Было много потерь. Были трудные дни прорыва из окружения. Он вышел из этого ада живым.

Потом были ускоренные командирские курсы танкистов в далеком от войны городе Чирчик. И были письма. Последние письма Иосифа перед решающими боями уже в самой Германии. «Дорогие мои! Пишу вам перед очередным боем. Не волнуйтесь. Я везучий. Я обязательно вернусь. До встречи».

Сегодня Иосифу было бы 82. Но он остался вечно молодым, оплатив своей жизнью приближение Победы. Приближал ее как мог и его отец Хаим, работавший на крупном оборонном предприятии. Много работал. Но, несмотря на занятость, этот нестарый по кавказским меркам человек обязательно выкраивал время для соблюдения еврейской традиции, исправно посещал синагогу. О чем он просил Всевышнего в своих молитвах? Наверное, о мире и согласии на земле, между людьми, между сердцами. Он хорошо знал эти сердца, наполненные иногда мелочными обидами и непониманием, делал все, чтобы сблизить их. У него это получалось. До сих пор его земляки, живущие теперь в Израиле, вспоминают, как мудрые слова Хаима Ифраимова помогали восстанавливать мир в семьях, склеивать уже почти разбитое благополучие. Помнят и об Иосифе.

Ему рукоплескал весь мир

В среде горских евреев, выходцев с Кавказа, немало людей, которыми по праву гордится Израиль. Но даже в этом перечне талантов имя народного артиста СССР балетмейстера мирового уровня Танхо Израилова стоит особняком. Этого человека уже давно нет с нами, но творческое наследие мастера продолжает радовать ценителей искусства.

Неверно, будто слава великого артиста умирает с его физической смертью. Одно из подтверждений этой истины — феномен Танхо Израилова, артиста, которого в общине горских евреев называют великим. Время оказалось не властным над людской памятью. Имя Танхо Израилова вошло в легенду, а дела стали образцом для подражания.

Огненные танцы «Лезгинки»

Ансамбль «Лезгинка» родился неожиданно, экспромтом. Случилось это 46 лет назад, накануне знаменательного события в жизни Дагестана: шел 1958 год, и республика жила ожиданием празднования Дней дагестанской литературы и искусства в Москве. Танхо Израилов считал тот год для себя счастливым. За несколько месяцев до праздника он привез в столицу Государственный ан-

самбль танца Туркмении. На московских сценах концерты этого коллектива шли с неизменным успехом. На одном из выступлений случай свел Танхо Израилова с партийным лидером Дагестана, членом всемогущего ЦК Абдурахманом Данияловым, который хорошо разбирался в людях, ценил и уважал таланты. Кстати, Даниялов был одним из редких руководителей на Северном Кавказе, среди друзей и близких которого было немало горских евреев. Он и сумел убедить Танхо Израилова переехать в Дагестан.

Оставались считанные дни до декады в Москве. Пока еще никому не известный ансамбль должен был предстать на суд строгого столичного зрителя. И разумеется, произвести впечатление. Но до того ему предстояло пройти другой, еще более строгий экзамен: под распоряжением Совета министров, которое обеспечивало «Лезгинке» право на существование, должна была стоять подпись министра финансов Зверева. Речь шла о бюджете «Лезгинки», о материальном обеспечении ансамбля. Надо ли объяснять, что подпись Зверева являлась главной?

Нервничали все. А вдруг министр заартачится? Стало известно о его фразе относительно ансамбля: «Кота в мешке не покупаю». И тогда было принято решение дать так называемый именной концерт — специально для Зверева.

Зал, где намечено было мероприятие, несмотря на хранимую артистами и организаторами тайну, все-таки оказался переполненным. Танхо Израилов волновался, как новичок, хотя уже успел объездить многие страны. Бывали гастроли в Америке и Японии, Болгарии и Австрии, Индии и Германии, но этот концерт особенный: первое в жизни показательное выступление в Москве для высокопоставленного государственного чиновника, который фактически единолично решал судьбу «Лезгинки».

Этот концерт маэстро вспоминал до конца своих дней. Причем с неопишуемым восторгом. Зверев был потрясен увиденным. Обычно скупой на похвалы и комплименты, он встал с кресла и долго аплодировал «Лезгинке». А потом, медленно поднявшись на сцену, тепло пожал руку каждому артисту. Уникальный случай: распоряжение о бюджете ансамбля было подписано прямо на сцене и тоже под бурные аплодисменты.

Триумфальными были и последующие выступления ансамбля. За 40 лет своего существования «Лезгинка» побывала во многих странах мира. Англия и Турция, Бельгия и Голландия, Болгария и Польша, Франция и Япония, Индонезия и Китай... В Индии один из концертов ансамбля посетила премьер-министр Индира Ганди. И опять — восторженные отзывы. Казалось бы, это стало привычным — танец в филигранной обработке маэстро Израилова превращался в настоящий бриллиант. Не случайно говорят, что у танцев каждой из многочисленных народностей, населяющих Северный Кавказ, свой рисунок и неповторимый колорит. Эти танцы — настоящие грани алмаза, а ювелирная работа постановщика вносила в них волшебство, законченность, темперамент.

«Эти танцы могут воскресить даже мертвых», — сказал как-то Расул Гамзатов, побывавший на одном из первых выступлений «Лезгинки». Поэт был прав! Танхо Израилов работал без отдыха, в постоянном творческом поиске. Его фантазия казалась беспредельной: каждая новая работа — поэма в танце. «Не бывает и не должно быть остановок в искусстве», — любил повторять Танхо.

Послесловие к легенде

В те годы «Лезгинка» переживала величайший триумф и... величайшую трагедию одновременно. О последней, пожалуй, более других знал сам маэстро. Танхо не поддавался унынию, не опускал руки, хотя отчетливо понимал, что создалась далеко не творческая атмосфера. Анонимки и клеветные письма, адресованные завистниками и недоброжелателями в так называемые «высокие инстанции» и правоохранительные органы, сделали свое черное дело. В чем только не обвиняли Танхо? Он и «соблазнитель женских сердец», и «спекулянт, который во время зарубежных гастролей то и дело бегаёт по магазинам». Вспоминать об этих доносах горько и обидно.

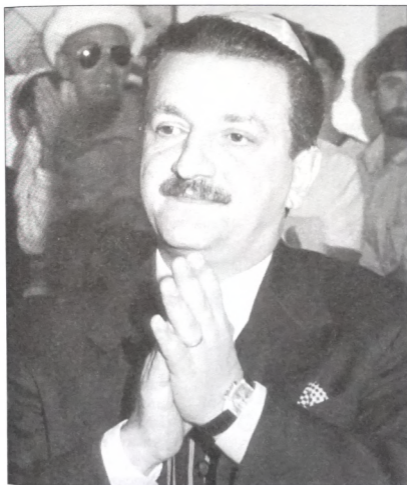
Недрузи надеялись «сломать» этого гордеца, заставить его унизиться, валяться в ногах у чиновников. А он наперекор чужой злобе продолжал неистово работать — только так мог Танхо доказать свою правоту. И что самое удивительное, маэстро знал каждого своего обидчика, но считал недостойным выяснять с ним отношения.

«Когда умный человек вступает в драку с дураком, окружающие не сразу понимают, кто из них настоящий дурак. И умный может прослыть дураком», — говорил Танхо. У маэстро было достаточно могущественных покровителей, которые в любой момент могли бы избавить его от хлопот, спасти имя и честь. Но Танхо Израилов не побеспокоил ни одного из них даже в самые трудные дни. Он всегда повторял: «Я должен победить сам, иначе грош мне цена в базарный день».

Телман Исмаилов: милосердный человек из кавказского дома

«Соверши это ради своего имени, соверши это ради своей десницы, соверши это ради своей Торы, соверши это ради своей святости».

(Махзор. Сборник молитв)

Телман Исмаилов

В последние 30 лет горские евреи волею судьбы оказались гражданами всей планеты. Они сегодня живут на своей исторической родине — в Израиле и в далекой Америке, России, Канаде, Германии и даже в Австралии. Новые времена принесли с собой и новые ветры перемен.

Но на каком бы континенте Земли не жили бы сегодня выходцы с Кавказа, каждый из них хорошо знает имя своего сородича — Телмана Исмаилова.

Он родился 26 октября 1956 года. В родительской семье кроме Телмана воспитывались еще одиннадцать детей. И каждый из них вырос настоящим человеком. Любовь к ближнему стала девизом их жизни. Этой особой науке — науке человеколюбия, они обязаны своему отцу и своему первому учителю в жизни Мардану бен Даниилу — уроженному еврейского местечка Гьяфтаран, расположенного вблизи Геокчая. В далеком 1928-м Мардан, 22-летний кавказец, полный надежд и желания обустроить

Мардан бен Данил

свою жизнь, окончательно переезжает в Геокчай, где и живет до самого 1957 года.

С этого времени начинается новый этап в жизни этого замечательного человека. Отныне солнечный Баку становится родным домом Мардана бен Данила. Добрый от природы, он никогда не оставлял людей, попавших в беду. «Чужого горя не бывает», — частенько говорил он, когда по случаю собирались у

него родные и близкие, как бы настраивая их на волну милосердия и доброты.

Такой же отзывчивой была и его верная спутница жизни — жена Пери бат Михал, сумевшая дать тепло своего материнского сердца не только своим детям. В ее гостеприимном и хлебосольном доме находили приют и ласку совершенно чужие дети и даже взрослые женщины, к которым судьба была не так милостива. Пери, как истинная спасительница, выручала их, давала мудрые советы и помогала выстоять. В память о ее незабываемой доброте и отзывчивом сердце, в память о милосердной маме Телман Марданович издал Сидур (сборник еврейских молитв) «Борух Мэрдэхай», который вышел в Москве в 2002 году.

Семь лет назад, в 1997 г. в одном из «олимовских» городов — Акко — состоялось знаменательное событие: открытие кавказской синагоги «Борух Мордэхай», на котором присутствовал главный сефардский раввин Бахши Дорон. И каждый год 26 октября в этой синагоге, ставшей особым центром духовной жизни выходцев с Кавказа, проходят поминальные молитвы и памятные встречи соплеменников со своим именитым сородичем — Телманом Мардано-

вичем Исмаиловым. И хотя он очень занятой человек, тем не менее всегда выкраивает время для встреч с земляками, а еще больше для того, чтобы оказать помощь многодетным и малообеспеченным людям. Этот вопрос всегда в поле зрения Телмана бен Мардана.

Милосердие и статистика — вещи несовместимые. И все-таки, в порядке информации, назовем одну-две цифры. Только за один год (2001-2002) Телманом оказана материальная помощь в сумме 1 млн шекелей. Речь, конечно, об Израиле. А за 5 лет (1997-2002) на эти же благотворительные цели им было выделено свыше 10 млн шекелей.

Президент фирмы «АСТ», приобретшей за последние годы высокий международный рейтинг, Телман Марданович проводит большую общественную работу в самом центре России — Москве, где он живет с 80-х годов.

Академик Гавриил Елизаров — горский еврей, который спас великого Брумеля

Гавриил Елизаров творил чудеса. Он раздвинул до неузнаваемости границы науки, которая называется ортопедией. Его врачевание и его «колдовство» было изумительным. Оно восхищало и оно поднимало на ноги уже обреченных.

Одним из таких обреченных, к великому несчастью, оказался выдающийся легкоатлет, заслуженный мастер спорта, чемпион мира и олимпийских игр, Валерий Брумель. Травма была настолько серьезной, что ни одно светило не могло ему помочь. Дело дошло до ампутации ноги. И вот здесь на выручку пришел кудесник Елизаров, который быстро вернул спортсмену былую форму.

После вмешательства в его лечение Елизарова, Брумель не раз снова и снова покорял спортивные высоты и рекорды, поднимался на высшие ступени почета. А злопыхатели и недруги в это же самое время еще продолжали, по старинке, чернить имя Гавриила Елизарова, называя его «шарлатаном».

Он был патриотом и великим человеколюбцем. Все знали, что в клинику Елизарова попасть трудно: большая очередь. Но когда к нему на лечение приезжали земляки с Кавказа, то он находил время и место, чтобы принять их и помочь. Поэтому кавказцы помнят своего великого кудесника, имя которому было Гавриил Елизаров.

Еще 20 лет назад президент Италии Сандро Пертини принял в Квиринале (президентский дворец) известного советского ученого, профессора Гавриила Елизарова, руководителя научно-исследовательского института экспериментальной и клинической ортопедии и травматологии.

Многим итальянцам была оказана помощь в этом институте, — а ведь с точки зрения традиционной ортопедии, они были неизлечимы. Среди них были дети и взрослые с дефектами конечностей или те, кто имел особо тяжкие переломы и травмы.

В беседе с Елизаровым Пертини спросил его, почему профессор предпочитает работать в далекой Сибири, а не в столице. На это исследователь ответил, что новое не обязательно должно идти из центра. И действительно, в Италии первыми методы Елизарова применили врачи из города Лекко.

Елизаров помог Карло Маури, известному путешественнику, отважно пересекшему океан на борту знаменитых судов Тура Хейердала «Ра» и «Тигрис», Маури назвал советского ученого «Микеланджело ортопедии».

У Маури с рождения одна нога короче другой на четыре сантиметра. Двадцать лет назад во время одного альпинистского восхождения он разбил ступню ноги, и к этому добавился хронический остеомиелит.

Вернувшись в Италию, Маури рассказал врачам Лекко, его родного города, о методике советского профессора. Если бы не было конкретных доказательств — фотографий, рентгеновских снимков и самого факта выздоровления, ему бы не поверил никто, так как то, что он говорил, казалось прочитанным в научно-фантастическом романе.

Но профессор Елизаров делал в далеком сибирском городе Кургане действительно фантастические вещи. При помощи аппарата своей конструкции он мог удлинять конечности более чем на 5 сантиметров без хирургического вмешательства. Он устранял деформации и другие дефекты ног и рук, делая их такими, какими они должны были бы быть. Он заставлял расти кости, ткани, мышцы.

Метод, предложенный Елизаровым, в настоящее время применяют многочисленные медицинские специалисты как в России, так и за рубежом. Помощь получили больше 200 тысяч пациентов. Время выздоровления сократилось в два, а иногда даже в восемь раз.

Гавриил Елизаров

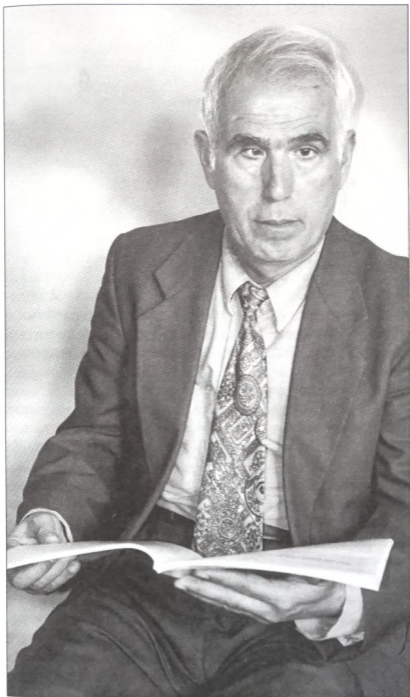
Доктор Соломон Исраилов — человек, который дарит семейное счастье

Международный журнал «Кто есть кто», издаваемый в Америке, назвал недавно имена 700 наиболее престижных ученых мира. Впервые этот список возглавил израильтянин кавказского происхождения, известный доктор в области медицины, врач, исследователь Соломон Исраилов

Красная Слобода (Куба) дала миру много талантливых людей. Это было во все времена и в дореволюционную эпоху, и уже в новую советскую эру. В прошлом Куба дала знаменитых горских раввинов, а в советский период знаменитых ученых и деятелей большого искусства. Примеры тому есть. Достаточно назвать два имени: светило медицины, академик Гавриил Елизаров и первый и последний Народный артист Союза ССР балетмейстер Танхо Исраилов.

К числу больших знаменитостей относится и доктор медицины Соломон Исраилов, тоже выходец из Кубы (Азербайджан), человек, чья биография и судьба могли бы стать острым сюжетом для большого и увлекательного романа

А его судьба, действительно, сложилась трагически: уже в девять лет остался без матери. В неполные 14 пошел на трудную физическую работу. Может быть, по причине того, что рано потерял мать, ему очень захотелось стать врачом. Его желание было настолько велико, что даже привередливая комиссия не сумела остановить одержимость этого горского парня. Правда, для воплощения своего желания ему пришлось сделать четыре попытки. Но судьба была немилостива к нему: уже потом, через годы, он попадет в отказники.

Соломон Израилев

Вот уже 15 лет, как Соломон Рувинович живет на новой еврейской родине. И не просто живет, но и двигает вперед науку. В нем, как и в молодые годы, живет азарт исследователя и экспериментатора, желание ученого познать истину в самой последней инстанции. Итак, доктор Соломон Исраилов

— Соломон Рувинович, вот мы вспомнили добрым словом вашего земляка из Кусары великого хирурга — ортопеда академика и лауреата ленинской премии Гавриила Елизарова. А, кто по специальности вы — хирург, специалист в области внутренних болезней, онколог?

— Я не хирург, не ортопед и не онколог. Я — уролог-сексолог, который занимается актуальными вопросами в области бесплодия и половых расстройств и связанными с этим хроническими воспалительными заболеваниями. Это одна из главных областей современной медицины, наряду с сердечно-сосудистыми заболеваниями и раком. С 90-го года и по сей день работаю в институте урологии при больнице «Белинсон» Тель-Авивского университета.

— С этим все ясно, но, как говорят, без прошлого нет настоящего. Поэтому давайте, прокрутим ленту вашей жизни немного назад, с тем, чтобы вернуть к тем временам, когда вы штурмовали Бакинский мединститут. Не прошли год, два, три... Что делали, чем занимались?

— Обыкновенной физической работой. Надо было зарабатывать на «хлеб». У меня не было богатого дяди, на которого я мог надеяться. Помимо самого себя, я еще должен был думать о своих сестрах. Кроме того, я был одержим своей мечтой: обязательно стать врачом. И меня не пугали ни какие житейские трудности, ни черные прогнозы злорадствующих насмешников, предрекавших мне очередной провал. Это было время страшных конкурсов. Парням из простого люда, наподобия меня, дорога в институт, тем более, медицинский, была заказана. Но у меня была сила воли: я решил во чтобы то ни стало, пробить эту стальную стену.

— И пробили?

В кругу семьи (семейный архив)

— Потом через несколько попыток да. Я должен был доказать прежде всего себе что я чего то стою. Пока же. зарабатывал на хлеб и готовился к новой попытке. Работал даже на рыболовецких судах. К счастью, начальник оказался добродушным человеком, позволял мне в свободное от работы время готовится к вступительным экзаменам.

— Соломон Рувинович, а с вами случались какие-нибудь курьезы в студенческие годы ?

— Случались и не только в студенческие времена. Вот один из них. Я — студент 4 курса. Сопровождаю в числе других однокашников знаменитого профессора. Идет традиционный обход больных. Он останавливается у кровати одной из больных, которая время несмотря на лечение, не идет на поправку. Диагноз ревматический полиартрит. Профессор в этом не сомневается, я возражаю ему. Говорю, что по всем признакам, у этой больной совсем не то, что он думает: у женщины бруцеллез. Профессор даже изменился в лице. «Возможно, молодой человек, возможно, — сказал он, похлопывая меня по плечу, — проверим». Лабораторные данные подтвердили мою правоту. С тех пор я вырос в глазах нашей профессуры и коллег-студентов.

— А, когда начались серьезные научные исследования?

— Это относится к 1969-1975 гг. После завершения учебы я был направлен на работу в один из городов Азербайджана — Хочмас. Работал в центральной больнице дермато-венерологом. Были различные разработки в области лечения мужского и женского бесплодия, а также простаты и половых расстройств. Один из моих методов лечения был в свое время официально утвержден кафедрой дерматовенерологии института усовершенствования врачей Азербайджана. В этот самый период я работал и над своей кандидатской диссертацией.

— А, как сложилась ваша дальнейшая судьба: вы стали знаменитостью местного значения или ваша докторская слава перешагнула границы Азербайджана?

— Насчет запредельной славы на то время сказать не могу, а вот в самом регионе на меня на самом деле обрушилась эта самая врачебная слава: появилось большое число больных, которые желали стать на очередь для лечения, я стал героем редакционных статей, очерков и репортажей.

— Все шло, как по маслу?

— О, нет. Там, где мед, там и мухи. По другому, там, где слава, там и черная зависть. Появились недоброжелатели, которые стали писать в различные ведомства свои грязные пасквилы. Но слава Богу, все закончилось благополучно.

— Соломон Рувинович, в каком медицинском учреждении до выезда в Израиль наиболее плодотворно проходила ваша деятельность, как врача и, как исследователя?

— Это медсанчасть номер 4 в г. Баку, где я работал главным специалистом. Здесь было широкое поле деятельности и для практической, и научной работы. Проблема бесплодия и лечение от него, а также вопросы, связанные с различными половыми расстройствами были очень актуальны не только для одного Баку, как отдельно взятого города, это было актуально и для всей Республики. Поэтому к нам в медсанчасть приезжали люди с самых разных уголков — из Кубы и Хочмаса, Дивичи и Худада. Работая, как врач-исследователь, я разработал свой метод лечения, связанный с хроническими воспалительными заболеваниями половых

органов. Он был успешно опробован в московском научно-исследовательском институте физиотерапии, в киевском научно-исследовательском институте урологии и в городском кожно-венерологическом диспансере города Баку.

— Случайно, какой-то другой ваш метод не получил международной прописки?

— Получилось так, что уже спустя какое-то время к новой методике местного лечения половых расстройств, предложенной мной, пришел и видный французский ученый Р. Верака. Как говорится, нет пророка в своем отечестве: уже после его исследований этот метод получил всемирную известность, хотя я открыл его еще в 1971 году, а Верака сделал это только 11 лет спустя.

— Вы целых 14 лет значились в отказниках: прошение на выезд было подано в 1975 году, а разрешение получили только в 1989 г. Ваш статус отказника официально зарегистрирован министерством иностранных дел Израиля. Что вообще повлияло на это, далеко не простое решение? Человек, делающий прекрасную карьеру, человек, у которого есть все возможности для занятия наукой, вдруг решается на такое?

— Несмотря на все плюсы моего положения, я прекрасно осознал, что рано или поздно предстоит отъезд. Далеко на горизонте уже был виден этот страшный девятый вал. И это случилось: массовый отъезд людей было лучшим тому доказательством. Но мой отъезд ускорил совсем безобидный эпизод.

— Ну, а сейчас, давайте, поговорим о вещах более приятных: о ваших публикациях и о ваших книгах. Что вами издано, и, что было опубликовано?

— Еще 20 лет назад подготовил объемную книгу в 420 страниц на азербайджанском языке «Психогигиена половой жизни», но, к сожалению, она тогда не увидела свет и не была издана. Ученый Совет Минздрава Республики отказал мне в праве издания. Основная причина — мое еврейство. А, вообще, у меня было опубликовано свыше 30 статей, есть семь рацпредложений, два патента на изобретение и ряд методических рекомендаций.

Ами Нив — обладатель «черного» пояса и создатель еврейского стиля рукопашного боя

Ами Нив — уроженец древнего и славного Дербента. Репатриировался в возрасте 7 лет. Это произошло в 1974 году. А дальше шло все по восходящей: служба в армии, учеба в престижной академии спорта «Вингейт», продолжение этой учебы в Лестерском университете в Великобритании. Специалист в области социологии и менеджмента, имеет вторую академическую степень. Ко всему сказанному, нужно добавить, что Ами Нив — был шестикратным чемпионом по рукопашному бою. В настоящее время имеет 8-й дан по израильской системе борьбы «Крав мага» и одновременно является создателем еврейского стиля рукопашного боя, известного сегодня в мире под названием «Айки». Отличный семьянин, имеет двух маленьких сыновей. Эта беседа с Ами Нивом проходила в канун знаменательного события — очередного всеизраильского съезда горских евреев.

— Ами, ваше имя в израильском обществе на слуху не первый день и даже не первый год... Вашим биографическим данным сегодня может позавидовать любой человек из любой общины. Это не комплимент. В связи с этим, может быть несколько провокационный вопрос: почему такое позднее зажигание при таком солидном багаже?

— Открою один простой секрет: я приехал в страну совсем маленьким мальчиком. Обстоятельства сложились так, что вся моя дальнейшая жизнь проходила в чисто израильской среде, хотя мама и близкие родственники находились всегда в тесном контакте с выходцами с Кавказа. Благодаря этому обстоятельству, я всегда располагал актуальной информацией о том, что происходит в общине горских евреев. Теперь на вопрос по поводу позднего зажигания, я,

Ами Нив (2-й ряд в центре) среди воспитанников

конечно, мог это сделать гораздо раньше. Но была учеба — и в Израиле, и за его пределами. Потом были служебные поездки и тоже зарубеж. Все это было и есть на очень серьезном уровне. Но сегодня мое положение несколько иное: учеба позади и не столь интенсивны зарубежные поездки. Но главная причина моего вхождения в этот спор, а лучше, в этот поединок за председательскую вакансию, бесхозность кавказской общины. Это происходит, к сожалению, не в самые лучшие дни: экономический и даже политический кризис в стране, нестабильность в сфере безопасности и многое другое, что не лучшим образом влияет и на жизнь выходцев с Кавказа. Я не говорю о том, что должны решиться в одночасье все материальные запросы земляков или ликвидировать разом все их проблемы. Нет, об этом речь не идет. Да и никто об этом не просит, хотя в определенных и экстремальных случаях и должно оказывать какую-то помощь. Сейчас и всегда, речь идет о моральном факторе: у горских евреев, по существу, нет адреса, куда они могли бы придти, хорошо зная, что их выслушают, посоветуют и подскажут, что делать и, как выйти из критической ситуации. Я думаю, что это мой звездный час. Очень хочу помочь своим землякам.

— Ами, давайте, мы чуточку помечтаем: допустим, что вам повезло, вам доверили судьбу горских евреев. С чего бы вы начали?

— Очень хороший вопрос. С чего бы я начал? Не секрет, что еще сегодня многие дети из семей горских евреев остаются за пределами школы. Это очень печальный факт. У них нет будущего и нет перспективы за исключением одной: подметать улицы. Надо всерьез заняться этим вопросом. Дальше. У горских евреев богатые традиции в искусстве. Не зря говорят, что ребенок в горской семье раньше выучивается танцевать, чем ходить. Наверно, выходцы из бывшего СССР хорошо помнят всемирно известный танцевальный ансамбль «Лезгинка» под руководством великого балетмейстера Танхо Израилова. Талантов в горской среде хватает. Надо все это объединить, заняться поиском этих одаренных людей. Думаю что это не потребует больших усилий. Есть одаренные певцы, есть драматические самородки. Само по себе напрашивается создание кавказской филармонии или хотя бы большого культурного центра. Это что касается и культуры, и искусства. Теперь об очень важном деле. Для действенной работы надо создать директорион с введением в его состав профессионалов, а точнее, хороших специалистов по отраслям. Дальше. Надо срочно укрепить Снифы, дать им самостоятельность, материальную, а еще больше моральную поддержку. Сегодня за исключением нескольких Снифов сколь-нибудь полезную работу никто не ведет.

— Ами, речь сегодня, по существу, идет о реанимации Объединения. Какие возможности, по вашему мнению, существуют еще?

— Хочу, чтобы меня правильно поняли. Я не кудесник, у которого есть волшебный бальзам и готовые рецепты от всех проблем. Возможностей великое множество. Наведение «мостов» одна из них. Сегодня существует немало общинных структур. Среди них — Конгресс бухарских евреев. Аналогичный Конгресс выходцев из Грузии, существуют множество различных землячеств. Со всеми надо поддерживать тесные контакты. Но подобные «мосты» необходимо прокладывать и за пределами Израиля.

Здесь я имею в виду международные еврейские организации и конечно, саму кавказскую диаспору. Еще много горских евреев живут на Северном Кавказе — Пятигорске, Дербенте, Махачкале. Живут они в Баку и в Кубе. Это прекрасный потенциал для сотрудничества.

— Ами, вы — боец, который всегда лицом к лицу встречается со своим соперником в трудных поединках. Вы всегда одерживали победы или вам ведомо и досадное чувство поражения? Что это для вас: трагедия или хороший «допинг» для того, чтобы собраться силами и взять реванш?

— Говорят, что дорогу осилит идущий, хотя я почти достиг вершин рукопашного боя и хотя я спортсмен со стажем, чувство волнения от мысли, что можешь проиграть кому-то вполне реально. И не надо никогда паниковать. Надо быть готовым к любому исходу.

— А вам доводилось встречать на своем веку сильных людей?

— Да, доводилось. И одним из них был покойный премьер Ицхак Рабин, с которым я был близко знаком и сохраняю теплое чувство к нему и по сей день.

Роман Гаврилов

Роман Гаврилов: человек и легенда

*Председателю Союза предпринимателей
Северного Кавказа,
Президенту концерна «Грис»*

Посольство Израиля и я лично выражаем Вам глубокую признательность за содействие и помощь, оказываемые Вами еврейским беженцам на Кавказе, а также за постоянное содействие сотрудникам посольства Государства Израиль, работающим в вашем регионе.

В благодарностью вспоминаю о моей поездке на Северный Кавказ и снова благодарю Вас, Роман Иммануилович, за оказанное Вами незабываемое гостеприимство.

С глубоким уважением,

*профессор Ализа Шенкар,
посол Государства Израиль
в Российской Федерации,
31 июля 1995 г.*

Феномен горского еврея Романа Гаврилова, который совсем недавно ушел из жизни в самом расцвете творческих и духовных сил, еще многие годы будет будоражить умы. Жизнь незаурядного человека во все времена — предмет острых дискуссий.

Еще несколько лет назад ему, сидящему в тюремной камере, и в голову не могло придти такое. Это было похоже на сон: он, горский еврей Роман Гаврилов, в Кремле, где ему в торжественной обстановке вручают награду России — орден «Золотого орла», за особые заслуги перед Отечеством. Церемония награды транслировалась чуть ли не на весь мир. В эти минуты Роман Иммануилович чувствовал себя самым счастливым человеком на земле.

Ему было и радостно, и больно. Радостно потому, что по совести и достоинству оценили его заслуги. А больно... Несколько лет назад его, молодого специалиста, обвини-

ли в хищении государственного имущества в особо крупных размерах. Процесс был нашумевшим на весь Северный Кавказ. Роману Гаврилову инкриминировалось хищение миллионов. А кончилось дело статьей о присвоении двух бутылок вина. Но это уже ничего не меняло: подсудимый провел в камерах предварительного заключения в общей сложности свыше двух лет.

В России орденов за красивые глаза не дают. Особенно в новой. Роман Гаврилов, как никто другой, заслужил эту награду. На пустыре, на мусорных свалках построил он целый город! И не за 20-30 лет, а всего за четыре года. Такой город вырос на окраине Пятигорска. Жилые корпуса и производственные цеха, коммерческий банк, автокомбинат, коттеджи и предприятия общественного питания, детский сад и магазины...

По-настоящему звезда Романа Гаврилова, делового человека и бизнесмена, обозначилась на стыке 89-90 годов. И началось все с кооперативного кафе «Турист», которое вскоре стало самой посещаемой «точкой общепита» на Ставрополье.

В далекие 50-е годы о переезде в Израиль не могло быть и речи. И родители Романа в поисках счастья переезжают в Пятигорск. Так Рома Гаврилов поменял дагестанскую прописку на лермонтовские края. На этой земле рос, мужал, а впоследствии обрел громкую славу бизнесмена.

Но не все было гладко в его стремительной и короткой жизни. Он был чрезмерно умен и чрезмерно дальновиден. И даже чуточку чрезмерно везуч. А ему вдруг вешали ярлыки «мафиози», «теневика», чуть ли не коррупционера. Он был прирожденным бизнесменом, но никогда в жизни не занимался куплей-продажей. Это было чуждо его характеру.

Не каждый человек может выстроить город на пустыре, не взяв из государственного кошелька ни копейки. Не каждый бизнесмен в нынешнее смутное время может дать работу и хлеб сразу трем тысячам человек. Роман Гаврилов не уволил ни одного человека. Каждый работающий у него зарабатывал прилично. Но зато и работали люди не за страх, а на совесть.

«Легендарный разведчик Мехти Гусейн был моим другом»

Для каждого человека место, где он родился и вырос, представляется особенным, самым-самым любимым. И даже если это маленькое местечко, оно сохраняется в памяти чем-то очень масштабным. Именно такой и осталась в памяти горского еврея Хаима Ильягуева Красная Слобода, расположенная на левом берегу реки Кудиялчай (Азербайджан), в двух шагах от знаменитого древнего селения Куба. История этих мест уходит в седую древность. Хаим Ильягуев и сам частица истории этого еврейского местечка, еще одна судьба человека, познавшего вкус трудного хлеба, радость творчества и тревогу долгих дорог.

Хаим Ильягуев

В Баку, учиться

Хаим хотел рисовать и не хотел ничего другого. Только рисовать. Он чувствовал, что у него это получается. И поэтому в нем, тринадцатилетнем подростке, жила мечта выучиться на художника. Все в округе знали мальчика Хаима, который прекрасно рисует, а портреты пишет быстро и с натуры. Это был Божий дар, и Хаим вовсе не собирался закапывать его в землю.

Семья Ильягуевых жила как все: есть хлеб — и слава Богу. Лишних денег не было. И Хаим просто постеснялся попросить у отца денег на поезд, хотя знал: отец человек добрый и очень любит сына. Скорее всего, и не отказал бы. Но что случилось, то случилось, без копейки в кармане Хаим сел на поезд, идущий в Баку, — он решил поехать учиться на художника. Неглупый парнишка догадался захватить с собой свои работы. Сметливость проявилась и в другом: он сдавал вступительные экзамены в художественное училище, а в перерывах между экзаменами умудрялся устраивать самые настоящие аукционы своих картин. И покупали! Он даже сумел таким образом скопить немного денег, которые дали ему возможность прокормиться.

В училище его приняли. У членов приемной комиссии не возникло сомнений в даровании паренька из Красной Слободы, и Хаим стал воспитанником одного из самых престижных учебных заведений.

Встреча с легендой

Жизнь непредсказуема. Жизнь конкретного человека в особенности. Пророки предпочитают предсказывать судьбы мира и государств, в крайнем случае, судьбы сильных мира сего. И кто скажет, кем станет твой сосед по парте через десять лет?

Товарищем по учебе у Хаима оказался тихий и умный мальчик, подающий надежды живописец Мехти Гусейн. Тот самый, который в годы войны станет разведчиком, человеком-легендой, получит посмертно звание Героя Советского Союза и о котором через много лет будет снят фильм «На дальних берегах». Но все это случится потом, а пока, в 1937-38 гг., они — Хаим и Мехти — сидят за одной партой и учатся рисовать, писать маслом, писать с натуры, бродят вместе по шумному и веселому городу Баку.

Хаим по натуре человек коммуникабельный. Может быть, именно поэтому сошелся с Мехти — парнем явно вдумчивым, философом по стилю мышления. Наверняка эта крепкая мужская кавказская дружба продолжалась бы долго, может, всю жизнь. Но судьба рисует свои картины, часто не считаясь с человеческими планами. Началась война. Мехти, кроме живописи, охотно учил иностранные языки. Это пристрастие и определило его дальнейшую судьбу: он стал разведчиком, работал в глубоком тылу врага. Но Хаим ничего не знал о своем друге. Узнал лишь после Победы, в основном, по разным газетным публикациям, а потом и по фильму, который сняли через много лет после сорок пятого.

Но ничего случайного в жизни, говорят, не бывает. И однажды в трудный день юношеская дружба с Мехти Гусейном здорово выручила Хаима. Дело было так. В послевоенные годы жилось нелегко, занятия живописью давали возможность прокормиться, но очень скудно. И Хаим стал заведующим магазином «Культтовары». Сам себя в шутку называл Фигаро. Хаим — завмаг, Хаим — учитель рисования в школе, Хаим — организатор аукционов по

продаже собственных картин. Фигаро — тут, Фигаро — там. Помним, в те годы всех работников торговли обыватель числил в жуликах. Кто-то из «правдолюбцев» «наступал», и проверять «нарушителя правил советской торговли» приехала авторитетная комиссия из республиканской торгинспекции. Ревизоры проверку начали с лобовой атаки. Докладывай сам, где у тебя «левый» товар, где «правый»? Хаим буквально оторопел, хотя всегда был человеком неробким. Понятно, он не был святым, жить надо, семья немаленькая. И кое-что из дефицита для постоянных клиентов придерживал.

Ревизоры старались. Проверяли с пристрастием. А Хаим вдруг как-то автоматически присел на стул и начал набрасывать карандашные портреты проверяющих. Глава комиссии минуту-другую наблюдал за ним. Потом подошел ближе и с нескрываемой грубостью, может, даже презрением, бросил:

— Ты что, художник?

— Да, — ответил Хаим.

— Где и когда учился?

— В Баку, в художественном училище, — по-солдатски отчеканил Хаим.

— Назови своих сокурсников, если помнишь, конечно, — чувствовалось, что глава комиссии совсем недавно получал зарплату не в торговом ведомстве.

— Помню, конечно, — сказал Хаим, — моим другом по училищу был Мехти Гусейн.

— Повтори еще раз это имя, — голос проверяющего вдруг потеплел.

— Мой друг Мехти Гусейн, Герой Советского Союза, мой бывший коллега, художник.

Начальника после этих слов словно подменили. Подошел совсем близко к Хаиму, посмотрел ему в глаза в упор, словно пытаясь разглядеть какое-то сходство с человеком-легендой. Потом крепко пожал Хаиму руку и велел своим подчиненным немедленно покинуть магазин.

— Я приеду за вами, — сказал он. — Мать Мехти жива, и она рада будет видеть вас.

Еврей из Шахдага: диалоги с Нострадамусом

Айдын Пинхасович Гуршумов — доктор физико-математических наук, уроженец Еврейской Слободы.

Он был преуспевающим физиком в различных научных центрах. И было множество публикаций в различных научных журналах.

Но в одну из февральских ночей 1998-го года в его жизни произошло событие, которое круто изменило его судьбу и жизнь, о том, что случилось в ту памятную ночь, о своей прошлой и сегодняшней жизни и еще о многих любопытных вещах, тесно связанных с его именем, — все это в беседе с Айдыном Гуршумовым.

— Айдын Пинхасович, так что же произошло в ту самую февральскую ночь 1998-го?

— А случилось невероятное. Я увидел сон. Во сне ангелы вручили мне «Ковчег». Скажу проще — талисман. Через несколько дней после этого, проснувшись однажды утром, я увидел на противоположной от кровати стене причудливое изображение двух старцев с бородами. Один из них смотрел прямо на меня и загадочно улыбался. С этого самого дня меня как будто подменили. Я сам не узнавал себя. Я, прожив 51 год, никогда раньше не интересовался, простите меня, ни Богом, ни священными книгами, ни Библией. А тут помимо моей воли на меня «нашло». Меня вдруг «потянуло» ко всему этому: к Библии и священным книгам, Нострадамусу и Ванге, Эдгару Кейси и Аль-Газали. Меня не просто «потянуло». Я стал беспрепятственно читать все это, как будто передо мной была обычная литература.

— Айдын Пинхасович, насколько я понимаю, у вас открылся особый дар, с помощью которого вы стали рас-

Айдын Гуришумов

шифровать закодированные тексты самого Нострадамуса?

— Во сне я получил «Ковчег». Это талисман, «ключ», с помощью которого можно прочитывать, то есть переводить с языка Эзопа на то, что в этих «Центуриях» («Пророчествах») Нострадамуса написано действительно. Ведь великий ясновидец специально, боясь инквизиции, зашифровывал свои тексты.

Давайте сейчас дадим пару стихотворных катренов великого Пророка всех времен и народностей и параллельно тексты ваших расшифровок. Как говорится, лучшее подтверждение всем словам и утверждениям — факты.

«Еще 500 лет не будут замечать его. Затем свершится открытие на один переворот» (Центурия, 3. Катрен 94)

Это Нострадамус. А вот расшифровка: «500 лет не будут понимать Библию, в 1998 году это понимание придет».

И опять Нострадамус: «Утренняя вещь, спрятанная на много веков, — обнаружена. Пастора будут почитать, как полубога» (Центурия, 1, катрен 25).

А вот расшифровка Айдына Гуршумова: «Будет найден код Библии».

А вот еще: «Восточный выйдет из своего места...» (Центурия, катрен 29)

«Физиком будет оставлен великий Король» (Центурия, 6, катрен 18)

И последняя цитата:

«Новое учение придет из Шахдага». В кодовой расшифровке Шахдаг — это Куба, не государство Фиделя Кастро Куба, а небольшой город в Азербайджане.

— Айдын Пинхасович, а есть ли какая-либо взаимосвязь между Библией и «Центуриями» (пророчествами) Мишеля Нострадамуса?

— Есть. И это тоже открытие. Расшифровывая великого Пророка, а до этого Библию, я с изумлением обнаружил, что и Библия, и «Пророчества» Нострадамуса «открываются» одним и тем же ключом, то есть одним и тем же кодом.

— О чем-нибудь это говорит?

— Конечно. Говорит о многом, а конкретно о том, что Нострадамус уже тогда владел кодом Библии и с его помощью зашифровал свои «Центурии».

— Айдын Пинхасович, давайте сейчас на короткое время опустимся на нашу «грешную» землю и немного поговорим о вас как об ученом-физике. В какой области этой науки вы работали до этого самого вашего божественного превращения и каких успехов достигли на этом поприще. Продолжаете ли вы заниматься физикой сегодня?

— Я — выпускник Азербайджанского педагогического института. Закончил физический факультет. В 1969-71 годы учительствовал в средней школе. С 1972 года начинается моя карьера как ученого. Это связано с работой в Институте неорганической и физической химии Академии наук Азербайджанской ССР, с лабораторией химии полупроводников. 23 года назад я пришел в родные «пенаты» — Азербайджанский педагогический, работал на кафедре «Электричество и оптика». В 1981 году защитил диссертацию на соискание ученой степени. В те годы я вплотную занимался изучением влияния элемента таллия и элементов V группы на физические свойства селенида олова. Начиная с середины 70-х годов почти все мои разработки изучались в Институте нефти и химии Академии наук Азербайджана и в других научных центрах России и мира. Мной опубликованы свыше 250 научных рефератов, статей и монографий, имеющих большое практическое применение в различных областях народного хозяйства. Теперь относительно моих занятий физикой на сегодняшний день. События, произошедшие со мной в февральскую ночь 1998 года, пока отодвинули на некий срок физику. Сейчас для меня приоритетными стали другие направления и другая деятельность.

Сказание о кавказском хлебе

Удивительная штука все же эта человеческая судьба... И как ни крути, как ни убегай от нее — обязательно достанет. Много всякой всячины успел повидать на своем молодом веку Эзра Абрамов — «кавказец» из знаменитой Еврейской Слободы. И уж никак не ожидал, что на новой родине с ним случится беда. Но так было, видимо, суждено. Работая на контейнерной площадке, он сорвался с высоты вместе с автокаром и потом долгих шесть месяцев провел на больничной койке, оказываясь иногда на опасной черте между жизнью и смертью. За его здоровье молились не только близкие, но и те, кому хоть раз в жизни довелось общаться с ним. И Эзра Абрамов выжил.

Дым отечества

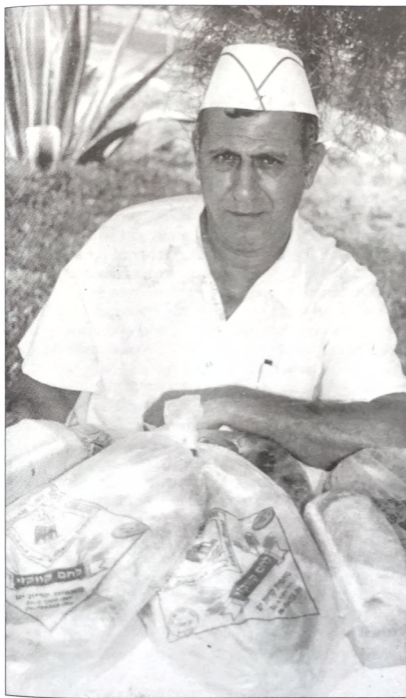
Кто не слышал о Еврейской Слободы, что в Азербайджане? Наверное, нет таких среди горских евреев — выходцев с Кавказа. Эзра Абрамов — уроженец этого местечка, которое с незапамятных времен привлекало к себе внимание летописцев и историков, учёных и политиков, просто путешественников. Эзра Абрамов хлебопеком стал не случайно. Хлебопечение в древнем поселении считалось элитным делом, серьезным ремеслом. Во все времена хороший хлебопек пользовался уважением и авторитетом не только среди земляков, но и во всей округе. Горские евреи испокон веков ели хлеб домашней выпечки. Танурный считался самым вкусным и самым кошерным. Любого ребенка в Еврейской Слободы видел, как пекут хлеб. Но Эзра не ограничился домашними познаниями, а продолжил свои хлебные университеты за пределами родного местечка. На один из хлебозаводов Баку он попадает по путевке

комсомола. Паренек из еврейской Слободы быстро сделал карьеру — из разнорабочих в мастера.

Уже сегодня, здесь, в Израиле, земляки, вспоминая о минувших днях, не без восхищения говорят о знаменитых кавказских лепешках, которые пекли в Еврейской Слободе. А Эзра Абрамов не говорил, он продолжил традицию на новой родине.

Пароль: «Лехем Кавкази»

В Кирьят-Яме горские евреи хорошо знают друг друга. Многие родом именно из Еврейской Слободы, а из Азербайджана почти все. И даже если не знаешь чьего-то адреса, найти человека нетрудно: все знают всех. А найти без адреса пекарню, или, как ее еще называют, мини-хлебозавод «Лехем Кавкази» и вовсе не составляет труда. Этот адрес знают наизусть все, даже жители многих других городов, специально приезжающих сюда за этими душистыми и необычайно красивыми чуреками. На мини-заводе работает только семья. Объем работы большой, нагрузки шахтерские. Все расписано до мелочей, у каждого члена семьи свои обязанности. Но, как говорили в бывшем СССР, все освоили смежные профессии. Здесь нет такого: это — твоя обязанность, это — моя. Полная взаимовыручка. Полное взаимопонимание. И до завидного благополучная атмосфера, теплый домашний климат. А главный диспетчер — сам Эзра Абрамов. Надо — поможет замесить тесто, надо — обслужит клиентов, надо — примет заказ. И времени у него в обрез. Даже на интервью. Нет, Боже сохрани отказать в беседе. Пожалуйста, только по ходу работы, «без отрыва от производства». Эзра, как и все «кавказцы», — гостеприимный человек, он немного даже смущается, что эта занятость не дает ему возможности посидеть с гостем, поговорить по душам. Но работа есть работа. Потерял минуту, «забуксовал», а там, на другом конце пекарни, глядишь, уже очередь собралась. Но Эзру это не смущает, повседневная картина: надо успевать.

Эзра Абрамов

У бога милосердия каникул не бывает

В Кирьят-Яме — городе массового проживания горских евреев — выходцев с Кавказа некоторое время назад состоялся особый праздник: община отмечала открытие новой кавказской синагоги. Праздник удался на славу. Это событие и послужило поводом для встречи и беседы с председателем общины горских евреев — выходцев с Кавказа Ашером Менашеровым, который не только причастен к этому торжеству и к этому уникальному празднику Дома Божова, но и ко многим другим замечательным делам, проводимым в последние годы в этом небольшом по своим географическим масштабам городе.

Этот человек, для которого нет чужих проблем и который моментально отзывается на чужую радость и чужое горе, считая своим долгом помочь, попавшим в беду людям. Это симпатичный лицом и душой «кавказец» очень откровенен и весь на виду у своих земляков, да и не только у них. Ашера в Кирьят-Яме знают все. И это имя стало как бы паролем и визитной карточкой, объединяя и делая друзьями в прошлом даже совсем не знакомых людей. Попав а Израиль в свои неполные 16 лет, Ашер Менашеров сполна прошел трудные «университеты» жизни, познав и вкус нелегкого «хлеба», и тяжелой работы. Он был из крепких людей. Трудности не сломили его, И Ашер мечтал о том дне, когда он сумеет помочь людям каких бы сторон жизни эта помощь не касалась. Он мечтал быть полезным и людям, и еврейскому Б-гу, к которому адресованы все его молитвы, и которому так верит. Разговор начистоту, разговор о сделанном и о том, что предстоит еще сделать, рдзговор о праздниках и о буднях.

— Ашер, во-первых, с праздником — днем открытия кавказской синагоги.

— Для «кавказцев» это, действительно, праздник, ибо такое событие случается далеко не каждый день.

Ашер Менаширов

— Дом Бога всегда связан с понятием милосердия. Если не секрет, на какие средства построен этот бейт-кнессет, кто принимал активное участие в этом богоугодном деле?

— Наверное, не надо напоминать о том, что горские евреи — выходцы с Кавказа — в большинстве своем многодетные семьи, где

на счету каждая копейка. И, тем не менее, когда мы обратились за помощью к своим землякам с просьбой оказать хотя бы минимальную материальную помощь для строительства кавказского бейт-кнессета, ни одна семья и ни один человек не остался в стороне: все внесли свою посильную лепту. И я, как председатель общины горских евреев, очень благодарен и признателен всем и каждому за это содействие и понимание.

— Говорят, ложка дорога к обеду, а высказанное слово — к месту. Пользуясь напоминанием об амуте, хочется попросить вас рассказать очень коротко о целях и задачах этой общественной организации...

— В Кирьят-Яме живет значительное число кавказских семей. Есть люди, приехавшие в страну в 70-е годы. Есть репатрианты 90-х, приехавшие уже совсем недавно. Возникла необходимость сохранить все лучшее — традиции культуры, искусства маленького этноса, развить их уже здесь, чтобы все эти прекрасные горские зажигательные танцы, именуемые одним коротким словом — лезгинка, могли бы стать достоянием всех израильтян.

Просто мама Мария

Имя самой молодой учительницы первой школы для горских евреев в столице Дагестана Махачкале Марии Ифраимовой никак не увековечено. Но лучшим памятником для человека во все времена остается добрая людская память. И такая память о прекрасном педагоге, о человеке с большой буквы, горской еврейке, в свои неполные 20 лет сотворившей чудо, давшей свет знаний сотням своих соплеменников, многие из которых по возрасту были ее ровесниками и даже старше, сохранилась по сей день. И не только там, где она родилась и выросла, но и на исторической родине, где сегодня живут многие из ее благодарных учеников.

16-летняя Мария Ифраимова мечтала совершить в жизни что-то необычное. У этой редкой красоты горской девушки было необычайно доброе, настоящее женское сердце и, вместе с тем, настоящий мужской характер и склад ума. Она была мягкой и принципиальной одновременно. Уже в таком юном возрасте Мария была главным

«политическим советником» семьи. И выбор будущей профессии ею был сделан без колебаний: только педагогика. Мария знала, что слишком много среди ее земляков, в том числе и молодых, людей, которые не способны вывести на бумаге даже свою собственную фамилию. Она задалась благородной целью исправить существующее положение, и события, произошедшие вскоре, как нельзя лучше благоприятствовали исполнению заветной мечты юной горянки.

Именно в это время в Москве состоялось первое всесоюзное совещание по вопросам культурного строительства среди горских евреев — первый в СССР форум подобного рода и столь важного значения. Главной целью этого совещания были быстрая ликвидация безграмотности, развитие культуры, а также подготовка высококвалифицированных специалистов в области образования среди горских евреев. О значимости этого форума свидетельствовал уже хотя бы тот факт, что в его работе принимала участие сама Надежда Константиновна Крупская.

Горские евреи в 30-х годах числились среди отсталых народов. Учитывая это и исходя из решений всесоюзного совещания, Центральный Совет национальных мень-

Среди учеников

шинств считал возможным дать льготы на образование молодежи из среды горских евреев. Проще говоря, речь шла о «лимите» в рамках которого в вузы зачисляли вне конкурса, надо было всего лишь не «завалить» экзамены. Мария Михайловна могла свободно поступить в любой педагогический вуз Москвы или Ленинграда, Ростова или Баку. Причем всем было ясно, что чем ближе к центру страны — тем и институт престижнее, и перспективы заманчивее. Но она была очень домашним человеком, слишком привязанным к родительскому очагу, к семье, особенно к отцу Хайвату — человеку, высоко ценившему в людях образованность и честность. Она выбрала учебу в древнем Дербенте, городе, который считался колыбелью культуры горских евреев. Педагогический рабфак и было как раз то, что ее больше всего устраивало: ускоренный и одновременно насыщенный курс обучения по обновленной программе, и совсем рядом с родительским домом.

Марусэ продолжала оставаться для своих учеников самой красивой, самой умной и самой лучшей учительницей. Ее мягкий, материнский характер особенно притягивал к себе детей-сирот, которые воспитывались у родственников или в детских домах. Одной из них была девочка по имени Ева, которая называла свою учительницу просто — мама Мария. Она очень хотела, как и мама Мария, стать учительницей, обучать детей. Но мечте девочки не суждено было сбыться. Ева погибла, вынося с поля боя раненого солдата. Ей было всего семнадцать. Она очень хотела стать образованной и часто повторяла: «Мама Мария, сделай меня зрячей», имея в виду совсем не оптическое зрение...

В годы войны школу закрыли. Педагоги-мужчины ушли добровольцами на фронт, в том числе и директор Зовлу Амиржуев, не доживший до Дня победы: он скончался от полученных ранений в одном из военных госпиталей незадолго до окончания войны. За несколько недель до окончания войны Мария перенесла еще одно большое горе: на ее имя пришла похоронка — смертью храбрых на подступах к Берлину погиб ее брат Иосиф.

В последние годы она работала не по специальности, была бригадиром-наставником на одном из престижных заводов Дагестана. И здесь она осталась верна себе: ее добросовестный труд был отмечен двумя высокими правительственными наградами — орденами Трудового Красного Знамени и Знак Почета.

Умерла Марусэ, как и жила, — на ходу, вся в делах и в заботах. Внезапно остановилось сердце. В Махачкале на новом еврейском кладбище на ее могиле высечены слова, которые вряд ли кого могут оставить равнодушным: «Твоя жизнь была для нас символом мужества, трудолюбия и милосердия. Твоя смерть оборвала в наших сердцах все струны радости и вселила в них вечную боль и вечное страдание». Но самым большим памятником для Марусэ остаются люди, которых она учила читать, писать, любить и жить, в чьих сердцах сама она останется жить навечно.

Рафик Агарунов

Рафик Агарунов: свой человек в Израиле

В нашей повседневной жизни есть вещи и поступки, которые даже сегодня, да и во все времена оценивались по самым высоким моральным критериям: все они не подвластны ни времени, ни переоценке ценностей. Они не оцениваются деньгами и весом золота. Это всегда нечто другое, вбирающее в себя такие особые понятия, как милосердие, долг, совесть. И к великой радости, даже в наш меркантильный век, когда уже давно канули в Лета романтика и дух рыцарства, есть люди, для которых долг, память милосердия и редкое чувство сострадания к ближнему, являются главными качествами их образа жизни. Один из таких людей — Рафик Агарунов

Полпред народной дипломатии

Так кто же этот самый Рафик Агарунов? Чем он знаменит, и чем он обязан этой любовью людей из кавказской общины? Это долгий и увлекательный рассказ, а, если коротко, он уроженец древнего, как мир Дербента. На родину предков приехал ровно 10 лет назад Из очень порядочного и благородного рода. В молодости увлекался музыкой и даже пел, но не на больших концертных площадках, а в узком кругу близких и друзей А всерьез на родине исхода он занимался довольно интересным делом: «выводил» разные сорта знаменитых дербентских вин в одном из именитых хозяйств — совхозе имени Карла Маркса. Но не только этим ограничивалась сфера его деятельности. Кроме выведения новых сортов вин, Рафик Агарунов одновременно занимался и коммерческой деятельностью: развозил эти самые вина по

всему Союзу. И, наверно, не каждый ученый-географ и путешественник исколесил бывший Союз вдоль и поперек, как это довелось сделать дербентскому предпринимателю.

Гражданин фронтового города

И вот ровно 10 лет, как Рафик Агарунов живет в Израиле. И не просто в Израиле, а в самой его горячей точке — прифронтовом Сдероте. Сегодня, да еще и 30 лет назад, с начала первой алии, этот город является местом компактного проживания горских евреев. За эти годы здесь родилось новое поколение израильтян кавказского происхождения. Известно, что абсорция это трудный экзамен в жизни. Экзамен на выживание. И горские евреи, как и представители и других общин, выдержали его с че-

Рафик Агарунов с дочерью Джульеттой в кругу близких

стью. В них всегда жила надежда и желание занять достойное место в израильском обществе. С первого дня своего приезда, Рафик понял, что без вхождения во власть, нельзя говорить о какой-либо интеграции. И об этом он многократно и без устали говорил на всех общинных встречах и мероприятиях, агитировал молодежь, помогал становлению горской общины. Он это делал не для себя, а во имя людей.

Рафик мог войти во власть давно: коммуникабелен от природы, быстро освоил иврит, деловых качеств не занимать. И хотя народ не раз просил его войти в эту самую политику, чтобы войти во власть, он категорически раз за разом отвергал это заманчивое предложение. Он всегда повторял и повторяет это и сегодня: я буду помогать со стороны.

И все понимают, почему Рафик Агарунов поступает именно так. Понимают, потому что знают, что при желании он давно бы мог войти во власть, но длительные по сроку деловые поездки за рубеж, не оставляет ему шансов заняться политикой вплотную. Поэтому Рафик помогает другим, не менее стоящим ребятам из кавказской общины. И первым в этом списке значится Анатолий Нахшунов — тоже уроженец Дербента, по большому счету — лидер номер один. Некоторое время назад, Рафик стал собирать вокруг него команду таких же деловых и перспективных ребят. У этой задумки была своя цель: единым фронтом пойти на муниципальные выборы. Задумка удалась: ныне Анатолий Нахшунов значится новым заместителем мэра этого самого фронтового города Сдерот. А это значит, что у репатриантов с Кавказа есть теперь свой полномочный представитель в городском совете.

Люби ближнего, как самого себя

Как умный и дальновидный человек Рафик Агарунов понимает, что быть во власти хорошо, но этого мало для

достижения главного: интеграции горских евреев в израильское общество. Как говорит сам Рафик — для этого нужно, как минимум еще и единство в самой общине. Вот почему его девизом было и на сегодня остается короткое, но очень емкое по смыслу слово — объединение. Правда, порой это слово у некоторых соплеменников вызывает раздражение: «Разве мы говорим на разных языках? Разве мы не зваем друг друга? К великому сожалению, — говорит Рафик, — не все наши люди правильно толкуют это слово. Объединение — вовсе не означает какое-то горское общинное «гетто». У некоторых репатриантов глубоко засел в голове местечковый «патриотизм». Мы все любим и Кубу, и Дербент, и Варташен. Это наша история, наша летопись. И мы должны гордиться этим, а не унижать ничье достоинство, тем более, когда речь идет о целых регионах. Мы не должны думать о местечковых амбициях, — говорит гражданин «фронтового» города Сдерот Рафик Агарунов. — Мы должны думать о нашем будущем. А наше будущее — это молодежь. Вот о чем надо думать».

Рафик Агарунов — человек-интеллектуал. И не важно, что он по профессии не историк, не литератор, он просто самородок, который много умеет и много знает. И очень силен он и в части истории горских евреев: может на равных поспорить с любым из ученых мужей.

«У нас, у горских евреев, — не устают повторять Рафик, — очень богатая и уникальная история». И не случайно при каждом удобном случае, он напоминает о необходимости создания культурного центра и музея кавказских евреев. Такой центр и такой музей, — по мнению Агарунова, очень необходим, в первую очередь, для того, чтобы молодое поколение знало свои корни. Все это необходимо и для будущих поколений израильтян кавказского происхождения.

Сегодня, как принято говорить, Рафик Агарунов по делам службы продолжает бывать в самых различных уголках бывшего СССР, да и не только там. Он бывает и в другом дальнем зарубежье, где ныне проживают гор-

ские евреи, ставшие волей судьбы гражданами планеты всей. И где бы он ни бывал, Рафик старается войти в контакт, старается узнать о жизни собратьев, налаживает мосты дружбы и партнерства. «Так получилось, — размышляет он, — что судьба раскидала нас по всему миру. Но, несмотря на это, мы должны быть на связи, быть в курсе общинной жизни чувствовать локоть друг друга».

Эти рукотворные мосты дружбы и братства Рафик прокладывает давно. Вот уже 10 лет, как он прокладывает их, живя на еврейской родине. Особенно теплые отношения у него сложились с московской диаспорой горских евреев, где значится на сегодня немало элитных и масштабных людей. Он очень надеется, что с вхождением во власть его соратника и сородича из Дербента Анатолия Нахшунова эти самые общинные связи Сдерота и Москвы станут прочными, как никогда раньше.

Но пока же Рафик по мере своих сил и возможностей помогает горской общине «фронтového» города Сдерот. Чего греха таить, здесь много людей, у которых, как говорят, проблема сидит на проблеме. И эти люди, конечно же обращаются за помощью к своему «палочке-выручалочке» Рафику. И мало, кто знает, каких усилий эта помощь стоит ему, которому приходится нередко воевать с чиновничьим неравнодушием и беззастенчивым обманом. Но жизнь продолжается. И несмотря на множество собственных дел — порой самых горячих и неотложных — этот милосердный кавказец бросает все и идет на первый зов о помощи, на зов беды. Были случаи, когда в силу каких-то обстоятельств могла разрушиться чья-то семья, надо было спасать детей, семейный уют, принести мир и согласие в дом, где царил вражда. Говорят, что приходили сюда даже выдавшие виды раввины и люди, умудренные житейским опытом. Но все уходило, так и не сумев помочь. Рафику Агарунову это удавалось и удается, хотя он и не из раввинского сословия, а просто человек с особым даром милосердия.

Джульетта Агарунова: наедине с песней

Она не вошла, она в буквальном смысле, ворвалась в израильскую эстраду. И, естественно, привнесла в нее новую и свежую струю, приятно удивив всех необычайной манерой исполнения и сочностью голоса. О Джульетте Агаруновой сегодня говорят, как о восходящей звезде. Говорят не только специалисты и настоящие ценители музыки и песенного творчества. Говорят и те, кто хорошо знаком с песенной классикой и видели, и слышали на своем веку многих талантливых исполнителей.

Девочка, которая поет

Сегодня Джульетте ровно семнадцать. Но петь она начала не сегодня и даже не вчера. Петь она начала в одиннадцать. Это было в памятном и приятном для всех близких и родных 1993 году. Для всех, кроме папы — Рафазля Агарунова, который очень хотел видеть дочь преуспевающей на педагогическом или медицинском поприще. Тогда все думали, что это нечто временное, вроде хобби, увлечение не более того. Но, увы! Росла девочка, а увлечение не проходило.

Наоборот, оно укреплялось, набирало обороты: песня по настоящему вкралась в душу и сердце юной певицы. А когда папа Рафаль понял, что все это серьезно и, что это вовсе не хобби, настоящее призвание, он отступил и не стал перечить дочери. Он стал ее единомышленником и в каком-то смысле, ее продюсером. А еще и первым слушателем, и первым критиком и советчиком. И это никого не удивляло. Как и многие восточные люди и уроженец древнего Дербента, отец девочки понимал толк в песне, да и сам блистал на дружественных вечеринках, частенько ис-

полняя на них популярные современные и старинные песни. А, вообще, в роду Агаруновых настоящих профессиональных певцов не было: ни по мужской, ни по женской линии. И вот Джульетта впервые задумала изменить эту «несправедливость». Она будет профессиональной певицей. И не просто исполнительницей средней руки, а той, кто удивит публику особым даром песенного мастерства.

И звезда с звездой говорит

Восхождение к песне продолжалось. И вот наступил самый плодотворный год в жизни юной певицы. Это 2003 год. Вышел ее первый большой диск, куда вошли одиннадцать самых популярных песен на иврите. Это современные эстрадные классика. Это совершенно новые, еще никем не опробованные произведения Джульетта Агару-

нова исполняет их впервые. Достоинством нового альбома является, конечно, безупречное пение, в котором явно просматривается высокий класс и оригинальность исполнения. И надо, наверно, говорить о виртуозности и певческой неповторимости этого самородка. О божественном таланте юной певицы говорит многое. И, как прекрасная иллюстрация к этому, доверительное отношение к ней ведущих композиторов Израиля, таких, как Еси Кисман, Шмуэль Эльбаз, Давид Дигман, Шимон Бускила, Цвика Пик, чьи песни в исполнении Джульетты и были представлены на строгий суд любителей музыки и вокального творчества. О хорошей книге, которая пользуется повышенным читательским спросом, принято говорить, как о бестселлере. Тоже самое можно без преувеличения сказать и о песенном альбоме Джульетты Агаруновой, тоже ставшей своего рода бестселлером.

Да, действительно, 2003-й год стал для молодой и восходящей звезды воистину счастливым годом. Выход альбома сопровождался специальным приглашением в Москву, в Сокольники, где она приняла участие в большом концерте звезд российской эстрады. И опять небывалый успех и опять признание и востребованность таланта.

Лауреат песни года

Нет, что ни говори, известность что-то наподобие снежного кома: нагрянет — и будь здоров. Но юная певица не дрогнула под тяжестью обрушившейся на ее хрупкие плечи славы: она спокойно выдержала это «испытание». «Коли бахурим» в ее исполнении признана лучшей песней 2003 года. Об этом она узнала совсем недавно, когда были подведены итоги песенного смотра. Теперь клип с записью этой песни в исполнении Джульетты по нескольку раз в день можно увидеть на многочисленных каналах израильского телевидения.

Сегодня юная певица очень увлеченно работает над выпуском своего второго песенного альбома. И здесь слово ув-

леченно не красное словцо. Эта увлеченность, связанная не только с пением, но и с сочинительством. Сочинительством особого рода: Джульетта с некоторых пор сама стала писать музыку. И не только музыку, но и тексты для собственных песен, совмещая таким образом работу композитора и поэта. Она работает, в основном, в жанре «мизрахи». Это счастливое сочетание в себе музыки и поэтического дара, позволяет ей работать раскованно и со вкусом. И мелодию, и текст, она, что называется, подбирает под себя, под свои вокальные и голосовые возможности. Это позволяет ей импровизировать искать и находить то, что может понравиться истинным знатокам и ценителям эстрадного искусства. Молодая певица находится в постоянном творческом поиске И самое любопытное в том, что она не хочет никаких повторов ни в мелодиях, ни в словах. Ее новое амплуа — написание музыки и песенных текстов уже получили отличные отзывы в стане известных музыкантов и поэтов.

Проснись... и пой

Порой говорят, что прогнозы — самое неблагодарное дело. Это, наверно, больше адресовано метеорологам. Ошибки не исключены. Творчество — нечто другое. Здесь ошибиться практически невозможно: талант он и есть талант: весь на виду. Каждый должен заниматься тем, что умеет делать хорошо. Может вполне осмысленно, а может просто интуитивно, Джульетта Агарунова еще с детских лет прекрасно осознала, что ее величество Песня и есть дело всей ее жизни. Сегодня она очень скрупулезно работает над своим репертуаром, стараясь идти в ногу со временем, удачно совмещая романтическое «вчера» и актуальное завтра. Вот почему ее песенное творчество вызывает неослабный интерес со стороны самых различных каналов израильского телевидения, включая «33», «24».

Но не только телевидение интересуется песенным творчеством одаренной певицы. Особый интерес к ее выступлениям стали проявлять продюсерские компании по

организации концертов в Турции и во Франции и даже в США.

Есть уже договоренности на гастроли, которые состоятся в ближайшее время.

Альбомы, концерты, написание музыки к собственным стихам — все это отнимает у восходящей звезды уйму времени. Порой ей не хватает часов в сутках. Вот такой напряженной творческой жизнью живет Джульетта — дочь известного в кавказской общине Израиля и диаспоры Рафаэля Агарунова.

Сегодня она удачно совмещает творчество с учебой в школе для особо одаренных детей «Амкорт». На ее счету уже 30 новых песен, которые она готовит для песенного альбома. Все это Джульетта хочет записать в ближайшее время. А кроме песен она увлекается современными и народными танцами. У нее хватает время и на изучение языков, дело к которому она относится очень серьезно: хорошо говорит на английском, выучила испанский. Само собой разумеется, отлично владеет ивритом. Она уже поет на многих языках народов мира. А впереди новые и новые гастроли: в далекой Америке и в городах России, в первую очередь, в Москве. Ждут ее Франция и Турция.

Не так давно у Джульетты появился маленький братик. В гостеприимный и хлебосольный дом Агаруновых приехали друзья, родные, близкие. Повод весьма и весьма серьезный. Появление мальчика в доме по древней еврейской традиции — всегда праздник. И просматривая в тесном кругу видеоклип Джульетты, кто-то по дружески сказал ей: «Еще чуть-чуть и ты можешь стать, как наша Сарит Хаддат». Джульетта удивленно повела бровями и спокойно ответила: «А я не хочу быть никем, кроме самой себя».

Ведь это так важно, ибо каждый человек должен прожить свою жизнь и спеть свою песню. В этом видит свое призвание и назначение молодая певица с божьим даром Джульетта Агарунова, которая мечтает покорить всех поклонников песни на нашем маленьком континенте по имени Земля.

Сергей Изгияев: поэт, не знающий забвения

Не так давно в Израиле кавказская община отмечала его 80-летие. В это, конечно, трудно поверить: Сергей Изгияев и в жизни, и в своих стихах, всегда был молодым. Но время неумолимо, хотя поэты и не имеют возраста.

Он был солдатом Великой Отечественной, как и тысячи его юных сверстников, мужественно сражался с фашистской нечистью. Сергею повезло: из того ада он вернулся живым. Уже после войны закончил высшую партийную школу. Одно время работал в республиканской

газете горских евреев «Захметкеш». Это было до войны. Но где бы он не работал, как бы сильно ни был занят, Сергей Давыдович никогда не забывал о творчестве, о стихах. А работал он на ответственных должностях: был заведующим отдела культуры дербентского горисполкома, или, как бы сказали сегодня муниципалитета.

Но пробил и его звездный час: земляки избрали его председателем еврейского колхоза «Луч». Эта была ответственная и серьезная работа, связанная с судьбами многих и многих людей, с ежедневными проблемами самого хозяйства. Работа отнимала уйму времени. Было много служебных командировок, выездных заседаний и много другого. И тем не менее, Сергей умудрялся частенько с рассветом появляться на виноградных плантациях, чтобы своими глазами увидеть все ли в порядке на рабочих местах. А еще он умудрялся находить время, чтобы писать стихи. Не писать, а записывать, потому что писал он их уже в голове. Но не только стихами жил этот незаурядный человек. Колхоз существовал много лет, но никому из прежних руководителей и в голову не пришло создать здесь межколхозный театр горских евреев. А Сергей Давыдович его создал. Театр пользовался всенародной любовью. Об этом свидетельствовали многочисленные гастролы его коллектива по городам и столицам Республик Северного Кавказа. Сергей Изгияев был талантливым поэтом. Но его перу принадлежат и многочисленные пьесы и повести. Среди них повесть о знаменитом танкисте Александре Мордахаеве, который свою пылающую машину направил на вражескую колону. Он был плодотворным поэтом. Его стихи печатались на страницах всесоюзного журнала «Дружба народов», в литературном альманахе «Советский Дагестан», а также в различных журналах и альманахах на языках народностей Дагестана. Отдельными тиражами выходили его поэтические книги: «Думы поэта», «Разговор с сердцем» и др. Сергей Изгияев был и прекрасным переводчиком: перевел на горско-еврейский язык стихотворный цикл Расула Гамзатова «Высокие звезды». Он был членом союза писателей Дагестана.

Юра Рахамимов: хлебосольный кавказец с улицы Седова

Не думаю, чтобы в Махачкале среди горских евреев нашелся человек, который бы не знал, или хотя бы не слышал о Юре Рахамимове. Он был очень приветливым и коммуникабельным. С ним невозможно было так просто пройти по улице: обязательно встречались друзья, знакомые, какие-то другие люди, которые старались не упустить счастливого случая пожать ему руку, поговорить о том, о сем., и, конечно, пригласить на застолье.

— Ну, Юра с тобой хорошо только на праздничные демонстрации ходить, — шутили порой ребята, — выходной и торопиться никуда не надо. Или эту прогулочку надо совершать в самый дождливый день, когда на улице безлюдно: есть гарантия, что быстро дойдешь до назначенного места.

Это была, конечно, шутка. Ребята тоже понимали, что все эти остановки и рукопожатия, ничто иное, как горячее желание людей выразить к нему, к Юре свое личное уважение. Это был деловой, добродушный и очень щедрый на руку человек. К нему за помощью обращались и раввины, и люди науки, и еще много-много других людей. Обращались потому что знали, что Юра никогда не откажет: не такой он человек. И Юра не отказывал. Это была не показуха. Ему это милосердие было присуще от природы, от рождения.

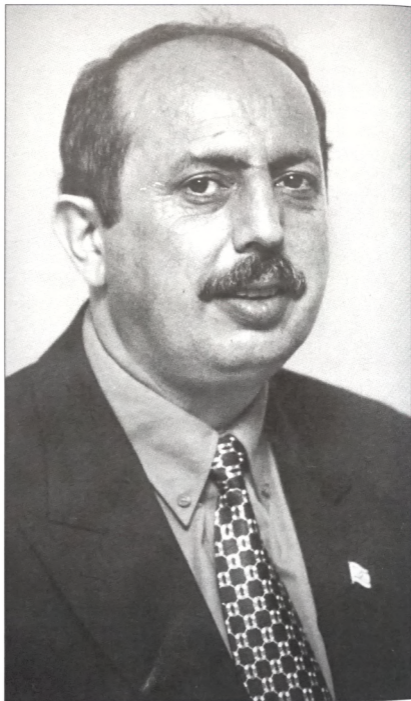
В дагестанском отделении российской Академии наук долгие годы работала, да и сейчас, наверно, работает доктор истории Галина Мусаханова. Она — автор многих книг и научных исследований, которые посвящены различным аспектам общины горских евреев. 1991-й год — год распада СССР, ознаменовался экономическим кризисом во всех областях. Этот кризис коснулся и науки тоже. Где-то в начале 1993 года должна была выйти в свет книга-монография Галины Мусахановой «Татская литература». Средств на это издание у родной академии не оказалось. У доктора наук их и вовсе не было. На помощь своей землячке тогда пришел Юра Рахамимов, который и спонсировал издание книги. В то время он уже был генеральным директором художественно-промышленной фирмы «Орнамент». Это был период, когда другие предприятия переживали экономический кризис: не было сырья, распались прежние региональные деловые связи. А Юра Рахамимов, наоборот, расширял производство, создавал новые рабочие места. До этого он работал в самых различных местах и на разных должностях. Работал в системе заготовок, в системе общественного питания. Но, где бы он ни работал, был всегда беспощадно требователен к себе и к подчиненным. Но при этом, никогда не утрачивал человеческой доброты и никогда не унижал ничьего достоинства. И очень часто он жалел других. Но мало кто знал, что у него было безнадежно большое сердце. Он скрывал это от всех, даже от близких, потому что не хотел никого огорчать. А еще его мучил цирроз.

В кругу семьи

У него было мало свободного времени на досуг, на отдых и прочие дела. Он жил, как солдат на марше: старался и серые будни превращать в праздники. Этот праздник исходил от него самого. Мне как-то довелось на одном семейном торжестве услышать пару популярных песен в его исполнении. Он пел, как настоящий артист, владеющий всеми тайнами вокала. Неисповедимы пути Господни: не посвяти он свою жизнь другим делам, из него, наверно, мог бы получиться прекрасный артист.

Прошло уже несколько лет, как не стало Юры. Он любил совершать мицву. Совершал ее, когда помогал еврейской синагоге в Махачкале. Совершал эту мицву, когда помог издать книгу о литературе горских евреев. Эту мицву он совершил бесчисленное количество раз. Вот почему и жива память о нем, как о добродетельном и порядочном человеке, успевшем выполнить все еврейские заповеди.

Cumşa Ecunov

Мэр вашему дому: Симха Есипов — первый из горских, «взявший» муниципалитет

Прошло много недель и много месяцев с той памятной поры, когда шли ожесточенные баталии различных влиятельных претендентов за престижные кресла мэров в израильских городах. В том необычном марафоне очень ярко и емко определились и лидеры, к которым избиратели, то есть народ, отнеслись с особым уважением и симпатией. Одним из таких, кто удостоился подобной награды, и впервые за всю историю еврейского государства стал мэром, был кавказец Симха Есипов

Симха Есипов — ватик. В Израиль приехал еще в 70-е годы. Уроженец древнего Дербента. Женат. Отец троих сыновей: двое из которых уже отслужили в армии Обороны Израиля. До вхождения во власть в качестве лидера, целых 18 лет был заместителем мэра города Ор-Акивы. Член ЦК партии «Ликуд».

«Свой» среди чужих — «чужой» среди своих

Я много думал о феномене Симхи Есипова. Много анализировал. И сделал благодаря этому, одно важное для себя открытие. А размышлял я над тактикой его работы с людьми и над секретом его успеха на этом тяжелейшем участке работы, чем-то схожей с фронтом: сотни людей, сотни просьб, сотни жалоб, обид и даже недовольств на какие-то третьи структуры. Секрет оказался простым: Симха — интернационалист. Для него на работе, связанной с большими и маленькими проблемами, болями и обидами, житейскими невзгодами нет родичей

знакомых, «кунаков» и просто близких. Для него на работе все равны — и земляк из Дербента, и сабра из Морокко, и «ашкенази» из Одессы. Он свой для всех. В маленькой Ор-Акиве его знает и стар, и млад. Здесь очень много репатриантов — кто-то приехал в 70-е годы, а кто-то значительно позже — уже в девяностые. А сам Симха здесь уже без малого тридцать — хорошо знает и ватиков, и сабров: многие выросли у него на глазах. Он чувствует себя ответственным за каждого. И очень хочет, чтобы жители его родного города жили без проблем. А проблемы все-таки есть: это кислород жизни — работа. В маленькой Ор-Акиве великое множество многодетных семей. А когда нет работы — это настоящая катастрофа. Вот почему Симха так много заботится о создании новых рабочих мест, ведет постоянные переговоры с руководством и хозяевами уже действующих и строящихся промпредприятий.

Во главе демонстрации

Этой заботой о людях своего города Симха Есипов одержим не первый год. Еще несколько лет назад телезрителям всего Израиля запомнились незабываемые кадры одной памятной демонстрации протеста во главе которой шел первый заместитель мэра. Этим человеком, возглавившим тогда колонну протестующих людей, был Симха Есипов. Это тот человек, который каждый свой поступок обдумывает и прокручивает в голове не один раз. Но он не из трусливых: законное чувство справедливости, заставляет его порой принимать смелые решения., порой не совсем стыкующихся с традиционными понятиями некоторых заскорузлых чиновников, которые думают только о своем кресле. А вышел он тогда на демонстрацию вот по какой причине: у муниципалитета был договор с хозяевами новых предприятий на гарантированное число рабочих мест. Но, когда предприятия вошли в строй действующих, предприниматели забыли о договоре... и отказа-

лись от своих обещаний. Вот тогда Симха пошел на этот отчаянный, но очень справедливый шаг.

Чего хочет Симха, того хочет сам Бог

Симха Есипов достоин быть записанным в Книгу рекордов Гиннеса не только потому что целых 18 лет был неизменным Первым замом в муниципалитете родного города. Но он еще умудрился стать волшебником: удерживать в одной руке два арбуза. Причем, одновременно. Арбузы, конечно, не настоящие, а чисто символические. Здесь хочется напомнить о том, что работая на ответственной должности в Ирие Ор-Акивы, Симха параллельно возглавлял и всеизраильское объединение горских евреев — выходцев с Кавказа «Итахдут олей Кавказ», где проблем было целое море. Это была работа на общественных началах, где кроме головной боли и нервотрепки ничего другого не было. А честно сказать, до Симхи работа здесь велась от случая к случаю, не торопясь, без особой энергии и огонька. Было время, когда эта работа вообще была приостановлена. Надо было реанимировать деятельность кавказского объединения. И к чести Симхи, это ему удалось. Были созданы новые Снифы — подразделения на местах, поданы новые проекты по работе с общиной в центральный аппарат министерства абсорции. Одним словом, началась большая и полезная работа. Результаты не замедлились сказаться: удалось добиться самой существенной льготы для молодых людей из горских, желающих получить бесплатное академическое образование. Сразу же возросло число студентов из горских ребят. Регулярными стали общинные вечера. Другими словами, появился адрес, куда могли придти земляки из Махачкалы и Дербента, Нальчика и Грозного. А еще появилась надежда. Многие люди стали получать и материальную, и моральную помощь. Укрепилась и материальная база самих сنيفов. Все это бесспорно связано с именем Симхи Есипова — первого мэра из кавказских.

Роман Бадалов

Роман Бадалов: доктор кавказоведения в журналистской мантии

— Роман, вот уже несколько лет, как вы живете здесь, на исторической родине. Мотивы приезда у всех разные: кто спасается от страшно криминальной обстановки, кто — по экономическим соображениям, у кого-то здесь давно проживают родственники, а кто-то делает ссылку на детей. Конечно, есть категория людей, чья репатриация связана с чисто патриотическими чувствами. Простите за откровенность: а что привело сюда вас — известного журналиста, работавшего многие годы репортером Москвы по Северному Кавказу, человека (будем так говорить) всегда имевшего «хлебную карточку», имевшего какую-то власть и никем не гонимого?

— Все правильно. Я родился и вырос в северокавказском регионе, на земле, где не одно столетие проживали мои соплеменники — кавказские евреи. И «хлебная карточка» была. То есть круг моих знакомств среди влиятельных людей был настолько широк, что я всегда мог достать что угодно и где угодно. Такое не всем было доступно. И, боже сохрани, меня никто не гнал. Ни разу никто не бросил мне в лицо оскорбительное «еврей», даже тогда, когда жизнь и события в последнее время повернулись на все 360 градусов. Да, у меня было все для безбедной жизни. Но не хлебом единым жив человек. Есть и другие ценности. Есть необъяснимое чувство причастности к чему-то сокровенному. Я родился евреем. Меня вскормила еврейская мать. Трудно жить там, где нет своих. Каждая птица любит свою стаю.

— Понятно, что там вы были журналистом, собственным корреспондентом, наделенным какой-то властью Центра. Но все это было хорошо в «золотые» времена. В эпоху Брежнева, скажем. А вот неожиданно, вдруг все по-

менялось: другой стала страна, подули другие ветры. Красная книжечка перестала быть своеобразным бронежилетом. Как работалось в этих условиях, особенно если учесть горячий северокавказский регион?

— Красная книжечка, действительно, перестала быть бронежилетом. Случаи гибели братьев по перу стали нередкими. Трудно объяснить, но за все негативное, что происходило вокруг, люди, как правило, обвиняли журналистов. Где-то перебои с хлебом — виновата наша братия. Где-то плохо работает милиция — то же самое. Журналисты, как это ни странно, были взяты на мушку. Никто не был застрахован от любых неприятностей. Приходилось взвешивать каждое слово, в меру умерять свой «пыл», правильно, без эмоций подавать и маленькую информацию, и большую аналитическую статью. Уж больно горячий регион — Северный Кавказ, чтобы позволить себе играть словами, строить материал на эмоциях, не подумав о последствиях.

— Насколько мне известно, читающей публике вы впервые предстали не как репортер, а как поэт. Стране Пегаса вы служите давно. Первая публикация и последняя книга стихов в стране исхода?

— Первые стихотворные опыты относятся еще к 60-м годам. Появились первые подборки на страницах мест-

Дочери Марина и Галя (из семейного альбома)

В кругу семьи

ной периодической печати. Чуть позже первые мои стихи увидели свет в коллективном поэтическом сборнике «Счастье трудных дорог». Мой последний сборник стихов в стране исхода — книга «Иду на огонь», тепло встреченная читательской аудиторией.

— Вы — человек интеллигентный, мягкий, очень коммуникабельный. И тем не менее, ходили разговоры, что вас там побаивались. Это правда или на уровне слухов?

— Дыма без огня не бывает. Это не секрет: корреспондентов и стоматологов почему-то всегда побаиваются все. Другой раз зуб болит до такой степени, что хоть на стенку лезь. А пойти и сесть в кресло в «зубнику» боязно. А репортер в понятии многих — это тоже что-то опасное: кто знает, чем все может обернуться. Не каждому хочется, чтоб о нем говорили по секрету всему свету.

— Роман, близкие люди в стране исхода в шутку называли вас Дон Кихотом. Образ странствующего рыцаря, вечно воюющего с ветряными мельницами. Что общего?

— Образно говоря, журналист-репортер — это тоже странствующий рыцарь. Но только он странствует не по своей воле и воюет отнюдь не с ветряными мельницами.

— Вы — верующий человек?

— Я много знал и знаю людей и там, и здесь, которые каждый день ходят в синагогу, читают молитвы, а по-настоящему назвать их верующими людьми я не могу. Тому есть причина. Они это делают больше для рекламы, нежели верят в Бога сами. Так сказать, делают это для своего имиджа. Скажу, как на исповеди: в синагогу ходил и хожу не каждый день, а больше от случая к случаю. Так складывались обстоятельства. Но я считаю себя глубоко верующим человеком хотя бы потому, что у меня есть Бог в душе: Бог любви и сострадания к другим, Бог добра и милосердия. Скажу так: мне близки и понятны чужая боль и горе.

— По знаку Зодиака вы — Стрелец. Это мощный огненный знак, что-то наподобие танка...

— Да, я — Стрелец. Возможно, поэтому я никогда не падаю духом, даже в очень экстремальных ситуациях. Самое главное, если поставил цель, то обязательно добьюсь ее. Хотя есть в моей жизни и обратное: я страшно невезуч. Все достигается ценой огромных усилий. Каждую высоту надо брать штурмом.

— Вы совершали ошибки в жизни и велика ли была их цена?

— Ошибок было много. Иногда и роковых. Но ничего вернуть нельзя. Это ученые пытаются пока что теоретически пустить реки вспять против их естественного течения. А жизнь вспять повернуть невозможно.

— И самое последнее, как говорится, «тет-а-тет»: не жалеете, что приехали, бросили все, нажитое годами, могилы близких и так далее?

— Жалость — это всегда плохая вещь. Чего греха таить, осталась не жалость, а боль — боль разлуки со всем, с кем и с чем был связан на той земле. Обманывают те, кто говорят, что эта боль разлуки пройдет. Что приехал — не жалею. Я — еврей. И это моя новая родина, которую я обязан любить хотя бы только за то, что она есть. Другое дело, начинать с нуля всегда трудно. Надо пройти и через это.

Бениамин Ифраимов: министр, ставший репатриантом

Он был членом правительства, начальником профтехобразования Республики, обладающим всеми правами министра, когда на него в соответствующее ведомство пришла грязная «простыня», а попросту говоря, кляуза и донос.

Бениамина Ханоновича обвиняли в прямом использовании своего служебного положения. Это заключалось в том, что он, Ифраимов, берет на «теплые» места своих сородичей — горских евреев. Это было серьезным обвинением, хотя письмо и было анонимным. Может быть, не будь Бениамин Ханонович евреем, письмо нашло бы свое место в мусорной корзине. Но ему, наоборот, дали зеленую улицу и широкую огласку. Дело дошло до правительства на высоком уровне. И там, с присущим ему мужеством, «обвиняемый» сказал:

— Это правда. А кто другой возьмет их на работу? Кого их судьба может волновать больше меня? Но у меня горских, к сожалению, раз-два и обчелся. Так что все это ложь...

Он родился в 1928-м.

Даже по скудным строчкам его биографической справки можно, не фантазируя, написать хорошую, добротную повесть. В 10 лет — грузчик, мальчик, зарабатывающий скудные деньги на пропитание родительской семьи. В четырнадцать, при попытке перехода линии фронта, попадает в лапы немцев. Только чистая случайность спасает его от неминуемой смерти. Этой счастливой случайностью стала совсем не знакомая женщина, которая, плача, прижимала его к своей груди и кричала фашистам:

— Он не еврей! Он мой сын!

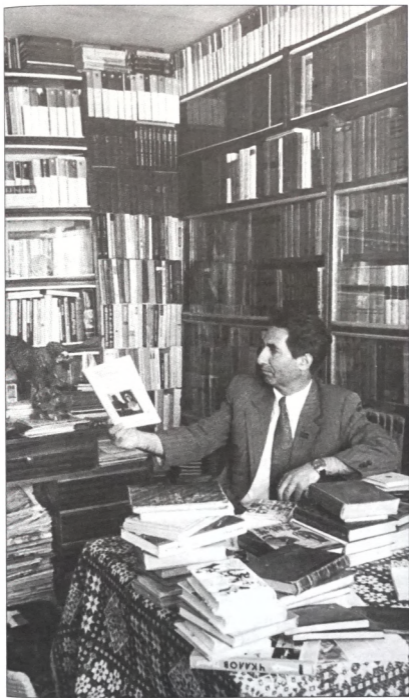
Немцы поверили. Отпустили. С тех пор и до последнего часа своей жизни Бениамин разыскивал эту женщину.

Так получилось, что у Бениамина Ифраимова не было в жизни свободного времени. Не было этого времени, когда он был рядовым рабочим промбыткомбината. Не было его, когда он достиг служебного пика: стал министром профтехобразования. Но было у Бениамина одно увлечение или, если хотите, любовь, для которой он это время находил, выкраивая его у сна и даже отдыха. Этой любовью была еврейская история, которую он тщательно изучал, собирал книги и любые другие материалы.

Но параллельно с этим в нем жило и другое увлечение, которое занимало Бениамина не меньше, чем первое. Он скрупулезно занимался своим генеалогическим деревом. Оказалось, что его старинному роду более 250 лет. По уточненным сведениям, его отец, Ханон, дважды, в 18-20-х годах, побывал в Палестине. И не только побывал, но и в составе еврейских повстанцев вступал в единоборство с солдатами английского мандата. Он, Ханон, несмотря на смутные времена, занимался самообразованием, владел семью языками и даже издавал газету на иврите.

Друг легендарного Калмыкова

В Ханоне — отце Бениамина — с удивительной естественностью сочеталось религиозное и светское. Одно не мешало другому, не создавало дискомфорта. Он учился в Польше, в религиозной йешиве. Он мог свободно стать раввином. Но, как умный и дальновидный человек, понял, что сейчас другие времена: быть раввином, конечно, престижно, но опасно. Это означало подвергать риску свою собственную жизнь и жизнь близких. И Ханон отказался от этой заманчивой идеи. Оставаясь раввином в душе и по убеждению, он стал определяться на государственную службу. Это были 30-е предвоенные годы. Гра-

Бениамин Ифраимов

мотных и толковых людей его масштаба было не так уж и много. И руководитель, главный человек Кабардино-Балкарии Калмыков, не без удовольствия взял Ханона к себе в аппарат.

Головокружительная карьера, связанная с постоянным риском и ожиданием любых неприятных последствий, заметно подтачивали когда-то крепкий организм Ханона Ифраимова. И трагедия разразилась: ответственный сотрудник республиканского масштаба, оказался прикованным к постели. Надолго. На всю оставшуюся жизнь. На 25 долгих лет.

Слепые птицы летают тоже

С той самой поры и началась рабочая биография Бениamina-младшего. В семье было еще трое детей, которых надо было поднять на ноги. Бени, так и не познав детства, вступил во взрослую жизнь. Но оставаться на все времена рядовым рабочим он не хотел. Он верил в себя, в свои возможности.

Теперь учеба стала его заветной мечтой. Только образование может открыть перед ним двери престижных организаций. Бениамин на пути к своей мечте: он блестяще завершает учебу в государственном пединституте, как до этого с отличием окончил школу. Его влечет экономическая наука. Бениамин успешно завершает аспирантуру в Москве. Комиссия единогласно присуждает ему звание кандидата экономических наук. Теперь у молодого Бени Ифраимова появляется шанс: либо заняться наукой, или перейти на партийно-хозяйственную работу. Он идет в науку, став заведующим сектором Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, ориентированного на революцию в экономике республике. Работы — непочатый край. Его деятельность становится заметной. Его забирают в правительство. Бени впервые получает номенклатурную должность: становится единовластным «хозяином» профессионально-

технического образования на правах министра. В его ведении много самых различных школ специального назначения и профиля. Но Бени по натуре — новатор. И он не хочет работать по старинке: проводит комплекс реформ, которые способствуют укреплению материальной и технической базы отрасли. И его вклад в дело воспитания подрастающего поколения и молодежи был по достоинству оценен руководством республики: Бениамин Ханонович был награжден орденами «Знак Почета» и «Дружбы народов».

Казалось бы, нет на свете более счастливого человека, чем Бениамин Ханонович. У него есть все: прекрасная работа, дающая ему удовлетворения и возможность самореализации, есть большое доверие людей и надежный тыл — прочная кавказская семья, в которой обретают крылья для большого полета любимые сыновья Нагурей, Яков и Виктор. Он в хорошем возрасте для мужчины, когда можно планировать новые идеи и задумки. Впереди такое красивое и безоблачное небо жизни.

Но вдруг, как это и бывает частенько, все круто изменилось. А получилось вот что: Бениамин Ханонович и дня не мог прожить без книг. Его домашняя библиотека насчитывала без малого 17 тысяч томов различных изданий. Среди них — художественная литература, новейшие издания по еврейской истории и политической экономии, энциклопедии различного толка и т. д. Даже вернувшись домой поздней ночью, Бениамин не изменял своей давней привычке просмотреть на сон грядущий какую-нибудь книгу. И на этот раз он хотел сделать то же самое: стал подниматься по складной лестнице к самой верхней полке. Неожиданно (видимо, от переутомления), закружилась голова, и он рухнул на пол.

Здесь, в Израиле, болезнь окончательно добила его: ему ампутировали вторую ногу. Он умер 7 лет назад, оставив после себя трех прекрасных парней, живущих сегодня в маленьком Кирьят-Гате, чем-то напоминающем Нальчик. А, самое главное, он оставил о себе добрую и светлую память и веру в жизнь.

Анатолий Нахшунов: свой человек во власти

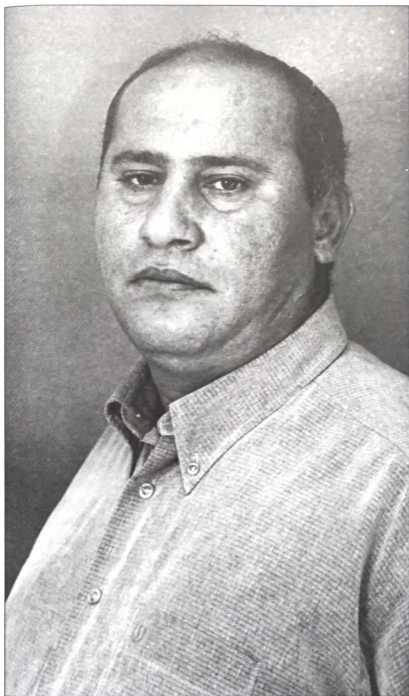
Город «герой» Сдерот давно уже числится в списке горячих точек Израиля. Это — прифронтовой город, где обстрелы в какое-то время стали чем-то обычным делом. Человек привыкает ко всему. И к войне тоже.

Правда, в последнее время эти обстрелы как будто прекратились. Но, это оказалось временным явлением. В этой фронтовой ситуации тяжело, конечно, всем: и простому обывателю, и людям, ответственным за судьбу города и его граждан. Один из этих ответственных людей — новый заместитель мэра Анатолий (Таль) Нахшунов, человек, который еще задолго до вхождения во власть, очень много сделал для города и его жителей.

Наше досье: Анатолий Нахшунов — уроженец древнего Дербента. В Израиль репатриировался 13 лет назад. Это был страшный 1991 -и год, время распада СССР. Ему было тогда 28 лет. Несмотря на молодость, он уже тогда значился в престижном списке перспективных деловых людей. Был свой бизнес, который давал возможность жить на широкую ногу.

— И, несмотря на все это, вы приехали. Если не секрет, что побудило вас к этому? Почему такая обеспеченная жизнь не устроила Анатолия Нахшунова?

— Ответ до банальности простой: смысл человеческой жизни, на мой взгляд, нельзя сводить к хорошей еде и праздности. Есть другие ценности и другие серьезные вещи, что составляет человеческую суть. Да, я жил безбедно, много помогал другим людям. И мной двигала не корысть, а простое чувство милосердия, которое мне досталось по наследству от близких людей из старшего поколения. Но начался массовый отъезд соплеменников, среди которых было немало родни. К сожалению, настали другие времена, где беспредел считался в порядке вещей. А самое главное, не стало уверенности в завтрашнем дне.

Анатолий (Таль) Нахунов

Вот это все и стало причиной моего отъезда. Я несколько не жалею об этом.

— Анатолий, это была ваша первая и последняя алия?

— Уже здесь, в Израиле, мне пришлось совершить еще одну. Только она была короткой: из города в город. Первоначально я поселился в Бзершеве. Пошел рядовым рабочим на стройку. Надо было доказать себе самому, что сумею преодолеть любые трудности. А потом была фабрика по изготовлению супов, работа близкая к моей основной специальности— технолога общественного питания. Долгие 10 лет проработал на этом предприятии. Уже после 3—х месяцев работы, меня назначили начальником цеха. Как говорится, лучшей награды быть не может. Но и на этот раз, я остался верен своей отработанной привычке: оставил хорошо налаженное дело и добротный дом, чтобы на новом месте все опять начать с нуля. Так я оказался в Сдероте, ставшем для меня теперь родным и дорогим городом.

— Анатолий, а с чего вы начали здесь?

— Хвастаться не стану, но человек, который именуется деловым, всегда найдет чем заняться. В Сдероте издавна живет большая кавказская община. А вот с работой у них всегда была проблема. Нет работы — постоянный конфликт в семье. Решил начать с маленького: открыл амуту по трудоустройству, в которую задействовал почти все регионы страны. Стал получать благодарности от людей. Это натолкнуло меня на расширение сферы услуг. Маленькая амута переросла в солидную кампанию.

— Помощь людям в трудоустройстве, это благое и богоугодное дело. А, когда пришло желание войти во власть и с чем это связано?

— Я рад, что весьма удачно раскрутил очень нужное людям дело. Им широко пользовались не только репатрианты с «русской улицы», но и ватики и даже сабры. Но этого для меня стало мало. Образно говоря, эта рубашка стала для меня уже тесноватой. Я сделал для себя одно важное заключение: сегодня мало думать только о хлебе насущном. Надо думать о развитии народного ис-

куства, возрождать хорошие обычаи и традиции, думать о молодых талантах. Все это можно осуществить только будучи во власти, а не быть вечным просителем с протянутой рукой.

— Анатолий, вот вы теперь во власти. Вы не ошиблись в своих прогнозах, утверждая силу и возможности власти?

— Нет, не ошибся, напротив еще более утвердился в этом мнении. Но на все нужно терпение и время. Годами не решались какие-то серьезные проблемы. Наивно было бы полагать, что можно решить их с ходу, не разобравшись в истинных причинах этих проблем. В любом случае, все они уже взяты на контроль. Излишняя торопливость очень опасна и может только навредить делу.

— Это вполне понятно, что вы вошли во власть не только, чтобы бороться и помогать родной кавказской общине. Вы — интернационалист по натуре. И тем не менее, в какой ситуации находятся сегодня горские евреи прифронтового города Сдерот, и решение каких проблем их больше волнует?

— Честно сказать, я не делаю различия между евреями из какой бы они ни были общины. Все мы евреи. Это главное. Но в Сдероте очень много кавказцев. И нерешенных проблем — навалом. Очень много пожилых людей, живущих только на пособия «Битуах Леуми». Много проблем с детьми: до обидного мал процент получающих «багрут». Начинают забываться отцовские обычаи и традиции, мелеет искусство и культура. А ведь все это компоненты потенциала общины, которое начинает утрачивать свое лицо. Помощь в этом плане должна исходить от богатых людей, где бы они ни жили.

— Один важный шаг на пути вхождения во власть вы сделали. Но, как говорится, плох солдат, не мечтающий стать генералом. Анатолий, а нет ли задумки в ближайшей перспективе стать народным избранником в кнессете?

— В одной руке нельзя удержать два арбуза. Пока надо помочь людям находясь на этом поприще., набраться

опыта, а там будет видно. Но в любом случае, этот пробел надо восполнить. Кавказская община должна иметь своего представителя в израильском парламенте.

— В продолжение нашей беседы хотелось бы спросить вас об одном серьезном деле: о привлечении инвестиций деловых людей, проживающих в самом Израиле и за его пределами. В данном случае, речь о выходцах с Кавказа. Предпринимались такие попытки?

— Скажу так: богатые люди тоже не выбрасывают деньги на ветер. Мне эта тема близка: я сам много работал в области бизнеса. Но Израиль — горячий регион, а Сдерот — город, который постоянно «на прицеле», на линии огня. Бизнесмены — и отечественные, и зарубежные вкладывают деньги туда, где есть отдача, где можно заработать, а не потерять. Но эта тема всегда на повестке дня.

— Анатолий, еще одна щекотливая тема — отъезд из страны горских евреев. Это не очень радостный симптом. С чем это, по вашему, связано, и можно ли остановить это явление, с каждым днем принимающий угрожающий характер?

— Это не только проблема горских. За последнее время страну покинуло свыше 10 тысяч человек. Причин много. В первую очередь, это связано с безопасностью. Есть и экономический фактор: жизнь становится тяжелой.

— Вопрос ахти серьезный, но у меня нет сейчас морального права выступать в роли прокурора или судьи, чтобы вынести этот вопрос на суд общественности. Это коллективное право общины, которая должна на специальном собрании, или любом другом мероприятии, во всеуслышании заявить о существовании подобной проблемы. Другого пути просто нет. Я думаю, что это особая тема и она заслуживает внимания, хотя должен сделать одну существенную оговорку: сама община тоже должна быть деятельной, а не смотреть и на хорошее, и на плохое безучастными глазами и без интереса. Это к тому, что порой критиковать бывает куда легче, чем работать.

Яша Мошияхов: поэт от Бога

*Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан...*

Эти стихотворные строки, знакомые всем нам еще со школьной скамьи, до сих пор волнуют душу и невольно навевают теплые чувства. Быть поэтом и быть гражданином одинаково ответственно.

Яша Мошеяхов стал одновременно и тем, и другим: и поэтом, и гражданином. Поэтом особого дарования. Поэтом, который умел задеть душу и сердце. Он был чем-то, вроде, кавказского Есенина. Как искусный ювелир, который прекрасно разбирается в пробах золота, так и Яша Мошеяхов обладал тонким поэтическим вкусом. Он не был календарным поэтом, к которому только по праздникам приходило вдохновение. Он не сочинял стихов по поводу, по какому-то важному или маленькому событию.

Яша Мошеяхов был поэтом-лириком, который писал свои стихи не чернилами, а кровью сердца. Лучшее тому подтверждение — его стихи, душевные и ароматные, как майские цветы. Среди горских евреев было и есть немало поэтов хороших и разных. А вот Яша Мошеяхов — один. Он — явление особого рода. Он, без преувеличения, превзошел всех — и талантом, и сочностью языка, и масштабностью. Поэзия Яши Мошеяхова — это поэтическая вершина, поэтический Шах-Даг. И на сегодня он остается самым талантливым и самым востребованным из всей плеяды горских поэтов.

Его поэзию хорошо знали там, на родине исхода. Его поэзия живет и здесь, на новой родине, лишняя раз напоминая о том, что есть имена и люди не подвластные забвению. Яша Мошеяхов рано ушел из жизни. Остались незавершенными многие и многие стихи, а значит и книги.

Вот одно из его стихотворений «Горная река» дается в сокращении:

*Здравствуй, горная река,
Здравствуй, Кудиял!
Я живу еще пока,
Хоть чуть-чуть устал.
Ты надежней, чем гранит
Я тебя берег,
Пусть тебя всегда хранит
От печалей Бог.*

(Перевел поэт Роман Бадалов)

Лазарь Рафаилов — человек с другой стороны моста

Он из большой и очень знатной династии Рафаиловых, которые из поколения в поколение жили на земле Красной, или, как ее чаще именовали, Еврейской Слободы. Для него не было вопроса: с кого делать жизнь? Не было потому, что рядом был образец, настоящий пример для подражания, человек, который пользовался всеобщей любовью и уважением. Этим человеком был его отец — Ханука Рафаилов. И поэтому Лазарь боготворил и любил его, как может любить преданный сын и близкий человек. Эта любовь к людям досталась ему как бы по наследству. Вот почему для него никогда не было чужой боли и чужого горя. И когда много лет назад пришло время собираться на родину предков, Лазарь Рафаилов, не задумываясь, отдал свои последние сбережения и вывез в Эрец Исраэль 6 кавказских семей, у которых не было даже денег на дорогу.

У каждого человека есть своя мечта. Без нее нельзя: жизнь станет бесцельной и пустой. Была такая мечта на заре своей юности и у Лазаря Рафаилова из Еврейской Слободы: он очень хотел учиться. И не просто стать кем-нибудь, а непременно историком. Их было четыре брата и две сестры. И все были нацелены на учебу.

Знания у Лазаря были великолепными. Особенно он любил гуманитарные науки: историю — древнюю и средневековую. И эта земля, на которой он жил, сплошь и рядом была «напичкана» этой самой историей. Каждый камень Красной Слободы рассказывал о былом, о предках, о нашествиях и набегах завоевателей и о мужестве и несгибаемости горских евреев — настоящих богатырях Кавказа.

И Лазарь, да и не только он, а все, кто его знал, были уверены: дорога в университет ему открыта. И вот Баку. Огромный конкурс на историческом. Лазарь очень волнуется, но старается успокоить себя. Первый экзамен, вто-

рой, третий. Все хорошо. И оценки хорошие. Но на душе все-таки беспокойно.

И случилось то, чего Лазарь больше всего боялся: один из экзаменаторов как бы ненароком спросил его: «Парень, ты, случайно, не с другой стороны моста?» Он сразу понял, что вопрос задан не случайно. На другой стороне моста была Еврейская Слобода. И Лазарь намек экзаменатора понял и расшифровал

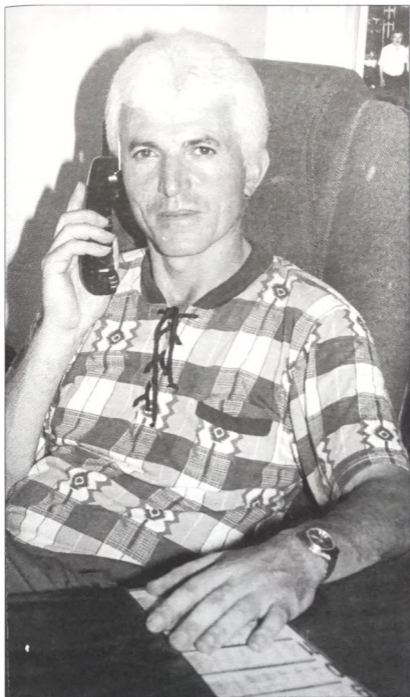
для себя. И сразу же понял другое: несмотря на хорошие оценки, мечте об учебе не суждено сбыться. Так и случилось: ему объяснили, что не прошел по конкурсу.

«Соперник» Фаберже

Но Лазарь не предал свою мечту. Изделия старины манили и звали его. Он страстно любит эту работу, так похожую на работу исследователя. И, конечно, не мог расстаться с ней. Он работает как предприниматель и как частный эксперт. В его маршрутном листе появились уже новые, зарубежные адреса: Индия, Канада, Китай. Лазарь хорошо разбирается в старине. Не каждый эксперт может похвастаться такими глубокими познаниями и практически навыками. Добрая молва о нем быстро доходит до Москвы и Ленинграда, других регионов России. Его приглашают к сотрудничеству именитые российские музеи.

«Версай»: Дом радости

Голова же у Лазаря — еврейская: выдает такие «па», что порой не осилить умному компьютеру. Он умеет рас-

Лазарь Рафаилов

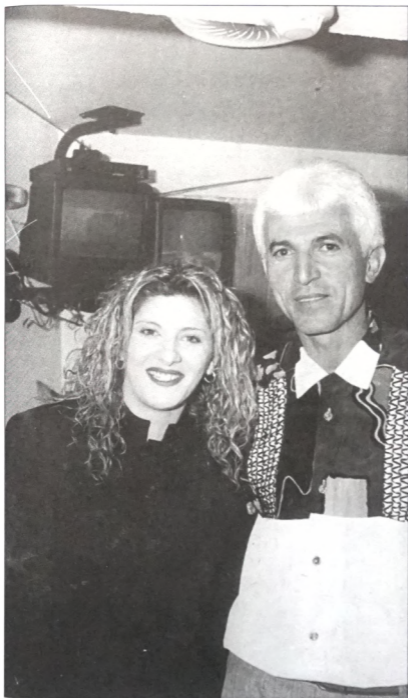
считать ситуацию. Он очень осторожен и расчетлив, этот кавказец с берегов Кудиял-чая и седого Каспия. Погарцевать на отличном скакуне — это, конечно, красиво, престижно, — размышляет Лазарь. — А что дальше? Нужен хороший ипподром для гонок. Нужно точно знать, на какую лошадь ставить.

И Лазарь Рафаилов делает эти ставки, но он никогда не рискует. Это опасно. Можно «пролететь».

О «Версае» — этом уютном и гостеприимном кавказском Доме Лазаря Рафаилова в Израиле заговорили давно. Заговорили неслучайно. Посетители знают, что Лазарь — настоящий хозяин с прекрасным вкусом и прекрасными манерами, хозяин, умеющий творить чудо: дарить людям хорошее настроение и радость человеческого общения. И хотя «Версай» считается кавказским Домом, сюда приходят не только выходцы с Кавказа. Приходят, чтоб насладиться тем комфортом и красотой, а еще, чтобы отведать вкусные и ароматные блю-

В кругу близких

С невіцеў Сарум Хаддам

да уникальной кавказской кухни. Здесь, в Израиле, не принято заводить книги отзывов. И если бы, вопреки существующим традициям, эта Книга все-таки была бы в кавказском Доме Лазаря Рафаилова, то, наверное, в ней не хватило бы страниц, чтобы поместить отзывы всех желающих. А их много. И они в простом, крепком рукопожатии, и в коротком, но очень объемном слове «тогда».

Причина тому одна: теплый хозяйский прием, высокая культура обслуживания. Лазарь заботится не только о том, чтобы кавказские блюда не утратили своей прелести, но и о том, чтобы на этих семейных торжествах была достойная музыка. Вот почему даже великолепные олимповские ансамбли считают за честь выступить в зале торжеств Лазаря Рафаилова.

В кругу близких

Ровшан Рагимов — художник, рисующий загадку

*Стихий — четыре.
Чувств как будто пять
И сто загадок. Стоит ли считать?*

(Омар Хаям)

Ему сейчас тридцать три. Уроженец Кировобادا (Азербайджан), самый последний ребенок в многодетной семье, в которой (шутка ли сказать!) воспитывалось девять детей. Его палитра уникальна. У него свой почерк, свой стиль, свое особое мироощущение. Сегодня Ровшан Рагимов — известный художник не только в Израиле, но и в Европе.

Равшан закончил художественное училище имени Азима Азим-Заде и Институт искусств (Баку). В Израиле с 1994 года. Участник всевозможных выставок в Израиле, а также в престижных галереях Европы и Америки. А повод для беседы с ним оказался самый что ни на есть юбилейный: исполнилось ровно десять лет с того памятного дня, когда Ровшан стал репатриантом.

— Ровшан, начать наш разговор мне хочется с душевных лирических строк, принадлежащих твоему перу:

*Еще один день пришел и ушел.
Как ни просил — удержать не смог.
Я без стеснения кричал: «Остановись, не уходи!!!»
...Не подождал, не задержался, исчез в тумане...
Даже когда я с тобой, я без тебя:
ты в окружении Ангелов.
Если сны превратить в реальность,
я видел бы тебя каждый день.
Мы держались бы за руки,
и, остановив Время, взлетели бы высоко в небеса.
А птицы завидовали бы нам...*

— Ровшан, я прекрасно понимаю, что талантливый художник имеет право быть одновременно и талантливым поэтом. Но в твоём случае поэзия не живет как бы сама по себе. Расшифруй, пожалуйста, эту загадку.

— А загадка в том, что я, как искусные виноделы, нашёл дотолё никому не известные компоненты, что придают вину особый вкус и аромат. В моём случае это некий альянс живописи и поэзии, сплетённых меж собой особыми незримыми узлами. Это композиционные полотна, которые не похожи ни на одну из предшествующих школ. Нет всего этого ни в традиционной классической живописи, нет этого и в манере современных мастеров. Это — моё изобретение, особая техника и манера рисования. Сегодня за рубежом меня всерьёз называют основателем нового стиля в живописи.

— А как в Израиле?

— Это тот самый случай, когда принято говорить, что нет пророка в своём отечестве, хотя и здесь я довольно много выставлялся и выставляюсь по сей день. Мои работы экспонировались и на большой выставке картин кавказских художников в Тель-Авиве, и в Хадере, и во многих других художественных галереях. Но признание, как правило, приходит со стороны. Это меня не удивляет, ибо

нечто подобное происходило в жизни многих талантливых мастеров.

— Ровшан, исполнилось десять лет со дня твоей репатриации, а это значит, что уже десять лет ты творишь на новой родине. Есть чем похвастаться?

— Десять лет — это действительно срок, и немалый. А похвастаться можно тем, что я всегда при деле, всегда в работе. Я рисую, не ожидая очередного визита заказчиков или приглашения к сотрудничеству владельцев престижных галерей. Я занимаюсь творчеством, абсолютно не думая о коммерческой стороне дела. И хотя бытует расхожая фраза: кто платит, тот и заказывает музыку, но в творчестве это не совсем так. Конечно, я не имею в виду ширпотреб.

— Ты везучий человек?

— В данном случае, конечно, да. За десять лет репатриантской жизни я ни разу не изменил своей Музе: даже после тяжелой двенадцатичасовой работы, приходя домой, я продолжал заниматься живописью. Это спасло меня как художника.

— А сейчас ты тоже совмещаешь другую, черную работу для заработка с рисованием?

— Сейчас, конечно, нет. Это было бы абсурдом. Тогда, на заре моей олимовской жизни, работа была необходима: острая потребность в деньгах, незнакомая страна, никаких связей с галереями, абсолютное незнание рынка. Но творчество, конечно, требует полной самоотдачи — только тогда рождаются настоящие картины.

— Так что же это все-таки такое — твой особый стиль, почерк, манера?

— Существует так называемая авангардная живопись, авангардное искусство. К сожалению, многие искусствоведы в стране нашего исхода само слово «авангардизм» считали чем-то вульгарным. А между тем авангардист — это, в сущности, впередсмотрящий. Говорят о магии — черной, белой... В определенном смысле я ориентируюсь на магию фигур и красок, абстрактное мышление и фантазию. Абстрактное вовсе не означает плохое.

— А как ты относишься к реалистической живописи, к великим творцам — Леонардо да Винчи, Рембрандту, Гойе, Репину, Сурикову и так далее?

— С величайшей любовью и уважением. Уверен, что они навсегда останутся непревзойденными мастерами кисти. Только здесь я хотел обратить внимание совсем на другое: ведь никто не ругает композитора, который пишет серьезную музыку, скажем симфонию, или, наоборот, легкую эстрадную песенку. И то, и то — музыка, а значит имеет право на жизнь.

— Ровшан, давай ненадолго вернемся к твоему прошлому. Мне известно, что в 80-е годы судьба свела тебя с очень известным человеком, академиком, специалистом в области кристаллографии Худы Мамедовым. В чем выразалось это содружество — именитого ученого и совсем молодого художника?

— Мы серьезно изучали историю орнаментов и древних миниатюр и параллельно — внутреннее строение кристаллов. В итоге мы пришли к заключению, что по своему строению кристаллы схожи с орнаментами ковров, имеющих многовековую историю...

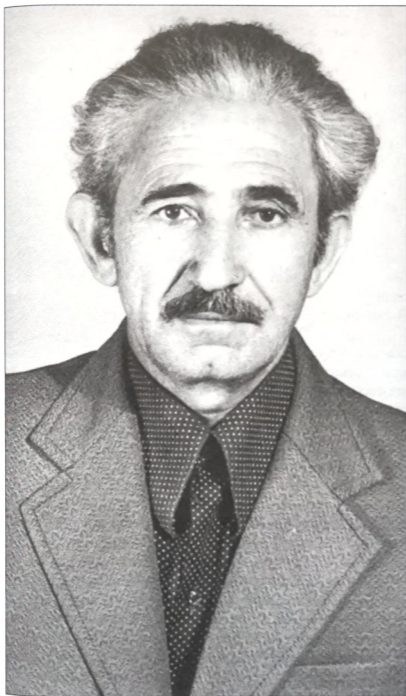
Разговор с молодым художником был очень любопытным. Я с нескрываемым удовольствием смотрел на его холсты, а в ушах, как сладкая музыка, звучали строки из его стихотворения в прозе:

*Чтобы ярче осветить комнату,
я распахнул душу и открыл окно,
В углу за стопкой семейных альбомов
я нашел твою любимую гитару.
Играя на ней, я услышал те же святые звуки,
что когда-то извлекала из нее ты.
Вокруг дома я расставил твои скульптуры.
Они тихи и безмолвны в ожидании,
когда ты придешь оживить их.
Чувствуя святость этих творений,
мое сердце каменеет.
Не знаю, о чем думаешь ты,
но в моем городе сезон дождей.*

Закир Рафаилов — внук раввина и фармацевт, не признававший лекарств

Ему бы сейчас исполнилось 85. Как говорят горцы, и как принято считать на Кавказе, самый джигитовский возраст. Но Всевышним ему было отпущено всего семьдесят. Он был на редкость удивительным человеком и романтиком по натуре. А вообще, был врачом и фармацевтом одновременно. Закир был участником Великой Отечественной. Служил в санитарных войсках, где приходилось не только давать пилюли раненым, а еще и вытаскивать их с поля боя под непрерывным огнем врага. В самый разгар войны его, Закира, перебросили на другой фронт — в горячую Чечню. Но когда-то все кончается. Кончилась и эта страшная война после которой «гражданин» Варташена Закир Рафаилов волей судьбы попал в Кировобад — нынешний Генже. Женился, стал работать по своей провизорской линии — заведовал аптекой. Он был очень коммуникабельным человеком: на редкость быстро и легко сходился с людьми. Но самым отличительным в его характере, было его человеколюбие. И ему было абсолютно без разницы: стоит перед ним близкий родственник, или совершенно чужой человек. Он был доброжелателен ко всем. И люди любили его.

Закир бен Захарья был человеком удивительной судьбы и по той простой причине, что она бросала его в самые горячие точки, сопряженные с большой опасностью для жизни. Его командировали на работу и в Нагорный Карабах. Правда, это были в другие времена, но тем не менее, работать приходилось почти в экстремальной ситуации. В больнице, в которой он работал было всего два медработника: сам Закир и еще один древний 90-летний старец. Самое удивительное, несмотря на большое число больных, за два

Закир Рафаилов

года не было зарегистрировано ни одного случая смерти. Хорошо осведомленные люди, говорят, что у Закира был свой секрет лечения. Легенды о нем ходили еще при жизни. Ходят они и сегодня, уже здесь, в Израиле, хотя его уже давно нет в живых. Говорят, нет дыма без огня. В этих легендах о Закире тесно переплелись правда и вымысел.

Правдой было то, что Закир Рафаилов, действительно, был кудесником, который готовил свои лекарства, где не было ни химии, ни каких-то реактивов. Все готовилось из натуральных трав и сырьевых добавок. Он много читал. Среди книг, которыми он пользовался, были старинные и редкие экземпляры, написанные известными целителями Востока. Закир, конечно, пользовался этой бесценной кладовой знаний. Были у него и книги Авиценны, и Рамбама, и других светил медицины. Но Закир изобретал и свои собственные рецепты, которые здорово помогали больным, от которых у него не было отбоя.

И хотя он порой уставал от этого «нашествия», никто не помнит, чтобы хоть раз в жизни он кому то отказал: слишком совестливым человеком был Закир бен Захарья. Но жизнь есть жизнь: и у хороших, и добрых по натуре людей бывают недруги и завистники. Видимо его людская всеобщая слава застали глаза неким зловредным лицам. В один из дней неожиданно-негаданно Закира откомандировали в глушь, забытый Богом и людьми маленький горный аул, куда можно было добираться только верхом на лошади. Он мог бы пойти к начальству и сказать что в семье маленькие дети и, что одной жене просто не справиться, но Закир был гордым человеком, хорошо знавшим себе цену. И он не пошел ни к кому на поклон. Работал в своей маленькой аптеке лечил людей и воспитывал детей. Их у него родилось без малого девять. И все, слава Б-гу, живы и здоровы, кроме одной дочки, недавно умершей от тяжелой болезни. Вот их имена: Захар, Арон, Гай, Гамлет, Ровшан, Рина, Джуля, Мэри. Закир бен Захарья дал своим детям большое наследство: милосердие. Еще много лет назад они участвовали в возрождении еврейской синагоги в Варташене, которая за многие и многие годы пришла в негодность и была на гра-

Один из сыновей Гай (первый слева) с друзьями

ни разрушения. Главным инициатором этого строительства стал средний из братьев Гай, который внес в это дело много своих личных сбережений. Богоугодным делом занимались и братья Закира Рафаилова. Один из них Михаил. Другого брата звали Симанду. Оба они исполняли обязанности раввина. Один в Кировобаде, а другой в Евлахе.

Закир Рафаилов был счастливым человеком и счастливым отцом. Но в его жизни было и много неприятного. Один из них связан с Шестидневной войной в Израиле. Сын Гамлет, служивший в то время в Советской Армии, по случаю победы евреев над врагом, поздравил в письме родного дядю, который проживал на священной земле. Письмо, видимо, перехватили. На «орехи» досталось родному папе, плохо воспитавшему сына. Мгновенно устроили ревизию и... обнаружили недостачу. Этой улики хватило, чтоб главного формацевта засадить за решетку. Только после шести месяцев отсидки, Закир был освобожден в связи с отсутствием состава преступления.

Шимон Елизаров: целитель, которого боятся... недуги

Говорят, что поэтами не рождаются. Ими становятся. И философами тоже. Но не теми, кто постигает азбуку жизни, расшифровывая, что первично, а, что вторично. Это философы другого рода: они разумно спорят с Гиппократом, но познают не анатомию, а душу.

В немногочисленной кавказской общине немало интеллектуальных и одаренных от природы людей: знаменитых «мужей» науки, спортсменов высокого класса претендующих быть записанными в Книгу рекордов Гиннеса, видных общественных и политических деятелей. Но до последнего времени в этом престижном списке интеллектуалов, не значился человек, имеющий статус целителя с международным именем. И, все-таки, появился и такой человек: его имя Шимон Елизаров.

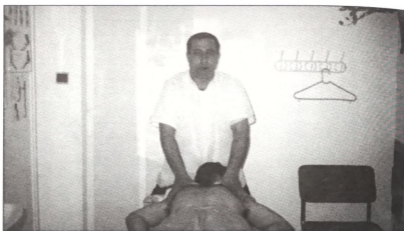
Но сначала о письмах. Они приходят в его адрес чуть ли не ежедневно. Их можно разделить на две категории: на благодарственные, и письма про боль и страдание, письма многочисленные авторы которых, что называется умоляют назначить кому то из близких, которых годами терзает тяжелый недуг, эту спасительную встречу, подарить эту последнюю надежду на исцеление. И Шимон, несмотря на огромную занятость, внимательно знакомится с каждым письмом. По другому и быть не может: люди доверяют ему самое дорогое свое здоровье, верят магической силе его рук.

Надежда умирает последней

К нему приходят самые разные люди, напичканные, как говорится, большим арсеналом серьезных болезней. А некоторые приходят, что называется, пройдя до этого семь кругов ада. Приходят уже, когда академическая медицина оказывается бессильной чем-либо помочь. И таких случаев

Шимон Елизаров

Магическая сила рук

очень много. Шимон не регистрирует их, как, скажем, в какой-то государственной клинике или ambulance. Ему это ни к чему. Но каждое письмо бережно хранит, как очень ценную реликвию И о своих бывших пациентах он вспоминает и держит с ними связь благодаря этим самым письмам.

Юноше В. сейчас 18 лет. Когда его привели к Шимону, на парня страшно было смотреть: какой-то потухший взгляд, боязнь всего и вся. До этого было много хождений по мукам: было много самых различных клиник, многократное лечение которое не приносило радости родителям и близким людям, а самое главное, не облегчало жизнь молодому человеку. Много лет он страдал одной и той же душевной болезнью: его мучила мания преследования. Сложность заключалась в том, что парень не входил ни с кем ни в какие контакты. А психотерапевты давно отказались от какого-либо лечения, якобы, в виду его бесполезности. Шимон начал не с лекарств. Он решил во чтобы то ни стало разговаривать юношу. Была одна попытка, потом вторая и даже третья. А когда Шимон понял, что этот путь недостижим, он решил использовать альтернативный вариант: он попросил парня поиграть с ним... в художники. Игра была необычной, на заданную тему. Шимон как-то ненавязчиво попросил его нарисовать человека или предмет, который его преследует. Игра получилась. Парень, не догадываясь ни о чем, нарисовал об-

раз преследователя. Это облегчило ситуацию. Началась серьезная работа по исцелению. Кстати, много раз до этого, ему доводилось лечить некоторых больных, страдающих тяжелыми недугами — в тесном контакте... с фотографиями. Делалось это по настоятельной просьбе близких в виду того, что больной находился в другой стране и на другом континенте. Результаты были феноменальными: эти люди излечивались от тяжелых и многолетних недугов. И в случае с молодым человеком, Шимону очень пригодился прежний опыт. Сегодня парень вполне нормальный человек, работает, живет полноценной жизнью.

Кто с костылями придет — тот уйдет на своих двоих

В практике Шимона Елизарова было много редких случаев. Но были случаи просто уникальные, о которых приятно говорить: удивительное рядом. Вот один из них: привозят к нему больного на коляске, который ходит с помощью костылей. До этого привода, у него было много встреч с врачами. 100-процентный инвалид. Гарантий на излечение никто не дает. Через несколько дней предстоит сложнейшая операция. Но, как бы испытывая судьбу, родственники решили, как последний шанс «пройти» и через руки знаменитого целителя. И чудо состоялось: после довольно длительного сеанса, проведенного Шимоном Елизаровым, бывший больной, прикованный много лет к инвалидной коляске, сам самостоятельно встал и безо всяких костылей бодрым шагом прошелся по кабинету. А потом как сувенир, оставил костыли своему необыкновенному спасителю. Уже на следующий день бывший инвалид отправился на своих двоих к хирургу на прием. Тот был изумлен. Просмотрев своего бывшего пациента по всем правилам медицинской науки, он не нашел никаких отклонений в позвоночнике. Операция была отменена. Подобных уникальных примеров в практике Елизарова было великое множество. Сегодня к нему пришло признание, его имя на слуху не только в «наших Палестинах», но и во многих странах ми-

ра. Там он читает лекции, практикует свои знаменитые сеансы нетрадиционного лечения. К его услугам обращаются авторитетные «мужи» науки. Некоторое время назад Шимон по приглашению одного из кумиров современной медицины Элиота Стейнберга ездил в Канаду, где в клинике этого известного профессора принимал больных с весьма сложными недугами. Одаренный от природы целитель, он и в Канаде поразил своим искусством врачевания не только пациентов, но и самого Стейнберга, который после всего увиденного им, отозвался следующим образом;

— Я видел, как Елизаров с помощью биоэнергетического воздействия всего за пару сеансов снял сильные боли у моей пациентки, страдающей тяжелой формой артрита, которой по определенным причинам нельзя было применить мануальную терапию. Я присутствовал на этих сеансах, и почувствовал, что Шимон, действительно обладает особым даром.

«Ауру» признаю: это космическое

Частенько к Шимону родственники приводят и приводят больных, имея на руках не очень радующий диагноз, к которому он относится очень скептически. Ведь сколько было досадных врачебных ошибок, порой трагических: оказывалось совсем не то, что предполагали. И поэтому каждый раз он не торопится подтвердить или, наоборот, отвергнуть врачебный приговор. У него своя «диагностика», совсем не похожая на традиционную. Нет болезни, которая бы не оставила своего следа в организме человека. Но порой даже опытный рентгенолог не может обнаружить его, вот Шимон видит их сразу. Но удивительная вещь: он видит не обычным глазом, а руками. В этом весь феномен и весь арсенал его чудодейственного целительства. Это на самом деле чудо, ибо от рождения Шимон очень плохо видит, настолько плохо, что с некоторых пор он начисто отказался от чтения. Но при этом, он обладает особой магией, связанной не с шарлатанством, а с космической природой. Это совсем не воображаемый, а очень даже реальный мир, в котором нередко по роду целительства, пребывает он сам. Это особая божественная сила, которую простому обывателю трудно объяснить, как например, человеку, не имеющему понятия о физике, пытаться объяснить теорию относительности.

На календаре XXI век. Летают в космос, делают операции на открытом сердце, гинекологи дарят счастье материнства тем, кто был природой лишен этой возможности. Век тотального прогресса и цивилизации. И все-таки, болезни наступают, академическая наука оказывается бесильной против болезни сердца и рака.

Но в этой суматошной и непредсказуемой жизни, несмотря ни на что, творят чудо исцеления такие волшебники, как Шимон Елизаров-израильтянин кавказского происхождения.

Кавказский дом, где говорят с Богом

Испокон веков горские евреи были привержены к духовности и религиозным традициям и обычаям. Эти качества и этот еврейский образ жизни они сохраняли во все последующие времена, даже тогда, когда духовность преследовалась красными инквизиторами гулаговских времен.

Беэр-Шева — большой олиможский гмрод, где собрались евреи 45 «национальностей», среди которых немало выходцев с Кавказа: олимь из древнего Дербента, из столицы Дагестана — Махачкалы, из самой горячей точки России — Чечни. Среди них есть ватики, и те, кто приехал на землю предков не так давно. Но и те, и другие, несмотря на тяжелую репатриантскую жизнь, сохранили в себе вековые традиции и обычаи еврейской духовности. Надо отдать должное горской общине Беэр-Шевы: за очень короткий срок на средства от пожертвований, была построена кавказская высотная синагога, красавец-дом, где сегодня горцы говорят с Б-ом. Открытие синагоги стало большим и радостным событием в жизни кавказцев, по

большому счету — праздником. Она задумана, как религиозно-просветительский центр, где проходят всевозможные мероприятия, в том числе, по Торе, еврейской истории и еврейскому воспитанию. А пока же был праздник, что в трудной олимовский жизни считается хорошим бальзамом, дающим бойцовский настрой и оптимизм. А на праздник принято приходить с подарками. Это тоже давняя еврейская традиция. И о том, как прошел этот праздник открытия синагоги горских увореев рассказывает председатель общины Ханух Якубов:

— Вначале было яркое и красочное шествие, сопровождаемое мелодиями старинных еврейских песнопений. Здесь от имени всей нашей горской общины я должен выразить сердечную благодарность бывшему и нынешнему мэру Якову Тернеру, который несмотря на колоссальную занятость, нашел время, чтобы разделить эту радость с вами. И пришел не с пустыми руками: кавказская синагога получила сразу четыре свитка Торы. Мэр тепло говорил о репатриантах с Кавказа, благодарил их за высокую духовность и вклад в процветание родного города.

— Но праздники — вещь к сожалению, не вечная: они приходят и уходят. Остаются будни, работа, в том числе, работа в стенах кавказской синагоги. В связи с этим Ха-

ных, хочется узнать ваше мнение, как лидера общины: «Что такое синагога в жизни ваших земляков здесь, на новой родине»?

— Синагога — это, во-первых, святое место, куда наши люди приходят говорить с Б-ом. Трудно представить себе горского еврея без такого дома. Во-вторых, здесь отныне будут отмечаться все еврейские праздники. А это значит будет общение, будут новые встречи. Это тоже своего рода

Открытие синагоги. В центре — мэр Бээр-Шевы Яков Тернеф

Яков Тернер (слева) и Ханух Якубов (справа)

информация: все в курсе дела, что происходит в общине в целом и в каждой кавказской семье в отдельности. Синагога для горских людей, это своего рода, общинный «кне-сеет», где решаются многие актуальные вопросы.

— Ханух, сколько, примерно, кавказцев проживает в Бзершеве?

— Примерно, 15-17 тысяч человек. Это большое количество людей. Синагога, в добавление к сказанному выше, это еще и объединяющий центр. Как говорили древние, все пути ведут в Рим. В данном и конкретном случае — в кавказскую синагогу.

— Как говорили древние, свят место — пусто не бывает: страна не бывает без премьера, синагога, разумеется, без раввина. Кому доверено сегодня эта ответственная должность в вашей синагоге?

— И здесь я должен сказать, что нам крупно повезло: сам всевышний послал нам очень эрудированного и знающего свое дело раввина, каким является раби Симон, человек, имеющий официальный духовный сан, и человек, который отдал служению религии долгих 25 лет. Доста-

точно сказать, что семнадцать из них он проработал в знаменитой кавказской синагоге Дербента, в котором, в свое время, работал великий кавказский раввин Аянкиль Ицхаки, совершивший алию на землю обетованную еще в начале XX века. Так вот еще пару слов о раби Симоне: в нем счастливо сочетаются в одном лице — прекрасный раввин, и прекрасный хазан, и прекрасный человек. Рав Симон еще и прекрасный педагог — в самое ближайшее время он намерен начать религиозное обучение детей из кавказских семей. И все мы очень надеемся, что именно рав Симон тот человек, которому удастся приобщить к духовности значительную часть кавказской молодежи,

— Ханух, наверно, новая синагога — не единственное дело, которым может похвалиться община горских евреев Бээршевы? О чем бы вы могли бы рассказать еще?

— В первую очередь, о кавказском клубе. Это просторное помещение, где много различных аудиторий для проведения самых различных мероприятий с детьми и взрослыми. Это всевозможные кружки по интересам, кружки и курсы по языку иврит для людей пожилого возраста. Клуб располагает двумя отличными залами для проведения концертов. Кстати, один из таких прошел совсем недавно. У нас в гостях были известные певцы Юсеф бар Юхай, Шалум Пинхасов, танцевальные коллективы Бээр-Шевы. К нашей радости и тот же вечер у нас выступала звезда израильской эстрады из кавказских Сарит Хаддат, которую, как я надеюсь, представлять не надо.

— А теперь самое время вкратце рассказать о себе самом: кто вы, Ханух Якубов? Как поется в одной из народных песен страны исхода: «чей ты родом, откуда ты»?

— Родом я из Дербента. Приехал, когда мне было шестнадцать. Уже почти 30 лет живу в Израиле. Общественной деятельностью занимаюсь свыше 20 лет, Работал со многими председателями из всеизраильского объединения горских евреев — Борисом Шальмиевым, Симхой Есиповым Хочу видеть всех «оле» — выходцев с Кавказа, как одну дружную семью, сплоченную и понимающую друг друга с полуслова.

Хизгил Авшалумов: «отец» Шими Дербенди

Из столицы Республики Дагестан — города Махачкалы — пришло печальное известие: умер заслуженный деятель культуры России, известный прозаик, народный писатель Хизгил Авшулумов.

С его именем связан расцвет довоенной и послевоенной горско-еврейской (татской) профессиональной литературы, который вкупе с другими одаренными самородками, такими, как Миши Бахшиев, Даниил Атнилов, Манувах Дадашев, Сергей Изгияев и большой плеядой разноликой пишущей братии, выдал «на гора» целый ряд интересных произведений, заслуженно привлечших внимание всесоюзного читателя.

Хизгил Авшалумов

Не сотвори себе кумира

Выходили книги, появлялись подборки рассказов в местных и даже центральных журналах. И было признание.

Но, увы, ничто не вечно под луной. Настали горбачевские времена. Пала не только Берлинская стена. Родилась новая эпоха — эпоха репатриации: земляки и соплеменники, страстные поклонники Шими Дербенди стали потихонечку отчаливать на родину предков — в еврейский Израиль. То, что несказанно радовало других, — открытие дороги на святой Иерусалим, очень огорчило Хизгила Авшалумова. Его можно было понять: уезжали его почитатели. А что писатель без них? Это полководец без армии, без солдат. Для кого писать? Уходила почва из-под ног...

И тогда он сознательно пошел «ва-банк», предприняв массивированную идеологическую атаку, целью которой было во что бы то ни стало остановить этот выезд соплеменников в Израиль. В своих публичных выступлениях он стал открыто заявлять, что горские евреи — это вовсе не «моисеево племя», а самые что ни на есть настоящие таты, исповедующие иудаизм.

Почему же известный писатель со стажем и активный общественный деятель пустился в такую большую ложь? Зачем он, Хизгил Авшалумов, взял на себя такой тяжкий грех, как убийство целого народа, утверждая, что горских евреев вообще не существует в природе? Но прежде чем утверждать или отрицать это, необходимо совершить небольшой экскурс в... историю.

Итак, по Авшалумову, нет горских евреев. Есть таты. А что говорит история? Она говорит совершенно обратное. «Тат» — слово тюркоязычного происхождения. Известно, что тюркские завоеватели, делавшие набеги и на Кавказ, обозначили этим словом плененных ими людей. «Тат» — это раб. Известно, что еще до революции 1917 г. и вплоть до самого 1940 года горские евреи проходили под своим подлинным именем. А в самой общине они были обозначены одним коротким словом «иври» или «джугъуро». Первые сведения об этом народе упоминаются в античных и средневековых персидско-арабских источниках. В какой-то мере история этого уникального этноса связана и с хазарами.

И, как образованный человек и писатель, Хизгил Авшалумов, конечно, хорошо знал историю своего народа. Но, как утопающий хватается за соломинку, так и он, ухватился за ложь во спасение. Он писал на родном языке. Люди уезжали. Тотальный отъезд лишил его востребованности: он оставался уже не писателем, а экзотической фигурой и музейным экспонатом. И хотя писатель знал, что этот «железный» поток не удержать никакими доводами, он с завидной настойчивостью продолжал доказывать свое. Он неистово атакует все и вся. «Атакует» даже Академию наук России и научно-исследовательский Институт Этнографии. И некоторые ученые мужи не устояли перед его натиском. На милость победителю сдалась такая большая величина науки, как всемирно известный академик Ю. В. Бромлей, возглавлявший одно время Институт этнографии Академии наук. В свое время в своих научных трудах он утверждал и на основе капитальных исследований доказал, что горские евреи и таты — это одно и то же — один народ, один язык. Авшалумов, что называется, заставил его отказаться от своих прежних убеждений.

Но академик Бромлей не был тем единственным человеком из ученых мужей, которые пошли на попятную. Среди таковых оказался и талантливый специалист по языкознанию С. И. Брук. И именно в это же время из Большой Советской Энциклопедии была изъята статья о горских евреях, как о самостоятельной народности.

Звоня во все колокола, будя живых и мертвых, правдами и неправдами Хизгил Авшалумов добивался одного: остановить скоростной бег горских евреев на обетованную землю. Но сам народ быстро «раскусил» эти хитрые комбинации. Он не принял этого нигилизма. А увещевания автора новелл и рассказов о хитро-мудром Шими Дербенди оказались гласом вопиющего в пустыне.

И тем не менее, псевдотеоретик Хизгил Авшалумов сумел на какое-то время извратить в обществе понятие о горских евреях и внести «смуту» в вопросе об их принадлежности.

Человек — удивительное существо: быстро, в зависимости от обстоятельств, меняет «лицо» и убеждения. С точки зрения нравственности, морали, писатель-сатирик Авшалумов нанес своим сородичам предательский удар в спину. Но мораль, как и политика, двулика. А поскольку писатель проповедовал чистую политику, его понять можно. Но, как говорится, все познается в сравнении. Еще до Великой Отечественной Хизгил Авшалумов, оказывается, считал себя все-таки горским евреем. И между «татами» и собой тоже разницы не видел. Об этом свидетельствует труд писателя тех лет под символическим названием «Татский фольклор горских евреев». Наверное, с годами притупляется не только перо, но и память.

Всегда тяжело услышать или прочесть печальную весть о чьей-то кончине, тем более, кончине большого таланта.

Хизгил Авшалумов — глубоко противоречивая фигура. Родом из бедноты, крестьянин, пахарь, он рано пристрастился к литературе, к фольклорному наследию горских евреев. Он был самобытен. Каждая встреча с ним духовно обогащала человека. И при этом он оставался закрытым и даже недоступным. Но даже при этом, особом качестве характера Хизгил Давидович легко сблизился с людьми и был довольно коммуникабельной личностью.

В своих газетных публикациях и выступлениях по радио и на телевидении он осуждал земляков за это «бегство» — репатриацию, за исход на новую родину. А близко знавшие его люди рассказывают, что он страдал от этого. Он говорил, что этот исход приведет к исчезновению кавказской общины с демографической карты мира. Он очень боялся «плавильного котла», который смешает все в непонятное месиво: исчезнет язык, ментальность, обычаи, традиции и, наконец, сам народ.

Не случайно говорят, что нет пророка в своем Отечестве. Хизгил Авшалумов в какой-то мере им стал: жизнь общины горских евреев в Израиле — этому подтверждение.

Борис Нафталиев — человек, который был вхож в семью Брежнева

В памятном 1945 году в бывшем СССР вновь была введена смертная казнь, хотя 15 лет спустя, в 1960 году Верховный Совет РСФСР утвердил новый Уголовный Кодекс, из которого по сравнению со «сталинским», была изъята пятьдесят восьмая расстрельная статья.

Но и изъятая, она продолжала «работать». Коллегии различных судов, в том числе и Верховных, не стеснялись выносить по некоторым делам высшую меру наказания — смертную казнь. Причем подобные судебные процессы проходили не только в Центре, но они не обходили и периферию.

Одним из таких громких и чрезвычайно нашумевших был процесс по делу Бориса Нафталиева. Жители столицы Дагестана — Махачкалы — хорошо помнят об этом процессе, ибо он был довольно долгим и самым внушительным по списочному составу людей, проходивших по нему. Но самым любопытным было то, что среди подсудимых не было самого главного обвиняемого — Бориса Нафталиева. Он находился в розыске.

Небольшая справка. Борис Нафталиев — горский еврей. В последнее время работал в системе заготовок дагестанского потребсоюза. Был директором Ногайской заготовительной конторы. База дислокации — районный центр Терекли-Мектеб.

Дагестанская система потребкооперации в восьмидесятые годы была одной из самых известных не только в регионе Северного Кавказа, но, пожалуй, во всей стране. Известность была связана с большим и перспективным размахом заготовительной деятельности, приносившей весьма крупные дивиденды. Не случайно в эти

годы дагестанский потребсоюз неоднократно становился обладателем почетных «трофеев» — переходящих Красных знамен Совета Министров России и ЦК профсоюза работников потребкооперации. Возглавлял дагестанский потребсоюз в те годы известный в республике партийный работник Махач Бижанов, работавший ранее в аппарате обкома КПСС. Не раз приезжали в Махачкалу представители высшего состава из Москвы с довольно-таки приятной миссией — вручения дипломов и знамен. Надо сказать, что Дагестанский потребсоюз уже в те годы имел устойчивые коммерческие связи и с различными странами. Поставлялась шерсть, чеснок, кожа, мясо и т. д.

Основное обвинение, выдвинутое против Нафталиева — хищение государственных средств в особо крупных размерах. Из 28 подсудимых один значился символически: он умер от сердечного приступа еще до начала суда. Сумма хищения по нынешним меркам была незначительной: речь шла где-то о нескольких сотнях тысяч. Но удивляло не это. Хищение есть хищение, хотя в заготовках эта формулировка не всегда бывает точна. В те годы строго придерживались буквы закона. Совершать какие-то неуставные коммерческие операции строго запрещалось. А нарушать «закон», переходить границы дозволенного работникам сферы заготовок приходилось ежедневно и ежедневно. Теперь это называется «работа на доверии». Порой отгружалось сырье на огромную сумму без единой копейки предоплаты. Точно так же работали и со сдатчиками на местах. Сырье от населения принималось в долг. «Секретов» у заготовителей было много. Но о них знали все. Знали, что даже рядовой малограмотный заготовитель сырья, идущий в подворье с мешком за спиной, живет куда лучше именитого профессора. Это было в порядке вещей. Поэтому никто и не удивлялся. Не удивлялись и блюстители законности — сотрудники ОБХСС. А вообще, это ведомство именовалось громко: отдел по борьбе с хищением социалистической собственности. И они, как волки у овечьих отар, посто-

Борис Нафталиев

*Жена Бориса Нафталиева
Вера Бахшиева*

янно «паслись» около заготовителей.

Паслись они, говорят, и около конторы Бориса Нафталиева. И не только около, но очень часто врывались в нее. Понятно, что приходилось «отмазываться», дабы не попасть в волчью пасть, тем более что распутать любую «левую» операцию заготовителей опытному следователю труда не составляло: стоило только копнуть. Все знали, что за-

готовители — народ не безгрешный и умеют делать деньги.

Гром грянул среди ясного дня, когда в его контору наехала чуть ли не армия ревизоров с неплановой проверкой. Теперь он понял, почему обэхээсник не принял у него «мзды». Ревизии пошли одна за другой.

На какое-то время ему удавалось «отбить» эти ревизорские атаки и нашествия. Но только на какое-то. Заготовки — сложная работа. Она требует много черновой работы, многообразия дипломатических подходов, финансовых источников, компромиссов. Она требует, наконец, спокойного тыла. А его у Нафталиева не стало. Он стал похож на шахматиста, вынужденного играть все время в режиме цейтнота. Ревизоры ворошили все. Они знали, что делают: нужно найти «грязное белье». Поднимались отчеты многолетней давности, сверялись счета, квитанции. Он понял, что грозовые тучи над ним сгущаются все ниже и что есть два пути спасения — побег или помощь могущественного покровителя. Но ситуация складывалась не в его пользу. Его дело принимало непредсказуемый оборот. Сейчас трудно сказать, из каких источников его имя попало

вдруг в Отчетный доклад первого секретаря обкома, сделанного им на республиканской партийной конференции. Но оно там оказалось и в весьма негативном контексте. Это, естественно, послужило определенным сигналом для правоохранительных органов концентрировать свое внимание на этой личности. Хорошо известно, что секретари обкомов, а тем более первые, никогда не готовили сами текстов отчетных докладов. Материалы им подготавливали совершенно другие люди.

Но, как бы то ни было, жернова нафталиевского дела закрутились быстрее, вовлекая в свою орбиту виноватых и безвинных людей. Половина из осужденных по делу были люди малокомпетентные в заготовках. Один из них, П., работал до этого рядовым слесарем на заводе. А наматывали ему на всю «катушку» — 10 лет строгого режима. К такому же сроку был приговорен другой молодой человек. К 10 годам лишения свободы прибавилась и личная трагедия — распалась семья.

Многие, кто в свое время общался с Борисом Нафталиевым, хорошо знали о том, что, по его рассказам, он вхож в семью генсека. Речь шла не именно о Леониде Ильиче Брежнев, но о ком-то из членов его семьи. Ни сейчас, ни тогда никто точно этого сказать не мог: были ли в действительности у него эти контакты. Возможно, речь шла о ныне покойной дочери генсека Галине, возможно, просто об одном из близких людей, вхожих в семью генсека. Но в любом случае, эта связь все-таки была. Об этом можно догадаться хотя бы потому, что дело Бориса в брежневскую эпоху находилось «под сукном» а сам он спокойно «окопался» в среднеазиатском регионе.

Но «спокойная» жизнь вдруг была нарушена смертью обладателя бриллиантовой Звезды Меркурия. Внезапно умер Брежнев. Короткое правление Черненко, и на арене появляется суровая фигура бывшего главного чекиста — Андропова, который решил раз и навсегда покончить со всем негативным в центре и на местах, в периферии.

Всем правоохранительным органам было дано строгое задание бороться с коррупцией в любой сфере, со взяточничеством и расхищением социалистической собственности. Даже старые дела пересматривались заново.

Вероятно, осужденный заочно, Борис в столь отдаленных краях и думать не мог, что однажды его схватят и засадят за решетку. А приговор был вынесен: высшая мера наказания.

Но трагедия все же случилась. Его настойчиво искали. Есть разные версии. По одной — в Среднюю Азию была направлена группа из отдела розыска, которая успешно осуществила эту операцию. По другой — на след Нафталиева навели. Кто и когда — остается загадкой. Говорят, что иногда человека выдает инстинкт. Вот это, по некоторым разговорам, и выдало Бориса. Когда один из сотрудников угрозыска по каким-то данным опознал его на улице, то, вроде, громко окликнул его по настоящему имени, на что Борис машинально отреагировал. Этого движения было достаточно, чтобы оперативникам удостовериться в том, что перед ними именно тот, кого они искали.

Прошло много времени. Борис Нафталиев не был ни космонавтом, ни известным писателем, ни популярным киноактером. Но многие из его земляков по-прежнему помнят это имя. В Махачкале на новом еврейском кладбище стоит небольшой мраморный памятник, на котором можно прочесть: «Здесь покоится дух Бориса Нафталиева».

Послесловие

Спустя незначительное время после его поимки, в газетах появилась лаконичная информация — хроника, извещающая общественность о том, что на днях пойман особо опасный преступник Борис Нафталиев. Приговор — смертная казнь, вынесенный Верховным судом, приведен в исполнение.

Шмуэль (Сархан) Симан-Тов: еврей, ставший евреем

Можно значится евреем и не быть им. Можно носить еврейское имя и еврейскую фамилию и не быть евреем — ни по своим поступкам, ни по образу жизни. Еврей — это нечто возвышенное, нечто святое, хотя и среди них находятся отдельные экземпляры, из-за которых потом навешивают ярлыки на всех, поголовно. Шмуэль Симан-Тов — не еврей по Галахе. Его мать — не еврейка. И получается, что Шмуэль — гер, хотя и не совсем так.

Биография этого молодого человека необычна. Близкие и далекие родственники его уже находились в Израиле, когда Шмуэль продолжал жить в родном Баку, уповая на доходы от своего небольшого бизнеса. Он по наивности думал, что его бизнес будет процветать и раскручиваться. Все на первых порах шло, как и предполагал Шмуэль. Но вдруг в одночасье все рухнуло: его обобрали, как сидорову козу, не оставив денег даже на хлеб.

Шмуэль попал в трудное положение. Он стал просить и умолять брата, жившего в Израиле, оказать ему срочную помощь: выслать хотя бы немного денег на пропитание. Но в это самое время судьба свела его с посланцем Израиля — раввином Кишоном, с которым и спас его, но с которым потом сложились не совсем простые отношения, к счастью для обоих, никогда не переходившие во вражду. Жизнь есть жизнь: бывают и праздники, случаются и огорчения, а порой и недоразумения. Иногда даже родной отец перестает понимать своего сына. Теперь, слава богу, все это позади, и рав Кишон остается одним из друзей семьи, для которого всегда открыты двери.

Еврейская история и еврейская святость и духовность всегда привлекали Шмуэля (Сархана) а некоторое время назад он воплотил свою мечту в реальность: в тель-авивском квартале Кфар — Шалем по его личной инициативе открылась новая кавказская синагога. Эту задумку Шмуэль воплотил в жизнь не ради того, чтоб лишний раз похвалиться перед друзьями и близкими. Все это он сделал ради воплощения своей давней и заветной мечты, а еще ради святого и богоугодного дела. У него душа болит и обливается кровью, когда он видит, что некоторые из земляков оторвались от своих корней, не всегда соблюдают еврейские заповеди, обычаи и традиции. А тяжелая олимовская жизнь вдобавок усугубила это положение, и еще больше оторвала этих людей от Всевышнего. Шмуэлю, конечно, тяжело. Надо платить за аренду помещения, проводить уроки Торы, говорить с земляками о значении еврейской религии, а еще противостоять злым языкам, распускающим о нем самые нелепые слухи, что он, Шмуэль, и вовсе не еврей, а чистокровный гер.

Но он не сдается. Он на правильном пути. Его синагога начинает набирать обороты: с каждым днем сюда приходят все больше людей. Трудности не омрачают Шмуэля. Он делает большое и святое дело, и очень горд, что причастен к еврейству. «Лех — Леха» — для Шмуэля не просто красивые слова из Торы. В них смысл и девиз его жизни и его благославление.

На войне, как на войне

Это Семен Елизаров — как в свое время писали различные газеты, кавказский пленник. Плен, разумеется, не санаторий. Это понятно каждому, как говорят, даже дураку. А в общем-то, изумительно-красивое словосочетание: «кавказский пленник». Я многоопытный журналист международного класса, человек, многие годы работавший собственным корреспондентом в этом горячем регионе и уроженец страны Гор, тоже считаю себя таковым — кавказским пленником, как считали себя и великий Михаил Юрьевич Лермонтов, писавший:

*Как сладкую песню отчизны моей
Люблю я Кавказ*

И, как великий старец — граф Лев Толстой, знавший Кавказ не понаслышке. Ведь Человек, не знавший Кавказ, не мог написать повести «Казачи» и «Хаджи-Мурат». Кавказ — это нечто символическое. Это олицетворение мужества и мужественности, гостеприимства и щедрости, а еще и рыцарского великодушия.

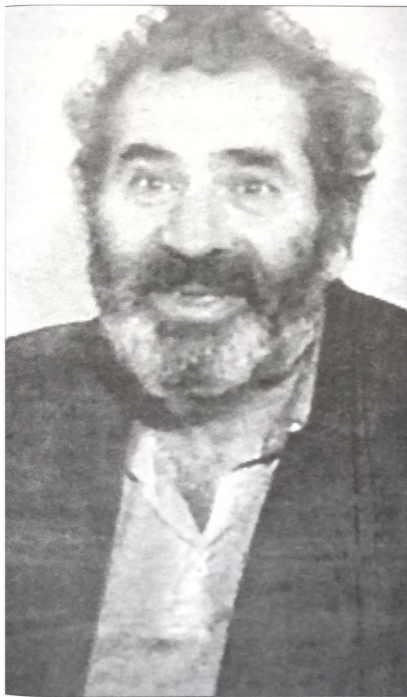
Это правда. Времена меняются. Они изменились на наших глазах. Не зря говорят, что все течет и все меняется. Причем, меняется все: и люди, и природа, и даже взгляд на жизнь. Изменились и мы сами: другие понятия о добре и зле, другие критерии, другие ценности. Но во все времена, даже сегодня в наш меркантильный и экстремальный век, несмотря на все сложности бытия и фронтную ситуацию, всегда остаются неизменными такие понятия, как совесть, доброта, честь и милосердие.

Кавказский пленник... Какая емкая и романтическая фраза, и словосочетание. Горские евреи жили на этой благославленной земле долгие века и даже тысячелетия.

И все они, и каждый из них в отдельности — это кавказские пленники в самом хорошем смысле слова. Я еще был совсем ребенком, когда к нам в дом приезжали с гор высокие и статные мужчины в больших папахах с лихо закрученными гусарскими усами. Не только у нас дома, но даже дальние и близкие соседи знали, что эти люди — кунаки деда Хайвата. «Кунак» — был паролем, визитной карточкой. Я помню с каким уважением в нашем доме относились к этим кунакам: им готовили самые вкусные блюда, им же отводилась и самая ухоженная комната в доме.

Прошли годы. Уже во взрослой жизни журналистская судьба забрасывала меня в самые отдаленные и богом забытые горные аулы и на редкость красивые районные центры. Но, где бы я ни был, обязательно встречал теплый и радушный прием и уважение: еще завидя меня издалека, с почтением поклоном вставали седебородые старцы, сидевшие, как обычно, на годекане, выражая тем самым свою душевную радость и гостеприимство. Скажу откровенно, что при этом я испытывал определенную неловкость и даже стеснение. Но таким был закон Гор и закон праотцев. Да, я испытывал некий дискомфорт: все-таки, старики и так неудобно их беспокоить. А с другой стороны, восхищался этим, древним, как мир обычаем. Не обману, если скажу, что Северный Кавказ, а тем более Дагестан исколесил не один десяток раз. Но никогда не знавал гостиниц, всегда останавливался у своих кунаков. Это считалось оскорблением для горцев, если гость предпочтет гостиницу его жилищу.

Да, я сегодня, как и тысячи моих земляков из племени горских живу на новой родине. Но Кавказ остается в сердце, как прежний дом, и земля, на которой нашли приют и хлеб мои далекие предки в пору своих вынужденных скитаний в печальные и трагические дни разрушения еврейских Храмов. У каждого мужчины — своя судьба: радостная и горькая, крылатая и безнадежная. Судьбу не выбирают, тем более, когда речь идет о войне. Не выбирал ее и Сема Елизаров.

Семен Елизаров

Рассказ о горском еврее Якове Ифраимове, который, победив на муниципальных выборах, вошел во власть. Сегодня он заместитель мэра

По словам самого Якова, род Ифраимовых, к которому он имеет честь принадлежать, один из самых старинных в кавказской общине. В нем, большом и дружном, насчитывается свыше 500 человек. Сегодня многие из них живут в Израиле. И не так давно эта большая родня отмечала в Кирьят-Гате, где живет Ифраимов, две крупные даты: 250-летие рода и 30-летие спортивной карьеры Якова.

Бокс вошел в его жизнь очень рано: ему было всего одиннадцать. Яков пришел в спорткомплекс «поболеть» за своего родственника Евгения Израилова, которого жребий свел на одном из турниров с именитым боксером, 3-кратным чемпионом Европы Лимасовым. И вот уже 30 лет, начиная с того памятного дня, он не расстается с боксом. Был чемпионом Кабардино-Балкарии, победителем турнира городов Северного Кавказа. Кандидат в мастера спорта СССР. Отец четверых детей.

Секунданты, на ринг!

Яков, как и его младший брат Виктор, впрочем, тоже в прошлом перспективный боксер, росли и воспитывались в интеллигентной семье. Родители занимали достаточно высокие должности и, естественно, могли помочь своим детям устроиться в жизни. Но никогда не мешали им выбирать собственную дорогу. Каждый из них шел своим путем. Тот памятный поединок двух великолепных бойцов на большом ринге спорткомплекса в Нальчике на всю

Яков Ифраимов

жизнь врезался в его память. И стал для Якова хрестоматийным уроком. И теперь уже он сам, выходя на ринг, рассчитывал только на победу. И долгих 10 лет эти победы были: он — победитель многих и многих турниров. Но надо думать о будущем. Жизнь есть жизнь: надо еще зарабатывать, приобретать специальность.

Яков выбирает Кабардино-Балкарский университет. Здесь тоже надо было победить. Конкурс на экономический факультет был огромный. Но этот «бой» он тоже выиграл. Учеба и бокс шли рядом. Молодой боксер Яков Ифраимов успешно защищал спортивную честь родного вуза, города и республики.

«Профессор» в боксерских перчатках

23 года назад Яков завершил учебу в университете. Он стал преподавателем политэкономии, работал в кооперативном техникуме и очень престижном тогда техническом училище №12. Тяжело, конечно, было молодому «спецу» сразу после студенческой скамьи работать в таком напряженном режиме.

Но Яков молод, по-хорошему амбициозен, а главное — полон энергии.

И он работает. Но и бокс по-прежнему занимает огромную часть его жизни. Днем — преподаватель, вечером — тренер в спортобществе «Трудовые резервы». И поняв, что со спортом ему уже никогда не рас-

В кругу семьи

статься, Яков еще раз поступает в университет. На этот раз на спортивный факультет по специальности «преподаватель физкультуры». Преподаватель, тренер, снова студент — и все это в одном лице, и в одно время.

Вообще, 1986-й, наверное, — самый везучий год в его жизни. Яков поступает в аспирантуру Московского университета, продолжая свою преподавательскую и спортивную деятельность. Он — счастливый тренер. На его счету сразу три чемпиона России среди юниоров. Среди них — его родной брат Виктор, который стал чемпионом СССР среди юношей. Соревнования проходили в Москве. Виктора включают в состав сборной страны. Но травмы одна за другой преследуют юного боксера из Кабарды. И это перед самыми ответственными соревнованиями. В

судьбу Виктора вмешиваются хирурги, ошибка которых чуть не стоила парню руки: это был очень тяжелый момент в его жизни. А на счету Виктора уже было 57 боев. В 56 из них он стал победителем.

Солнце светит всем

Пути Господни неисповедимы. Не думал, не гадал Яков, что в его жизни произойдут крутые перемены. Случилось это 14 лет назад. А незадолго до этого он с братом Виктором открыл один из первых в республике кооперативов. Казалось, все хорошо. Но однажды неизвестные разграбили и разгромили все цеха и оборудование. Видимо, это кому-то сильно мешало. И тогда Яков понял, что ждать чего-либо хорошего уже не приходится. Именно тогда семейный совет вынес решение — ехать в Израиль.

Первым городом, который принял большую семью Ифраимовых, стал Ришон ле-Цион. Яков становится рабочим завода «Амраз». Он теперь оле-хадаш.

Главным же городом в его олимовской судьбе становится Кирьят-Гат. За год Яков объездил чуть ли не всю страну. И предпочтение было отдано этому небольшому, но очень уютному местечку, так похожему на его родной Нальчик. Знакомство с городом он начал с муниципалитета. В отделе спорта ему обещали помочь. Но обещанного, по неписаному закону, ждут три года. Так случилось и здесь: почти весь спортивный инвентарь пришлось делать своими руками. Вместе с ребятами, пришедшими учиться боксерскому искусству, делали настенные подушки из старых матов, боксерские «груши» и многое другое. Главным событием для братьев Якова и Виктора стало создание спортивной амуты «Кохав Давид» («Звезда Давида»). Впрочем, это было вехой не только в их жизни, но и для всего города. Даже чисто символическая плата за обучение позволила упрочить материальную базу. Новое дыхание обрела специализированная школа бокса. Открылись секции волейбола, настольного тенниса, каратэ, кунфу, ушу, художественной гимнастики, велоспорта, баскетбола и т.д.

И дольше века длится день, или откровенная беседа с Алексом Шапиро

Его я впервые увидел в кавказской синагоге на старой Тахане Мирказит в Тель-Авиве. Сюда на свое очередное собрание пришли писатели общины — поэты, прозаики и любители литературы. Молодой, энергичный, с довольно привлекательной наружностью, он сразу же привлек к себе внимание и расположение. Он сказал, что знает о проблемах общины не понаслышке, а непосредственно находясь в тесном общении с людьми, ежедневно испытывающими эти трудности. А еще он говорил о том, что литература всегда была передовой частью культуры и ее двигателем. Обещал свое активное участие в жизни и деятельности кавказских писателей.

А уже через неделю-другую мне довелось встретиться с Алексом Шапиро (Сулиманом) непосредственно на рабочем месте — в офисе всеизраильского объединения выходцев из Азербайджана («Кавказ»). Несмотря на занятость он по существующей кавказской традиции оказался гостеприимным хозяином: уделил время для нашей беседы, которая продлилась довольно долго и была без преувеличения на редкость интересной и содержательной.

По старой кавказской традиции и по неписанным горским законам человека, который тебя интересуется можно расспрашивать только на третий день. Но, учитывая, что мы находимся в другой стране и этого времени на вопросы нет я сделал отступление и не стал придерживаться строгих горских правил: все расспросы начал, как говорится, с жару и пылу.

Алекс Шапиро

Кто ты родом, откуда ты?

Оказалось, что Алекс Шапиро родился в солнечной Грузии. Ему всего 39. Он юрист по образованию. Учился в Москве и там же работал. Все-таки на свете есть счастливики и, наверное, Алекс один из тех немногих, хотя бы потому, что получил в жены не без помощи Всевышнего красивую горячоку с библейским именем Хана, которая оказалась тоже ... юристом. Сегодня эта счастливая пара воспитывает двух будущих защитников родины — двух маленьких красавцев которым 4 и 11 лет. Его репатриация была не совсем обычной, как у всех. Алекс всегда был творческой натурой. И хотя он был юристом по образованию, искусство всегда оставалось его стихией. И он, жертвуя своей юридической карьерой, пошел в продюсеры, международного бизнес-шоу. Правда, работа была интересной и он ушел в нее с головой. Кроме деловых встреч, было много поездок и по стране, и по зарубежью. И, как всякий коммуникабельный человек, Алекс быстро обрстал новыми друзьями и новыми соратниками по совместной работе. Были эти друзья и в Израиле. И вот 10 лет назад будучи в одной из загранкомандировок, а точнее, на очередных гастролях, он принял неординарное и очень мужественное по тем временам решение: Алекс решил остаться на земле обетованной. Это было, как в каком-то удивительном сне: все ново, все необычно — и жизнь, и люди, и события, активным участником которых он вдруг стал.

Всеизраильское — значит надежное

Годы, как птицы: десять лет жизни пролетели так быстро и так незаметно. Но по роду своей работы и так просто общаясь с репатриантами — выходцами с Кавказа, Алекс располагал многочисленной и точной информацией, говорившей о том, что в этой среде великое множество проблем. У

него хватало своих. Но при любой встрече он внимательно и терпеливо выслушивал каждого. И он не просто выслушивал, он по мере своих возможностей и времени подключался к чужим проблемам не ради какой-то похвалы, а в силу своего характера и в силу своей милосердности. «Цыганская» почта начала неумолимо срывать: к нему стало обращаться за помощью великое множество людей. И как бы само по себе возникла срочная потребность в создании подобного объединения выходцев из Азербайджана, которое Алекс Шалиро сегодня возглавляет.

Так, для чего, или точнее, для кого оно создано? По некоторым подсчетам любителей статистики, в Израиле проживают около 50 тысяч бывших граждан Азербайджана.

Алекс Шалиро с женой и сыном

на. И оказалось, что особенно много всевозможных проблем у репатриантов 90-х годов. Это проблема работы, машинисты, учебы и различных конфликтов на рабочих местах — злостная неуплата в срок зарплаты, незаконные увольнения и многое другое.

А кроме этого есть другая, ежедневная черновая, которая требует не только времени, но и хороших и квалифицированных знаний. Это налаживание прямых контактов с правительственными и общественными структурами, работа над новыми проектами — социальными и образовательными, это выход на диаспору. Здесь, разумеется, один в поле — не воин. И Алекс Шапиро собирает команду. И в ее состав он включает опытных социологов, инженеров, педагогов и людей из мира творчества: актеров и писателей, ученых и общественных деятелей. Вот несколько имен из числа тех, кто сегодня активно помогают своему председателю. Это, в первую очередь, Ифтах Нисанов, это и супруга Алекса Хана которая частенько подключается к общественной работе. А ведь у нее есть и свое дело, а еще она мать: надо найти время для малолетних детей.

Ришон — Баку — далее везде

И опять возвращаюсь к сказанному: в Израиле живут почти 50 тысяч бывших граждан Азербайджана. Это огромная цифра, особенно, если учесть, что всего в стране 100 тысяч горских. Но это не означает, что все горские евреи живут сегодня в Тель-Авиве и Ришоне, Афо и Лоде. Еще достаточно много людей из общины живут в диаспоре: в Дербенте и в Москве, Нальчике и Пятигорске. Среди них есть много деловых и перспективных людей, которые могут быть полезными всей общине и в частности в самом Израиле.

Алекс наводит эти мосты дружбы не только в границах «великого» Израиля. Наводит он их и в самом Баку, куда в канун Дня независимости ездил для встреч с горской общиной и видными общественными деятелями. Все это проводилось по линии народной дипломатии.

Академик Юрий Алхазов: похвальное слово чаю

Знакомьтесь: академик Юрий Алхазов. Долгие годы жил и работал в солнечной Грузии. Всю свою научную деятельность он посвятил одному единственному делу — чаю. И надо сказать, что на этом поприще добился весьма внушительных результатов. Вот уже несколько лет, как ученый — чаевод живет в Израиле. В мере своих сил и возможностей старается быть полезным гражданином своей новой родины — еврейского Отечества. И также по мере своих сил и возможностей остается ярким пропагандистом и поклонником этого целебного напитка, который именуется коротким словом «чай». Итак, послушаем, что говорит о нем академик Юрий Алхазов.

На свете много различных напитков — прохладительных и целебных. Каждый по своему хорош. Но с чаем не может сравниться ни один из них: его знают на земном шаре миллионы людей. Не случайно чай называют эликсиром жизни и хорошего настроения. Не вызывают сомнений и его лечебные свойства. Именно чай вносит в нашу ежедневную жизнь бодрость и даже радость. Чай — высокотонизирующий целебный напиток, хорошо действующий на организм человека при сердечно-сосудистых, гипертонических, хронических заболеваниях, лучевой болезни и гепатитах. Он укрепляет стенки кровеносных сосудов, оказывает благоприятное воздействие на организм человека, весьма активно действуя при болезни почек. Но есть у чая еще одно достоинство: его употребление дает возможность легко переносить даже сильную жару. О достоинствах чая можно говорить до бесконечности. Этот напиток ежедневно употребляет более двух третей человечества. По данным продовольственной комиссии ООН в этом тысячелетии его употребление возрастет во всех странах мира.

Юрий Алхалов

Современному человеку надо быть очень мобильным. Для этого нужен стимулятор. И одним из главных естественных стимуляторов является, конечно, чай. В нем есть все, что может подстегнуть нашу работоспособность, без каких-либо вредных последствий. По данным американских исследователей, у людей регулярно употребляющих чай, значительно сокращается риск сердечного приступа. Он же предохраняет мозг и сетчатку глаза от всевозможных кровоизлияний. Есть неписанный закон, которого придерживаются большинство японцев: в день надо выпивать не менее 10 чашек зеленого чая. Этот напиток очищает мозг и тело. Существует официальная медицинская статистика: люди, употреблявшие в день более 10 чашек этого целебного бальзама, жили на 5-7 лет дольше тех, кто этого не делал. В жаркое время года, людям, страдающим гипертонией, надо пить слабо настоенный зеленый чай. Это гораздо лучше утоляет жажду, чем вода. Японские ученые утверждают, что зеленый чай ликвидирует в организме человека вредное влияние стронция, который разрушает костный мозг и вызывает лейкемию, то есть белокровие. В Китае чай эффективно используется, как лекарство против лучевой болезни. Институт чая разработал лекарства, в основе которого лежит экстракт чая. На международном симпозиуме, который проходил в Ханжоу, китайский ученый Чень Дунь предложил пить исключительно зеленый чай, в момент просмотра телевизионных программ. Этот напиток, по его мнению, нейтрализует вредное воздействие радиоактивного излучения, идущего от экрана.

По данным тех же японских ученых, чай полезен для сердца, его настой оказывает благоприятное воздействие на стимуляцию желез внутренней секреции и препятствует возникновению рака. Согласно последним медицинским исследованиям, крепкий настой зеленого чая используется при лечении сердечно-сосудистых систем, рака, диабета, атеросклероза, бронхиальной астмы, язвы желудка и различных невродов, псориаза, отложения холей. А, как утверждают австралийские ученые, чашка чая может стать новым оружием против рака кожи.

Гаврил Михайлов: кубинец, которому не суждено было стать героем СССР

Ему было всего восемь, когда в 1933 году в Баку умирает мать., и, чтобы как-то облегчит жизнь мальчику (дабы не остался беспризорным), его определяют в Детдом. А потом был грозный 1941-й. И военный комиссариат, несмотря на очень юный возраст, мобилизует Гаврила на работу в тыл, а точнее, на армейский склад, по сопровождению железнодорожных составов на фронт. За время своей службы Гаврилу Ефремовичу до-

велось побывать на линии сразу четырех фронтов. В первый раз он попал в район Южно-Сталинградского направления. А второй раз он попал уже на границу Балтийского фронта. Здесь Гаврилу не повезло: он был ранен в голову. А дело было так. Он находился на крыше одного из вагонов в полной воинской экипировке: автомат в руке, рядом пулемет, а еще в придачу и граната за поясом. Вдруг откуда ни возьмись немецкий самолет. Еще минута — бомбы стали разрываться совсем близко от нашего эшелона. Такое было не впервой: я сразу же, не растерявшись открыл огонь из автомата-, рассказывает Гаврил Ефремович. На крышах других вагонов наши ребята из охраны поезда делали тоже самое. Немецкий летчик, видимо, срейфил: резко взметнул вверх под облака. В

этом неприятном эпизоде я получил сразу четыре осколочных ранения. Но, видимо, в горячке боя не заметил этого, а вскоре потерял сознание.—Так и лежал Гаврил Михайлов на 40 градусном морозе, обливаясь кровью, пока состав не вышел из опасной зоны обстрела. За несколько лет войны, удивительных приключений на этих дорогах жизни и смерти Гаврил Михайлов познал великое множество.

И это очередное тоже произошло с ним в районе Тихорецка. Немцы рвались к Сталинграду... А Гаврил Ефремович в очередной раз сопровождал вместе с другими ребятами эшелон с военным грузом. Вдруг он заметил вражескую легковушку, из которой открыли сильный огонь по составу. Опытный Михаил не растерялся и на этот раз дал автоматную очередь по машине., а когда она резко затормозила, рванул в нее несколько «лимонок». Машина загорелась. В этот самый момент эшелон шел на подъем. Скорость была черепашьей. О том, что было дальше рассказывает сам Гаврил:

— Я спрыгнул с вагона и на всех «парах» побежал к горевшей машине. И не поверил своим глазам: на заднем сиденьи я увидел сразу трех генералов. Они были мертвы. Я мгновенно открыл дверцу, и вытащил одного из них наружу. При нем я обнаружил большую полевую сумку, которая, как выяснилось потом, оказалась весьма ценной находкой. Настолько ценной, что по некоторой информации меня представили к званию Героя. Уже потом через много времени после этого памятного события, Гаврил Михайлов набрал мужества и обратился в Отдел кадров министерства обороны Союза ССР и даже в В Президиум Верховного Совета. Шел холодный январь 1942 года. Страна находилась в отчаянном положении. Тогда мало кто думал о каких-то наградах, даже о самых высоких. Но ответ на свои запросы, Гаврил, все-таки, получил. Ответ был предельно лаконичным: Гаврил Ефремович Михайлов в списке Героев Советского Союза ... не значится. Вот такая печальная, а лучше сказать, досадная история вышла с горским евреем из Кубы. Все бы ничего. Бог

Гаврил Михайлов

с ней, с этой Золотой Звездой. Только наказали его дважды. До сих пор, когда после войны прошло уже без малого 60 лет, Гаврил Ефремович не получил удостоверения участника войны. И куда только Гаврил Михайлов не обращался по этому поводу, еще живя там, в Баку. Обращался он в разные инстанции и в Израиле Писал в комитет участников и инвалидов Великой Отечественной.

Гаврил Михайлов уже не мечтает о Золотой Звезде Героя. Ему бы получить хотя бы статус фронтовика. А на счет Героя он некоторое время назад получил еще одно письмо из одного компетентного органа России, в котором говорилось, что в виду давности лет никто в настоящее время не занимается вопросом относительно присвоения высших правительственных наград.

«Большой» факир по имени Орен, который восхищает зрителей, и которому всего одиннадцать

Израильское телевидение, особенно такие популярные передачи, как «Аруц-2», «Халамот Беакиц» и «Мильшек» не очень балуют своим вниманием что-то рядовое и посредственное, если этот человек не представляет особого интереса для широкой публики в масштабе всей страны. В свое время, шестилетний Орен этот интерес вызвал сразу по двум причинам: ему было всего три, когда он всерьез стал заниматься таким сложным видом единоборств, как каратэ.. И одновременно с 3-х летнего возраста он делает феноменальные успехи в другой, почти экзотической сфере: Орен — факир.

Гений каратэ

Сыновья должны идти дальше, чем их отцы. Видимо следуя этой поговорке, известный каратист и неоднократный чемпион Израиля Виктор Рабаев доволен успехами своего сынишки: его богатому техническому арсеналу и его уверенным схваткам на татами. На философский вопрос: «Ты хочешь стать чемпионом, как папа, или просто сильным человеком?» Орен многозначительно отвечает: «Хочу стать и чемпионом, и сильным».

На разбитых стеклах, как на вате

Что и говорить, израильское телевидение любит сенсации. Как говорили древние, ради одного мудрого слова, можно обойти три моря. А ради одного сенсационного материала, тем более. Здесь же и надобности в хождении нет: сенсация дома. И демонстрирует ее маленький Орен Рабаев. Вот уже свыше 20 лет факирские «показы его отца не оставляют никого равнодушными. Точно также не оставляют равнодушными и «показы» Рабаева — младшего. Маленький факир на глазах у многочисленной публики демонстрирует нечто фантастическое, приводя некоторых зрителей чуть ли не в шоковое состояние. Вот Орен с довольно приличной высоты прыгает на кучу разбитого стекла. Это зрелище, конечно, не для слабонервных. А для некоторых непосвященных — это всего-навсего острая зрелищная картинка.. И мало кто знает, что у каждого факира своя особая наука: много значит настрой тела на встречу с болью. Обычно говорят: глаза боятся — руки делают. Факир и страх — понятия не совместимые. А вот и очередной прыжок. Мальчик летит вниз...на стекла. На его лице нет и тени какой—то боли. Напротив, на его лице —улыбка. Среди других номеров, которые пользуются особым успехом у поклонников этого удивительного факира -лежание и хождение по разбитым стеклам.. Еще в древности люди обращали внимание не только на физическую подготовку воина, но и на

его духовную стойкость. Факир, в определенном смысле, воин. Он должен обладать сильной волей. Именно эта воля помогает маленькому Орону быть и спортсменом, и факиром одновременно.

Особая наука

Факирство — это особая наука. И оно не терпит подражательства. Да и подражать в этой области невозможно: факир-это человек личных возможностей и личного потенциала. Причем, у каждого чего-нибудь стоящего из них — своя магия и своя технология. Отец и сын

Рабаевы, в этом смысле, работают в унисон. Как правило, факирские «показы» — это театр одного актера.. Виктор и его сынишка Орен, в корне поломали эту традиционную установку. Может быть, впервые в мировой практике два факира выступают в одной сольной программе. Хотя, конечно, у каждого из них есть и свои отдельные номера, Тем не менее, специально для Гиннеса ими подготовлен уникальный совместный номер. Он придуман самим папой. В нем сколько зрелищности, столько и риска; В мировой практике это первый случай, когда нового рекорда боится сам Гиннес. А Виктор Рабаев — неоднократный чемпион Израиля по каратэ и обладатель «черного» пояса 4-й ДАН, самым решительным образом нацелен на вхождение в Книгу рекордов вместе с Ороном.. Маленький факир шлифует свой коронный номер : хождение по лезвию сабли, еще и еще раз демонстрируя бойцовский характер и кавказское мужество.

Случайность, ставшая делом жизни

Среди горских евреев — репатриантов и старожилов — деловых людей в гуманитарной сфере можно сосчитать, как говорится, по пальцам одной руки. Их почти нет.

Вадим Ефремов, пожалуй, единственный человек, занимающийся такой деятельностью. И в этом повинен его величество Случай. А приехал молодой кавказец на землю предков, когда ему было всего 13 лет. Приехал, шутка ли сказать, из самого горячего на сегодня региона — из Грозного, из Чечни.

И что удивительно: как правило, горские евреи выбирают себе профессию, идя по стопам предков, семейных традиций, а в данном случае все получилось как раз наоборот. Было и ремесло, которым занимались многие по-

Вадим Ефремов

колениа в семье, которым можно было и себя прокормить и традицию продолжить, но наш герой выбрал иной путь

— Вадим, вы когда-нибудь, хотя бы в мыслях, мечтали стать издателем?

— Честно говоря, никогда. Не было таких людей у меня и в роду. И я был далек от такого ремесла. Все получилось, как это бывает в жизни, по воле случая.

— А с чего все началось?

— А началось все, как это ни странно, с армии, куда я был призван на действительную службу. Это был штаб армии, который имел в своем распоряжении приличную типографию. К сожалению, находилась она в довольно плачевном состоянии. Здесь было царство хаоса и беспорядка. К большому стыду, солдаты, зачисленные в штат типографии, работали безалаберно, варварски относились к оборудованию и даже ломали станки, чтобы типография простаивала, а они тем временем могли получить отпуск домой. Начальство поставило передо мной на первых порах одну-единственную задачу: навести в полиграфическом хозяйстве порядок. На службе как на службе: сказано — сделано. Были конфликты, дело доходило даже до очень приятных разборок с подчиненными. Но мало-помалу ребята поняли, что для их пользы лучше хорошо работать, чем зарабатывать неприятности. С армией шутки плохи. Так и началась моя полиграфическая карьера.

— А после армии ничего другого не было? Сразу же издательское дело, полиграфия?

— Нет, не сразу. Был свой бизнес, магазин. Я торговал продуктами. Вроде наладил дело. Но житейские обстоятельства так сложились, что мне надо было свернуть свой бизнес. Я долго сопротивлялся, но, к счастью, в конце концов понял, что лучше быстро принять разумное решение и ретироваться, чем вступать в необъявленную и непредсказуемую войну.

— И что было потом?

— А потом вдруг я вспомнил о своей армейской специальности, вспомнил о типографии. Решил открыть свое маленькое полиграфическое хозяйство «Экстра-Даф».

— Вадим, сегодня в Израиле немало издательских центров. И тем не менее твое издательство популярно в среде новых репатриантов — писателей и журналистов. В чем секрет?

— Секрет один: в умении общаться с людьми и в умении продавать свой труд. Сегодня мне работать гораздо легче, чем, скажем, 13 лет назад, когда я впервые открыл производство. Объясню почему. Еще не было большой алии, а значит, гораздо меньше было и русскоязычных заказчиков, хотя я и сегодня не делаю ставку только на этих людей. Среди моих заказчиков с самых первых дней значится большое количество коренных израильтян, которые сотрудничают со мной в течение ряда лет. Главный же секрет успеха — высокое полиграфическое качество при довольно умеренной оплате, а также партнерство, этика и достаточно высокая культура обслуживания заказчиков. Все это вместе взятое и определяет наш производственный успех.

— С какими интересными моментами связана ваша издательская деятельность? Были ли какие-то попытки совместить ее с выпуском, например, какого-то самостоятельного издания, имеющего израильский или даже международный статус?

— Такой момент в моей жизни был. И даже не один. Я был издателем израильского дайджеста мировой печати на русском языке. Издание было довольно солидное по тем временам — 48 страниц. Оно было очень и очень популярным и можно было бы зарабатывать на «хлеб с маслом», но погубила неопытность на газетном рынке. Газета шла, но проблема была с распространением. Оно обходилось в копейчку. И кроме того, материальная подпитка оказалась не очень стабильной. Не среагировал я вовремя и на необходимость рекламы, которая могла бы существенно пополнить нашу издательскую копилку. Поэтому удалось продержаться всего 6 месяцев. Но урок я получил отменный. Сегодня я уже знаю, что к чему, хотя большого желания открыть что-то подобное сейчас у меня нет. Как говорится, поживем — увидим.

Театр кавказской песни, в котором есть место всем

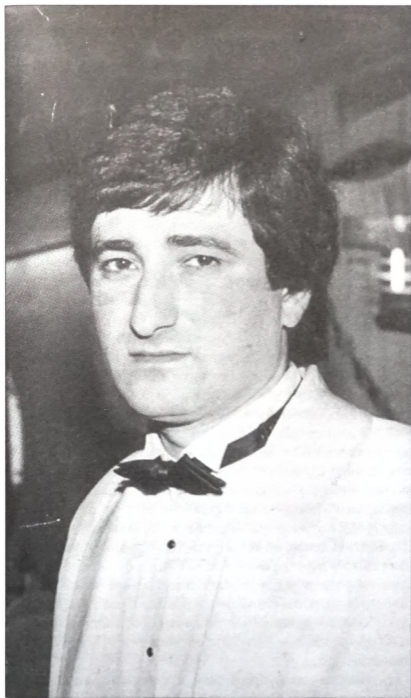
75 лет назад Совет национальностей при ЦИК СССР провел в Москве первый Всесоюзный съезд по вопросам культурного строительства горских евреев Кавказа. На этом памятном форуме выступила и Надежда Крупская — жена и соратница Ленина. Она говорила о роли культуры в национальной политике. С того самого памятного дня в жизни горских евреев Кавказа произошло много интересных и судьбоносных событий. Так получилось, что через 75 лет после этого съезда большая часть горских евреев оказалась на земле предков. И среди тех, кто приехал сюда, известные певцы и музыканты, общественные деятели и люди большой науки. В этом списке престижных имен, и популярный певец Сергей Ильясафов — удивительный маэстро кавказской песни, который хорошо знаком большой армии поклонников восточного искусства.

Крылья для начинающих

Что же такое на сегодня театр кавказской песни Сергея Ильясафова? Уже само слово театр, говорит о многом. Театр — это всегда праздник. А в театре песни эти праздники особые. И дарит их людям сам Сергей. За годы жизни в Израиле, он уже десятки раз изъездил всю страну вдоль и поперек. Десятки, сотни концертов на самых различных мероприятиях — общинных Вечерах и встречах, посвященных еврейским памятным датам — таков напряженный ритм работы этого неуываеаого певца. И, как правило, на каждой встрече дебют и рождение новой песни и представление давно забытых, которые когда — то исполняли на свадьбах наших отцов и дедушек.

Театр кавказской песни Сергея Ильясафова кроме произведений современных авторов, пишущих для эстрады, включает в свой постоянный репертуар и народные песни в их чистом виде. Речь, как вы правильно догадались, идет о фольклорном жанре. Его многогранная и титаническая работа в этом направлении всегда была связана с содружеством с людьми, своего рода коллекционерами старины и знатоками народного творчества Сергей не только собирает эту старину. Он дает этим произведениям вторую жизнь, выводя их на современную интерпретацию и звучание. Кроме того, он собирает еще и талантливых молодых исполнителей, которые могли бы дать этим песням новую путевку в жизнь. Интересно то, что Сергей включает эту старину не только в репертуар кавказских певцов. Он обязательно включает их и в репертуар восходящих звезд израильской эстрады. Пример тому есть. Это Дани Табо. Но он не единственный певец талантливо делающий подобные пробы. Это говорит о многом. Это уникальное явление соприкосновения и партнерства двух культур, имеющий большую просветительскую перспективу.

Но театр песни Сергея Ильясафова - это не только праздник. Это еще и кропотливая работа по нахождению и поиску песен старины, а еще и по выявлению молодых талантов. Как опытный продюсер, Сергей отлично понимает, что начинающий певец не только нуждается в материальном плане, но ему нужна еще и помощь в продвижении и в создании положительного имиджа, в пропаганде артистического имени. Сергей хочет дать одаренным от природы ребятам, крылья, свою поддержку. Он записывает их песни на диски в своей студии Театр песни, на то он и театр, что работает мобильно, привлекая к содружеству не только молодежь, но и всех талантливых людей, независимо от возраста. Это гостеприимный культурный центр, двери которого открыты для всех, кто хочет приблизиться к миру искусства и творчества.

Сергей Ильясафов

Джумшуд Ашуров — композитор, которого благославил великий Узеир Гаджибеков

Наверно, мало, кто умел так прекрасно и с таким вдохновением играть на кеманче и таре, как это умел делать музыкант от Бога Джумшуд Ашуров. Это было его призванием. Великолепной игре на этих национальных инструментах он научился в очень раннем возрасте. Его восхождение, как музыканта, тоже началось очень рано. В 1931 году Джумшуд заканчивает Дербентское педагогическое училище. И эта дата становится для молодого человека началом большого пути в его творческой карьере и песни. Его плодотворная работа в этих областях не осталась незамеченной. На его дарование обратило внимание правительство Дагестана. Одаренного композитора командируют в Москву на учебу по совершенствованию своего профессионального мастерства. Ему повезло. Он попадает к весьма известным педагогам — к профессорам Г.Литинскому и Е.Меснеру. А спустя два года, уже в 1937 Джумшуд Ашуров возвращается в родной Дербент. И сразу же приступает к большому делу: организует государственный национальный ансамбль. При этом творчество у него остается на первом плане. Он пишет музыку к спектаклям азербайджанского драмтеатра. Особенно удачной получилась работа над музыкальным оформлением популярной комедии «Пятирублевая невеста».

Возможно это и привлекло к нему внимание такого маститого композитора, как Узеир Гаджибеков, который известен миру, как автор прекрасных песен и чару-

ющих мелодий, написанных им к спектаклю «Аршин — мал-алан», который вскоре приглашает своего молодого коллегу для продолжения творческой работы в Баку. Жизнь и работа в этом замечательном городе проходила в атмосфере благожелательности и большого творческого накала. Джумшуд участвует здесь в национальном конкурсе на современную песню. И вот

Джумшуд Ашуров

еще одна победа: его произведения получают вторую престижную премию. Союз композиторов награждает его путевкой в Москву — на специальные курсы по повышению музыкального мастерства. По возвращению на родину, Джумшуд Ашуров вновь возвращается к сочинению музыки к спектаклям и участию в различных фестивалях. Но по особому его талант раскрывается в написании лирических песен. В этом смысле, песня «Гюльбоор», написанная им в творческом содружестве с поэтом из Дербента Сергеем Изгияевым, вывела его на орбиту всемирной славы и признания. Она как бы стала венцом его творчества. Хотя прошло много лет, эта песня не стареет. Она стала песней многих поколений, и настоящим музыкальным памятником Джумшуду Ашурову — полпреду национального искусства.

Саадия Пейсахов: меня спасла музыка

Песню «Чукле балалей ме» в исполнении Саадия невозможно слушать без трепетного волнения. Она стала как бы визитной карточкой ансамбля «Экстра», которым этот человек руководит уже многие годы. Это правда, впервые широко и многогранно кавказская музыка была представлена в Эрец Исраэль именно этим репатриантом из древнего Дербента, а теперь уже и ватиком, и музыкантом высокой пробы. Этот человек, имя которому Саадия Пейсахов — истинный носитель и знаток культуры горских евреев, с первого дня своего приезда на родину предков, давно стал неутомимым пропагандистом и посланником песенного и музыкального творчества маленького этноса. Это уже потом, спустя годы, новое поколение одаренных певцов и музыкантов, как знамя принимало эту эстафету из рук в руки. Прошло много лет, но и сегодня он, Саадия продолжает служить его величеству Песне, и красивым, и понятным языком музыки рассказывает израильской публике о себе и о Времени. Он пристрастился к музыке не в день своего приезда в Израиль. Несмотря на молодость, Саадия был известным музыкантом еще на родине исхода. Но приехав сюда и попав в трудное положение, он не бросился в горячке подметать улицы, хотя и в этом ничего зазорного нет. Он не оставил музыку, хотя зарабатывал на хлеб на другой работе. Да он и не мог с такой легкостью оставить это дело и этот мир искусства: слишком прочными были эти творческие узы. Саадия тесно сотрудничал с такими корифеями музыки на Северном Кавказе, как Джумшут Ашуров и Саади Заманов, чей семейный ансамбль не раз становился победителем громких фестивалей. И тот, и другой активно сотрудничали с гор-

ско-еврейским театром, в Дербенте, в котором Саадия работал аккомпаниатором. В основном, театр ставил музыкальные комедии, поэтому работы по творческой части у него хватало.

Приход Саадия в театр не был случайным: когда-то в этом самом коллективе играла его мать. Жизнь молодого

Саадия Пейсахов

аккомпаниатора была не из легких. Театр постоянно выезжал с гастрольями по городам Кавказа. Они были в Баку и в Нальчике, Грозном и в Махачкале, Кубе и в Буйнакске. Работа в театре научила его ценить время и строже относиться к творчеству.

Первым музыкальным коллективом, который создал, и, которым стал руководить Саадия, был вокально-инструментальный ансамбль «Карнавал». Он был его первой визитной карточкой на новой еврейской родине. Как и много лет назад, основным местом встреч с любителями и поклонниками народной музыки и песенного фольклора, остаются общинные Вечера и всевозможные фестивали искусств. Но, как и прежде, выходцы с Кавказа, да и не только они, рады видеть ансамбль Саадия на своих семейных праздниках.

Принято говорить о творческом везении. В этом смысле, Саадия очень везучий человек. Уже упоминалось о его творческой дружбе с композитором Джумшудом Ашуровым и великолепным Саади Замановым. В этом ряду и ныне покойный Абрам Авдалимов — заслуженный работник культуры, художественный руководитель еврейского народного театра и талантливый артист. Он был еще и колоритным певцом. Абрам никогда не пел под фонограмму, как это делают некоторые звезды современной эстрады. Он всегда пел вживую, каждый раз демонстрируя класс и артистическое мастерство. Работать с ним, как с исполнителем и, как партнером по сцене, было одно удовольствие, говорит Саадия

Как и у всех артистов и певцов, у Саадия Пейсахова тоже когда-то был свой первый дебют. Это случилось ровно 40 лет назад, в далеком 1964 году. Это был вседагестанский молодежный фестиваль песни и музыки. Саадия тогда впервые исполнил, ставшую потом знаменитой песню «Гюльбоор».

Хануко Илизаров: разговор с гармонью

Откуда берутся удивительные люди: одаренные поэты, музыканты-самородки, великие певцы и танцоры? Кто вселяет в них это особое и таинственное сокровище по имени талант? Наверное, Всевышний. Один из тех, кого Всевышний одарил этим сокровищем живет сегодня в Ор-Акиве. Зовут его Хануко Илизаров. Он — музыкант — самородок, которого в Красной Слободе (Куба) зна-

ли от мала до велика. Годы берут свое, а когда-то ему не было равных по виртуозной игре на гармонии, баяне и многих других музыкальных инструментах. Его пальцы, словно быстролетные птицы переходили с одного клавиша на другое, услаждая слух земляков сочными мелодиями восточной музыки.

Лауреат многих музыкальных конкурсов и престижных фестивалей, Хануко некогда не бравировал и не кичился своим мастерством и всегда оставался простым и доступным человеком. Его звезда взошла еще в том далеком 1951 году, когда Хануко стал лауреатом Первого национального фестиваля народной музыки. Его знали не только в Азербайджане, но и во всем Закавказье.

Малка Гейш Илизарова, мать Хануко

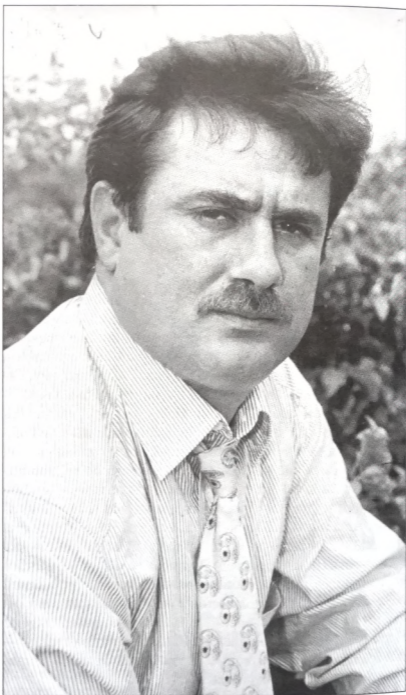
И, все-таки, откуда этот талант у этого музыканта и оригинального певца? Оказывается, Хануко Илизаров родом из редкой династии творческих людей. Удивительной гармонисткой в довоенные годы была его мать — Малка-Гейш. Отец Мордехай был прекрасным знатоком мугама, и человеком, которому были подвластны почти все национальные инструменты. В Красной Слободе не было семейного торжества, в котором бы не принимала участия эта супружеская пара. Но их творческая деятельность не ограничивалась только Красной Слободой. Они были желанными людьми на всех семейных праздниках в Баку и в Дербенте, в Хочмасе и в Кировобаде. Все это было давно, но людская добрая и благодарная память сохранила эти незабываемые праздники, которые дарили землякам родители Хануко. И радостно, что эта творческая эстафета передается в этой благославленной семье из поколения в поколение. Сегодня эту творческую вахту несут уже молодые: дочь Хануко Тереза и внуки — Хануко и Руслан, живущие в далекой Америке. Как говорится, музыка не знает границ и расстояний.

Шалум Пинхасов: свидание с песней

Сегодня вряд ли найдется человек, который станет отрицать, что певцом надо родиться. Но при этом, в жизни каждого певца есть, наверно, человек, благодаря которому этот божий дар получает свое продолжение. Одним словом, этот человек открывает певца миру, слушателям и поклонникам песни.

Такой человек был и у Шалума. И он с благодарностью вспоминает о нем, хотя его уже и нет давно в живых.. Этот человек — Гена Гилядов, который сам когда-то был не плохим музыкантом. Но еще больше он был прекрасным организатором, человеком, который был влюблен и предан музыке и песне своего народа. Благодаря ему, Гене Гилядову, и были созданы в Дербенте два вокально — инструментальных ансамбля. Один из них назывался «Визит» Это был настоящий професстональный коллектив, в котором пятнадцатилетний Шалум состоялся, как певец. Концертная деятельность ансамбля была, воистину масштабной : одни гастроли сменяли другие, а небольшие Дома культуры просторными эстрадными площадками. Ансамбль давно перешагнул границы Дербента. Популярная в те годы песня «Уголок России», стала как бы его визитной карточкой. А спустя годы, он оказался в другом, более престижном и более солидном творческом коллективе. Это был коллектив Краснознаменного ансамбля песни и пляски Северо-Кавказского военного Округа. Первая встреча с его художественным руководителем — Александром Тютюниковым произошла прямо на призывном пункте в Махачкале.

А потом уже пошла армейская служба и творческие гастроли по городам и столицам Северного Кавказа, по во-

Шалум Пихасов

инским частям и гарнизонам . Шалуму повезло : с гастролями армейский ансамбль побывал и в родном Дербенте. Репертуар у молодого певца был чисто восточный, с кавказской примесью, но он не ограничивался только этим — пел песни народов мира. Песня на то и песня, что не знает языковых, или иных барьеров. В его программе постоянно была азербайджанская песня «Суреяя», которую в свое время, любил петь народный артист СССР Рашид Бейбутов..

— Шалум, а на какую песню в твоём исполнении, приходилось больше аплодисментов ?

— Аплодисменты, — говорит певец, — доставались всем. Только вот на юбилейных концертах, посвященных Великой Отечественной, рекордсменов в этом плане становились песни «День Победы» и «Ордена». Певец исполнял их и на всероссийском конкурсе военно-патриотической песни.

Посчастливилось Шалуму петь в одной концертной программе с таким великолепным исполнителем, как Владимир Мигуля, любимцем публики Евгением Винокуром, прославленным артистом Вячеславом Тихоновым и другими мастерами сцены. Вскоре вместе с окончанием срока солдатской службы, закончилась и песенная карьера в Краснознаменном ансамбле. Он мог бы и остаться: было много заманчивых предложений. Предлагали и квартиру, и приличный заработок, но душа рвалась на родину, в старый Дербент.

После службы в его жизни появились другие творческие коллективы. Появился и свой собственный: вокально-инструментальный ансамбль «Шалом Алейхем».

Шалуму, в какой-то мере, всегда везло на умных и понимающих песню и музыку людей. В первый раз это был Гена Гилядов. А вот во второй раз таким человеком оказался известный на Северном Кавказе предприниматель Рома Гаврилов. — кавалер почетного ордена «Золотой Орел». Он очень много помогал, делал все возможное, чтобы певцам и музыкантам создать приличные условия для работы. Рома был как бы попечителем ансамбля и од-

новременно его самым одаренным продюсером . Он был очень занятым человеком, но, кажется, песня действовала на него магически: он бросал все и приезжал на концерты ансамбля. Именно он, Рома Гаврилов, сделал этому творческому коллективу, которым возглавлял Шалум Пейсахов, волшебный подарок: привез как туристов на самолете своей фирмы в Израиль. А еще было то, что запомнилось на всю жизнь: прямо в самолете дали импровизированный концерт, на котором талантливым конферансье был незабываемый Рома Гаврилов.

Ханан Нив (Нувахов): поселенец, живущий в «ромашке»

О нем я не раз писал в центральных русскоязычных газетах. Одно время он возглавлял кавказский штаб «Израэль ба алия». Это было несколько лет назад, когда авторитет партии Щаранского был на высоте. Моя первая встреча с Хананом и состоялась тогда в доме Щаранского в Иерусалиме

Через несколько дней после этой памятной встречи, Ханан пригласил меня в кавказское поселение «Хинанит», где он тогда жил, да и живет и по сей день. В Хинаните, что переводится, как «ромашка», Ханан живет давно, чуть ли не с первого года своего приезда в Израиль. Ханан много и увлеченно рассказывал о Хинаните, об арабских поселениях, которые его окружают

Из его рассказа я понял, что «Хинанит» — это поселение горских евреев в северной Самарии. Здесь Ханан живет свыше 20 лет. Учился, служил, работал. На первый взгляд, простая и обычная биография. Но это только на первый. На самом же деле, все обстоит по другому. Уже одно то, что Ханан столько лет живет на этой горячей точке, где в любую минуту может произойти что угодно, говорит о его мужестве. Бок о бок с ним живут еще 60 семей — таких же мужественных, как он горских евреев — выходцев с Кавказа.. Не каждый человек согласится жить в таком опасном месте, несмотря на дешевую квартиру и живописное место. Вокруг арабы. Поди отгадай, что у них на уме.

Но, как говорится, волков бояться — в лес не ходить. И кавказцы, уже давно привыкшие к любому исходу, живут и работают здесь, рожают и воспитывают детей. Свыше 10 лет Ханан возглавлял в Хинаните поселковый совет. И всегда находил с людьми общий язык, никто не выходил из его

Бенсион Исаков («Карандаш»): его знал в лицо каждый

Те, кто жил в Баку лично знавали, или хотя бы не раз слышали об этом удивительном человеке. Может быть, в столице Азербайджана были и другие «двойники» с таким же именем и даже с такой фамилией. Может быть. Но этого, которого друзья из-за его небольшого роста по дружески окрестили «карандаш», никто, никогда и ни с кем бы не перепутал: слишком он был известен, и слишком узнаваем, и также слишком почитаем. А еще был слишком деловым и рискованным. Человек, который не боялся ничего и ничего — таким запомнился Бенсион Исаков своим близким, да и просто чужим людям, которым хоть раз в жизни довелось с ним повстречаться на дорогах жизни.

Бенсион Исаков, как и большинство умных людей, действительно был маленького роста, и кличка «карандаш». данная ему однажды друзьями, так и сохранилась

Бенсион Исаков (второй справа) с сыном Адиком (в центре)

Бенсион Исаков с женой

за ним до конца его дней. Он был не только умным человеком, но и большим юмористом, который в другой раз не прочь был подшутить над кем хочешь. И поэтому никогда не обижался и не держал зла на друзей, наградивших его этой забавной кличкой.

Историй и приключений, которых он познал на своем веку, хватило бы на дюжину детективных романов и повестей. Даже в ту страшную эпоху засилья ОБХСС и КГБ, Бенсион неплохо «крутился»: он умел ладить с этими блюстителями порядка и «борцами» с расхитителями народного добра. Но при всем этом, никогда лишний раз не «рисовался», а вел себя, как говорил один из персонажей Райкина, как простой советский инженер, который никогда, как товаровед, не будет сидеть в первом ряду театра. , хотя у него всегда все было: и хлеб, и масло, и даже икра.

Это сейчас появилось модное слово «предприниматель». А еще говорят «бизнесмен». Бенсион был таковым еще в те жесткие андроповские времена: сумел развернуть на все 180 градусов масштабную коммерческую деятельность. Он понимал, что здорово рискует, но по своей природе он и был человеком риска. Но он никогда не был авантюристом. В нем жил азарт. Бенсион был мобилен, и

*Внук Бенсиона Максим,
названный в честь отца
Бенсиона*

умел просчитывать на несколько ходов вперед. А главное, умел делать деньги на пустом месте, там, где люди не замечая топтали их. Еще в те времена, когда некоторые люди и понятия не имели о большой коммерции, Бенсион стал пионером и первооткрывателем в этой области.

Казалось бы, все шло хорошо. Но вдруг пришло время Горбачева и время перестройки. А еще и время большой первой алии. Земляки стали покидать свои дома, веками обжитые места, дорогие сердцу могилы. Стала уезжать и родня

Бенсиона. Он не был из трусливого десятка. Но коммуникабельный человек, по отечески любивший всех, он тоже не удержался: подал заявление на выезд, в Израиль. Многие были удивлены этому решению. — Зачем ему Израиль? — недоуменно вопрошали они. Ведь ему и в Баку неплохо.

Этим недалеким людям был неведом его патриотизм и желание быть вместе с соплеменниками. Да, Бенсион был крупным бизнесменом для своего времени и для своего региона. Да, он был чрезмерно умен. Он прекрасно разбирался в законах предпринимательства у себя дома — в Азербайджане. Но он не знал жестких законов экономики на Западе. Он не знал волчьих законов конкуренции: один неверный шаг — и ты банкрот. Бенсион приехал сю-

*Внук Бенсиона,
названный в его честь*

Эсмира — жена сына Бенсиона Адика с дочерью Ираной

да с радужной надеждой «развернуться». Он привез в Израиль ткацкие станки, различное технологическое оборудование, сырье, большое количество транспортных средств, вложил уйму денег на открытие большого производства, набрал рабочую силу и хороших специалистов. Он был уверен в большом успехе предпринятого им дела. Он включил в дело всю свою неукротимую энергию. Но задуманное им дело, не получило своей раскрутки. Как умный человек и коммерсант, Бенсион понял безнадежность ситуации, в которой оказался. Он хотел создать новые рабочие места, и этим самым помочь своим соплеменникам выжить в трудной олимовской жизни. Но судьба еще один раз оказалась немилостивой к нему. Он «прогорел». А вскоре после этого, Бенсион Исаков («Карандаш») покинул землю обетованную. И, наверно, это о нем, о Бенсионе Исакове, сказано в святых еврейских писаниях: «Нам дано много трудиться, но не дано завершить труды свои».

Поэтесса Зоя Семендуева: «Пока я помню — я живу»

Мои года — мое богатство. Для поэтессы Зои Семендуевой, которая недавно отметла свое 70-летие, эта крылатая фраза могла бы стать эпитафией ко всей прожитой жизни. В эти дни она отмечает и другую знаменательную дату: прошло 55 лет с той поры, когда она, шестнадцати-

Зоя Семендуева в молодые годы

летняя девчонка, окунулась в прекрасный мир поэзии. Ровно 55 лет назад Зоя Семендуева связала свою жизнь со стихами и продолжает служить ее величеству поэзии и по сей день. Есть еще одно большое событие в ее судьбе: вот уже 10 лет, как она, дочь Кавказа, живет на новой еврейской родине.

Итак, поэтесса Зоя Семендуева. Разговор о поэзии, трудной судьбе горянки, встречах с незаурядными людьми, и, конечно о жизни на еврейской родине.

— Зоя, уроженка древнего Дербента, родом из Дагестана-страны поэтов. Одна за другой выходили ваши книги. И вы были женщиной, которая, скажем так, была окружена ореолом славы. И вот десять лет новой жизни совсем в другой стране и в другом мире: репатриантские проблемы, репатриантская жизнь, похожая на фронт... Осталось ли место стихам, творчеству?

— Дербент — это тоже Восток — легенда и живая история кавказского еврейства. Было всякое: и расцвет, и угон в рабство, и репрессии, и снова взлеты и признания. С Дербентом и Кавказом связана тысячелетняя история моих соплеменников: и моих предков. И вот десять лет другой жизни. Скажу откровенно, не очень легкой. Осталось ли место стихам? Ответ однозначный: осталось. Как ни странно, именно эта новая жизнь, так похожая на фронт, экстремальная обстановка как раз и располагает к поэтическому настроению. Многие думают, что женщина-поэт должна писать только о любви, цветах, луне. Лично я так не думаю. Поэзия должна быть мужественной, с человеческим лицом. Конечно остается. Любовь, всегда любовь-и в эти дни мира, и в дни войны. Но есть и другие ценности. Это вечное раздумье о жизни, о судьбе:

Говорила мне в детстве мама:

В небе есть и твоя звезда —

Я искала ее упрямо

И не видела никогда

(«Моя звезда»)

Зоя Семендуева

— Зоя, 55 лет поэтической работы или лучше сказать работы в поэзии, — это целая жизнь. С чего все началось?

— Пятьдесят пять... даже страшно произнести так много. А началось все в далеком 42-м, когда я читала свои первые стихи и пела песни перед новобранцами, уезжающими на фронты Великой Отечественной. Это была специальная агитбригада, в составе которого были и профессиональные артисты, и такие, как я «зеленые» поэтессы. Я хорошо помню этих молоденьких, безусых парней, только что облаченных в новые солдатские шинели. Я знала, куда они едут. Поэтому старалась петь им от души. Они были и первыми слушателями моих поэтических опытов. С тех пор тема войны остается одной из главных тем в моем творчестве.

— А, как сложилась ваша дальнейшая творческая судьба?

— Сложилась она счастливо. Судьба подарила мне встречу с моим будущим супругом Ахомом Семендуевым, который уже работал в дагестанском книжном издательстве. Это было давно, в далеком пятидесятом. Я стала редактором. И проработала в этом издательстве в разном качестве без малого 30 лет! Разумеется, что были в эти годы не только обыкновенные служебные встречи. Были и чисто человеческие добрые отношения, как было издавна традиционно принято на Кавказе. Среди таких людей я, в первую очередь, назвала бы народного поэта Расула Гамзатова, известную поэтессу Фазу Алиеву, Машидат Гаирбекову. С этими людьми я встречалась и на издательских собраниях, и на юбилейных Вечерах, и за щедро накрытым столом в теплой домашней обстановке. У меня было много дарственных экземпляров их книг с добрыми пожеланиями в творчестве и в жизни. Тогда была особая атмосфера дружбы. Это был настоящий интернационализм в действии. У меня самые добрые воспоминания о тех временах, хотя ничто не вечно под лунной луной: все течет, все меняется. Меняются времена, меняются и люди.

— Среди тех, кого вы назвали, нет ни одного человека с еврейским именем. Могли бы вы назвать одного-двух известных писателей из вашего кавказского «племени», с кем у вас были хорошие творческие контакты и добрые человеческие отношения?

— Я очень счастлива, что мне довелось долгие годы знать и сотрудничать на литературном фронте с таким талантливым поэтом как Сергей Изгияев, которому Всевышний отпустил всего 50 лет жизни. Его творчество было явлением в горско-еврейской литературе послевоенного периода. Песня на его стихи «Гюльбоор» стала как бы паролем для всей кавказской общины.

— Зоя, вы писали только на родном языке или пробовали свои силы и на русском? Это первый вопрос. И второй-кто переводил ваши стихи?

— Всегда надо делать то, что умеешь делать хорошо. Я всю жизнь писала только на родном горско-еврейском. Переводчиков было много. Конечно, в этом списке нет Якова Козловского, Наума Гребнева, Николая Грибачева. Но были другие, тоже талантливые ребята

— У вас вышло 10 поэтических сборников. Это книги, которые увидели свет на родине исхода или среди них есть и уже изданные в Израиле?

— Да, я автор десяти книг. Из них только одна единственная издана уже здесь, на новой родине. Это как бы избранное, книга в которую вошло все лучше, что написано мной за многие годы поэтического труда. Называется она «У обелиска». Книга на двух языках-родном горско-еврейском и русском. Но кроме этого мои стихи в разное время печатались в израильской периодике: в журнале «Избавление» и литературно-художественном альманахе «Звезда».

— Работаете над чем-то новым? И что это?

— Конечно, работаю. Как говорится, ни дня без строки. Это опять стихи. Я остаюсь верна своему призванию.

Хава Долев: восхождение к песне

Есть люди, которые выводят прекрасные сорта вин и коньяков, есть, которые выводят изумительную породу лошадей, и есть те, кто выводит нас землян на звездную орбиту. Но есть другие, особые люди, которые выводят на орбиту славы молодые таланты. Это настоящие искатели. В этом бесконечном поиске, весь смысл их удивительной жизни. Моше Гуэтта — один из них. Старшее поколение — дед, отец репатрировались из Триполи. Сам Моше родился здесь, на еврейской родине: он сабра. Моше — человек высокого творческого потенциала и не в меньшей степени — интуиции, человек, который имеет чутье на поиск и нахождение молодых гениев, обладающих незаурядными вокальными данными. Это чистая правда: многие из сегодняшних звезд эстрады — пропагандистов «мизрахи», обязаны своим творческим рождением этому человеку. Все они благодарны ему за это восхождение к песне, а значит, и к славе.

Этой славой, и этим восхождением обязана ему и молодая репатриантка с берегов седого Каспия и уроженка города со всемирной славой по имени Дербент, Хава Долев (Авдалимова). Она из большой семьи творческих самородков. Ее дед — Абраша Авдалимов — совсем недавно ушедший из жизни, был незаурядным певцом и драматическим артистом. В 1960-80 годы был художественным руководителем и главным режиссером горско-еврейского театра, слава о котором перешагнула далеко за пределы древнего Дербента, и о котором хорошо знали на всем Северном Кавказе. По семейной традиции, это увлечение музыкой и песней, и, вообще творчеством, перешло и к младшему поколению: прекрасным музыкантами-виртуозами стали его сын Папик и внук Саша.

Воистину, унаследовала творческие возможности своего знаменитого деда Хава Долев (Авдалимова) Сегодня по всем проведенным и проводимым опросам среди почитателей восточной музыки, она значится в престижном списке самых популярных молодых исполнительниц, обладающих своей манерой пения, изысканным репертуаром и редкими вокальными данными. Конечно талант — это всегда нечто божественное. Это — уникальное явление. А еще, очень такая ювелирная вещь. Очень важно не пропустит этот «момент истины». Хаве, в этом смысле, крупно повезло: она родилась и выросла в творческой атмосфере, в семье, где с песней и музыкой день начинался и с ними же он и завершался... Это не могло не сказаться на творческой натуре девочки. А потом была учеба в дербентском музыкальном училище, где Хава совершенствовала свои певческие возможности.

Пришла и к ней репатриация

Наверно, Хава Долев не только одна из талантливых молодых израильских певиц, но, вероятно, еще одна из молодых репатрианток. Она совершила алию всего семь лет назад: ей было тогда 17. Она уже тогда точно знала кем будет: певицей и только певицей. Конечно, талант — изумительное дело, но он может и погибнуть, если не помножить его на упорный, а порой и нечеловеческий труд. Это очень важное условие, если ты хочешь достичь высот в искусстве. А Хава поставила перед собой именно такое условие. Вообще, она считает себя везучим человеком. На ее пути всегда встречались добрые и порядочные люди, глубоко одержимые творчеством. Судьба и на этот раз была милостива к ней, и уже здесь на еврейской родине, она подарила ей эту памятную встречу, которая длится вот уже долгих семь лет А все началось с его величества по имени Случай. Ведь это чистая правда: вся наша жизнь — это эпизоды всевозможных случайностей. Так вот, в один из дней, Моше случайно услышал то ли по радио, то

Хава Додев

ли в самодельной записи несколько песен в исполнении совсем незнакомой девушки. Песни звучали на непонятном ему горско-еврейском языке, но это нисколько не смутило опытного «охотника» за талантами. Его покорило удивительный тембр голоса. Не в меньшей степени, его удивило и мастерство певицы. У Моше была своя студия звукозаписи, и он какраз искал таких самородков. Уже на другой день нашел адрес и переговорил с ее родителями. Конечно, было рандеву. И после нового прослушивания уже «вживую», началась совместная работа.

Все песни о любви

Совсем недавно я был в Хедере очень даже напоминающей Дербент. И первым человеком, который встречал меня, была Хава. Она со своей очаровательной улыбкой приветливо смотрела с десятков цветных афиш и, как гостеприимная хозяйка приглашала на очередной концерт. Это лето по прогнозам синоптиков обещает быть на редкость жарким. А летний гастрольный сезон Хавы Долев обещает быть куда жарче. Он кажется приобретает межконтинентальный характер: Америка и Германия, Россия и Канада — вот далеко не полный перечень стран, куда ей предстоит поехать с большой концертной программой. В этом гастрольном списке есть места, куда она приедет в первый раз. Это столица России — Москва, где сегодня живут и работают тысячи соплеменников из самого Дербента, и, разумеется, со всего Кавказа. Но аудитория ее слушателей и поклонников не ограничится, конечно, этими людьми. Москва всегда считалась столицей высокого искусства. В некотором смысле, для молодой израильской певицы Хавы Долев, эти гастроли в Москву станут неким творческим экзаменом, где она должна предстать перед ценителями настоящего искусства. Семь лет напряженной работы начали, наконец, давать свои плоды: один за другим в последнее время выходят ее песенные альбомы. Четыре из них только на иврите. Три других — это своеобразное песенное «ассорти»: Хава

поет на русском и горско-еврейском, турецком и английском. И не случайно, что в этих гастролях значится и Турция, как, впрочем, и родной Дербент и Махачкала.

Да здравствует любовь

Для Хавы это имеет принципиальное значение: она не поет все подряд, а строго и вдумчиво отбирает то, что близко ей как человеку и насколько предлагаемое отвечает настрою ее собственной души. «Петь то, что не нравится, это все равно, что носить одежду с чужого плеча», — говорит она, когда обычно кто-то начинает разговор на эту тему. В этом вопросе нет диктата: песни отбирает по своему вкусу сама певица. На это ей дано эксклюзивное право. И это право ей дал ее наставник и ее продюсер Моше, который спит и видит свою воспитанницу в зените всеобщей славы.

«Ты и я» — так назвала свой последний песенный альбом Хава Долев. В нем, как уже было сказано, все о любви. В чисто философском понятии, эта тема прочитывается гораздо глубже. И этот подтекст читается весьма отчетливо.

*Наставник Хавы и первооткрыватель ее таланта
Моше Гутта*

Любовь — это не только светлое чувство мужчины к женщине, но человека к человеку, одного народа к другому. Наука любви и ненависти олицетворяет мир таким, каким он есть. Но любовь не только целительный бальзам. Любовь — это и раны сердца, и ожидание, и вера, и надежда, и смысл жизни. Вот почему она стала для Хавы не только эпиграфом, но и девизом всего творчества на песенном поприще. Видимо, эта любовь по настоящему зажигает и сердца композиторов, которые пишут музыку к этим песням. И этот союз, одержимых искусством людей, — рождает прекрасные молитвы о любви, такие же волнительные, как псалмы Давида. Что ни имя, история и песенная эпопея. Взять хотя бы одного из этой легендарной плеяды: композитор Шмуэль Эльбаз — автор знаменитой песни «Шма Исраэль». В этом ряду и композитор Давид Дигман, и Еси Испан, и композитор старшего поколения Дани Шушан.

И неудивительно, что в последнее время имя Хавы Долев все чаще начинает появляться на концертных афишах городов в самом «необъятном» Израиле. Это говорит о большой востребованности и возрастающей популярности певицы. Совсем недавно она принимала участие в большом концерте, посвященном дню армии обороны Израиля. После ее выступления, началось невообразимое: люди, что называется, торопились раскупать ее альбомы и диски. В последнее время особое внимание к ней стало проявлять израильское телевидение. В первую очередь речь о 10 канале, который сейчас активно пропагандирует искусство молодой певицы: снимается фильм и этот же канал взял на себя организацию и проведение почти всех зарубежных концертов.

О возрастающей любви к молодой певице, урожденной Дербента, говорит многое. Не так давно Хава Долев удостоилась получить на одном из концертов памятный Кубок из рук самого президента страны Моше Кацава. А таких почестей удастаивается далеко не каждая певица. Это еще раз говорит о ее таланте.

Иосиф Данилов — первый и единственный из горских, покоривший Арктику

Сегодня он гражданин Израиля и житель Хайфы. В страну приехал сравнительно недавно: всего 6 лет назад. Уроженец знаменитой Красной Слободы. В 60-е годы был художественным руководителем Дома культуры в Хачмасе (Азербайджан). Одновременно там же создал самостоятельный драматический коллектив, который пользовался большим успехом не только у театральных поклонников этого небольшого городка, но и в многочисленных регионах Республики. В основном, работали на драматургии малых форм: ставили одноактные пьесы, различные шуточные интермедии.

Куба — Дербент: единое счастье — работа

С юношеских лет его неодолимо тянуло к искусству. Эта тяга была настолько сильной, что Иосиф и думать не мог о чем-то другом. Театр стал его мечтой. И она сбылась: он стал актером азербайджанского драматического театра в Кубе. И внешностью, и своими манерами, и кавказским темпераментом, ему сам Бог велел играть характерные роли. А когда в 1961 году в Дербенте «родился» новый музыкально-драматический театр горских евреев, разумеется, первым из приглашенных, был Иосиф Данилов. В том же 1961 году он поступает на режиссерский факультет ленинградского театрального института имени Островского. Но закончить учебу из-за болезни не смог.

По разному в нашей далеко непростой жизни складываются человеческие судьбы. По разному складывалась она и у Иосифа. Были взлеты. Были и огорчения. Но он всегда оставался в одном и том же амплуа: всегда играл характерные роли, ни разу не изменив своему творческому кредо. На вопрос — Что такое характерные роли? — отвечал так: вы когда-нибудь смотрели фильмы с участием Савелия Крамарова? Вот он и есть актер, играющий характерные роли.

Здравствуй, Арктика!

Человеческая судьба всегда непредсказуема. Не думал, не гадал Иосиф Данилов, что когда-нибудь он, горский еврей, окажется тем единственным человеком из кавказских, кому доведется, а скорее, посчастливится «покорить» Арктику. Ему повезло: он вместе с давними друзьями посчастливилось попасть на одну из знаменитых строек: строительство газопровода «Сияние Севера». А до этого были постоянные творческие гастроли по городам и столицам Кавказа: работал конферансье в дагестанской филармонии. Программы вел на 3-х языках: русском, горско-еврейском и азербайджанском. Неоднократно был участником различных фестивалей искусств. И вот новая арктическая эпопея. Шел 1976 год. Иосиф работает на мысе «Хорософей». Полярникам очень хорошо известно это место, расположенное за 72-й параллелью. В его обязанности, как и его товарищей, входило обустройство газовых месторождений. Приехав в Арктику на короткое время, Иосиф задержался здесь надолго: его «экспедиция» продлилась целых три года. Изъездил Север вдоль и поперек. Был и в Диксоне. Но полярная эпопея не заглушила в Иосифе Данилове творчества. В 1997 году он в Москве. И снова в его жизни возник театр. На этот раз — театр массовых представлений. Проработал здесь Иосиф до самого своего отъезда в Израиль.

Роберт Абрамов, двери которого всегда открыты для соплеменников

Кавказская община — это настоящая кладовая одаренных личностей. Одаренный, вовсе не означает, что человек обязательно должен быть изумительным поэтом, или ученым — гением. Он может быть одаренным в любой области человеческого деяния — и в политике, и в экономике, или даже просто быть хорошим организатором и подвижником. При этом, возраст не имеет никакого значения

Роберт Абрамов — один из таких мобильных молодых лидеров из кавказской общины, во весь голос заявивший о себе в последние три-четыре года. Он репатрировался в Израиль, как и многие его соплеменники, из старинного города по имени Дербент. Уже здесь служил в частях ЦАХАЛа. За хорошую службу имеет ряд благодарностей и памятные знаки отличия. Уже здесь успел закончить университет. Его специальность — экономика и финансы. В настоящее время имеет вторую академическую степень. Роберт не только преуспевающий финансист. Уверенно продвигается он и по партийной «лестнице»: он член партии «Ликуд». На прошедших муниципальных выборах выдвинул свою кандидатуру на пост мэра Ор-Акивы. Однако, взвесив ситуацию, дал самоотвод в пользу своего земляка Симхи Есипова, как более опытного человека, проработавшего в системе муниципалитета более 18 лет и старшего по возрасту. Здесь тоже проявилась его порядочность и чисто кавказская ментальность.

Отдавая дань уважения другим, достойным лидерам, и ничуть не умоляя их значения, без преувеличения Роберт — один из перспективных людей общины. Он имеет хорошие деловые связи с известными политиками, общест-

Роберт Абрамов

венными и религиозными деятелями Израиля. Отрадно отметить, что этот молодой кавказец привержен ко всем еврейским обычаям и традициям. Несмотря на молодость, успел проявить себя во всех сферах политической и общественной жизни. Прекрасный семьянин. О нем тепло отзываются не только соплеменники живущие в Израиле, но и многие авторитетные люди в диаспоре. По многочисленным опросам общественного мнения, имеет высокий рейтинг лидера и общественного деятеля. И не случайно, что по месту работы, занимая пост заместителя мэра, Роберт курирует не только вопросы финансов, но и вопросы социальной защиты граждан. Он помог и помогает многим репатриантам найти работу, дает ценные консультации по самым актуальным вопросам И в этом смысле, он интернационалист высшей пробы, которому близка и понятна чужая боль.

Юда Давидов — человек, который знает куда плыть

Знакомьтесь: Юда Давидов — репатриант 90-х. Уроженец старинного города Дербент. Пару лет назад отметил круглую дату — свое сорокалетие. Выпускник Ивановского государственного университета. Специальность: историк-обществовед. В Израиле с 1995 года. Был советником образовательного фонда «Ор ле-Ноар».

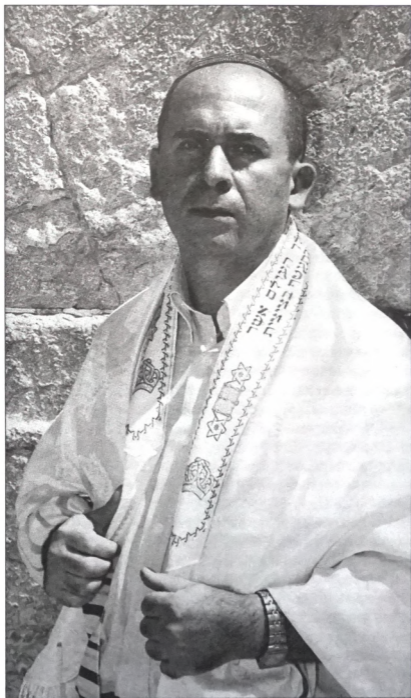
Сегодня Юда Давидов — ответственный работник ирии Ор-Акивы.

— Юда, разумеется, вы не сразу стали советником такого престижного фонда. Что было в вашей жизни до этого назначения?

— Было много учебы. Были курсы по языку, десяток других курсов гуманитарного профиля, в том числе и профессионального назначения, защита диплома по образованию на вторую степень и т. д. В этом же списке и учеба по управлению бизнесом для лиц, имеющих высшее образование, курсы лидеров.

— Теперь коснемся главной темы нашего разговора: что из себя представляет ваш проект в общих чертах? Это — один момент. И второе: в каких городах и поселениях он уже получил надежную прописку и кто уже задействован в нем?

— Речь, конечно о прошлом, хотя контакты остались. Проект был многоступенчатый, действует и сегодня. Он предполагает устройство кавказских детей в школы-интернаты по всей стране. При этом оплата — минимальная. Дети из малообеспеченных семей имеют определенные материальные льготы. Кроме того, в местах проживания горских евреев набираются группы детей для дополнительных занятий по ивриту, математике, английскому, истории и традициям еврейского народа. Проект рассчитан

Юда Давидов

на длительный срок. К его реализации подключены отделы абсорбции и отделы образования и соцобеспечения. Кроме учебы в специальных интернатах и дополнительных занятий, проектом предусмотрена практическая материальная и методическая помощь. Есть еще одно преимущество этого проекта: для кавказских детей предусмотрены летние лагеря отдыха, проведение коллективных бар-мицв и бат-мицв, предоставляется бесплатное питание, транспорт и другие существенные услуги.

— Юда, сейчас, когда в стране царит экономический кризис, есть «дыры» в бюджете, ходит много разговоров относительно сокращения большого числа преподавателей. Помогает ли ваш проект в получении рабочих мест, скажем, преподавателям из числа выходцев с Кавказа или людям из других общин?

— Конечно. Проект с самого начала рассчитан на это, поскольку мы как бы «убиваем» двух зайцев сразу: даем учеников с хорошими знаниями и даем рабочие места людям с высшим педагогическим образованием, по тем или иным причинам не имеющим работу. Стараемся, чтобы это были в основном кавказцы. Это очень важно, когда речь идет о маленьких группах и ребятах младшего возраста.

— Одно время у выходцев с Кавказа была очень большая проблема: был страшно низким процент получения багрута в школах. Как сейчас? Изменилось ли это положение и как обстоят дела в этом плане в системе образования «Ор ле-Ноар»?

— Хороший вопрос. Одно время, действительно, положение было критическим. Слава Б-гу, потихоньку дела меняются в лучшую сторону. Сказывается время и понимание, что без хорошей и прочной базы знаний нет никакой перспективы в будущем. Это одно. Теперь: откуда взять эти знания? Дополнительные занятия, предусмотренные проектом, и позволяют усваивать ребятами, слабо воспринимающими учебную программу, «дорастить» до уровня сильных учеников. Они изначально в совершенстве овладевают всеми предметами, что и позволяет им в конце учебы получить высокий багрут. В наших школах

он доходит до 45 единиц. Конечно, будет преувеличением сказать, что проблема получения багрута полностью снята с повестки дня. Эта проблема еще значится. Говорят, время — лучший целитель. Со временем мы постараемся найти бальзам и от этой плохой болезни.

— Юда, вы уже вплотную вошли в процесс реализации этого кавказского образовательного проекта. Вместе с вами в нем участвуют и другие люди, в основном выходцы с Кавказа. Кого из таких преподавателей вы могли бы сейчас назвать?

— Сразу же хочу сказать, что в Израиле образовательная система «Ор ле-Ноар» охватывает не только детей из кавказской общины, но из всех других. Это я говорю к тому, чтобы меня не поняли однобоко, якобы, «Ор ле-Ноар» целиком обслуживает только кавказских детей. Теперь относительно самого вопроса. Среди работающих с кавказскими детьми я бы назвал преподавательниц Светлану Давыдову из Иерусалима, Эллу Авнилову из Кирьят-Яма, Миру Шаулову из Нетании. Все они одновременно являются и координаторами по своим регионам и, конечно, проводят колоссальную работу.

— Юда, вас, конечно, хорошо знают и по жизни на родине исхода на Кавказе, успели узнать и по жизни здесь, на новой еврейской родине. И тем не менее, по общепринятой традиции, гостю и собеседнику положено представляться. И мы тоже не станем отходить от этих правил.

— Я — уроженец старинного города Дербент. Закончил дербентское педучилище. Потом была служба в армии, после которой я продолжил свою учебу: поступил в Ивановский государственный университет на исторический факультет. Еще в студенческие годы работал воспитателем интернационального общежития, где проживало более 500 человек. После учебы была интересная работа в районном муниципалитете (райисполкоме) Дербента. С 1995 г. живу в Израиле. За эти восемь лет я успел закончить несколько престижных курсов. В этом списке значится и курс лидеров. Имею вторую академическую степень. Женат, отец семейства.

— Некоторое время назад ваше имя значилось в списке претендентов, желающих «взять» кавказское объединение «Итахдут оле Кавказ» — структура общественная. Вся работа построена на добровольных началах. Правда, есть одна привилегия; избыток головной боли и бесконечные хлопоты, и бесконечная нервозность. В связи с этим один не очень корректный вопрос: для чего вам нужно было все это?

— Очень хороший вопрос. Да, это верно, люди, как правило, борются за «жирные» места там, где есть хорошая зарплата, за престижную вакансию. Но никогда не бывает так, чтобы кто-то пошел за здорово живешь травить себе нервы. Это к тому, что при моем положении, я всегда в состоянии найти, скажем так, «теплое» местечко, где хорошо платят. Так, зачем мне, действительно, ломать копья? А вот я ломаю. И не потому что я какой-то дон Кихот. У меня очень сильно болит сердце, когда я вижу ребят из кавказских семей не получивших «багрут», когда их родители не могут получить достойную работу, когда на глазах умирают культура, искусство и горские обычаи и традиции. А еще оно болит потому что на горских евреях до сих пор навешивают всевозможные ярлыки. Кто-то должен помочь людям общины.

— Постучим по дереву и предположим, что все проекты и планы воплотились в жизнь. Это те самые проекты, о которых упоминалось выше. Насколько все это это позволит кавказской общине поднять свою «планку»: можно надеяться, что появятся больше культурных центров, больше образованных людей, депутаты Кнессета, а главное, меньше станет ярлыков?

— Думаю, что «да». Когда у нас появится хотя бы один большой культурный центр всеизраильского масштаба, когда у нас больше станут проводить знаменитые своим гостеприимством кавказские Вечера, когда у нас, как у Льва Леваева из бухарской общины, появятся свои газеты и журналы, то и все израильское общество будет воспринимать горских евреев с большим уважением. Вот тогда мы почувствуем эту солидарность, а значит и всяческую поддержку.

Доктор Шаулов — врач-целитель и солдат

Шаулов Шаул Гаврилович родился 18 апреля 1918 года в поселке еврейской Слободы (ныне — Красная Слобода) Кубинского района Азербайджанской ССР в семье мелкого торговца.

В 1937 году получил среднее образование в городе Баку и поступил в Азербайджанский медицинский институт. В 1942 году после окончания института был мобилизован на фронт. Имея в руках диплом врача, прошел от города Бологое до Берлина, был в составе разных фронтов: Северо-Западного, Ленинградского, Прибалтийского и, наконец, — 1-го Украинского; прошел путь от врача батальона до командира сан. роты полка.

Шаулов в чине гв. капитана медицинской службы демобилизовался 24 июля 1946 года. Он приехал в Азербайджан, в свою родную Красную Слободу, женился на своей возлюбленной девушке по имени Тирсо, восемь лет работал в своем районе хирургом в районной больнице.

В 1954 году, по состоянию здоровья, Шаулов перешел на должность детского врача и 43 года работал педиатром. Шаулов Ш.Г. имеет благодарности от министерства здравоохранения СССР.

В 1996 году он вместе с женой и детьми переехал на постоянное жительство в Израиль. С этого времени является членом Комитета ветеранов войны. С первых месяцев пребывания в Комитете ветеранов Шаулов выступал перед ветеранами со своими воспоминаниями об эпизодах войны.

С 1998 года Шаулов стал добровольцем Сохнута. В его задачу входило посещение больных ветеранов на дому, а порой и в больнице. Он делится с этими людьми своим душевным теплом, беседует с лечащими врачами.

Шаал Шадов

*Встреча двух родных братьев 15 октября 1945 года
в Будапеште*

Во время войны, на фронте, будучи военным врачом, Шаулов получил два ордена и ряд медалей. И в Израиле он получил три медали — две из них — израильские, а одна — юбилейная — к 50-летию со дня основания Государства Израиль. Совсем недавно он ушел из жизни.

В 2001 году Шаулов выпустил свою первую книгу «Особое поручение», в которую вошли фронтовые эпизоды. Вторую книгу автор также назвал «Особое поручение».

Вячеслав Алхасов: приглашение на «Эйхал-тарбут»

Этот кавказец, поменявший теперь свою московскую квартиру и шумную столицу на тихий Ашкелон, заслуживает всяческих похвал и даже дружеских комплиментов. У Вячеслава отличный послужной список. В Москве он был преподавателем по классу дирижирования и игры на народных инструментах.

Очень похвально, что именно он стоял у истоков всенародно любимого фестиваля солдатской песни. Похвально, что именно он, Вячеслав Алхасов был организатором больших марш— парадов духовой музыки в Москве. И он же дирижировал сводным духовым оркестром московской области.

И вот Вячеслав Алхасов — новый репатриант, кавказец и бывший москвич живет теперь в Израиле и руководит духовым оркестром городской филармонии «Камера-

та — Ашкелон». И не только руководит, но и выступает с сольными номерами, исполняя на аккордеоне популярные мелодии композиторов разных эпох и времен. Оркестр, руководимый им, постоянный участник всех музыкальных лекторий и филармонических концертов, всегда собирающий полные залы. Как знаток и музыкант высокого класса, Вячеслав с особой тщательностью и вкусом подбирает репертуар, отбирает наиболее значительные, а порой и забытые произведения композиторов прошлого. Вот почему эти концерты проходят с таким интересом и при большом стечении поклонников старинной музыки.. Это увертюра к опере Верди «Набукко». Это Деламагер и Эрнест Вебер. В этом списке есть и современные музыкальные произведения. Это фантазия на тему песен «Хавва Нагилла», марш израильского композитора Шемера «Махар», произведения Андрея Петрова. Но, как истинный музыкант, он не любит заикливаться на одном и том же: он постоянно «освежает» репертуар новыми популярными сочинениями. И можно с уверенностью сказать, что творческая абсорбция Вячеслава Алхасова идет на высшем уровне.

Яков Ильягуев — поэт и партизан Эллады

Яков Ильягуев

Его биография вобрала в себя много радостного, а еще больше горестного: бедное детство и добровольный уход на фронт. И это сразу после свадьбы и женитьбы по любви. А потом фашистский плен и бесстрашный побег, тяжелая жизнь партизана в отрядах Сопротивления, и снова лагерь. Только на этот раз свой — советский. Он бок о бок с греческими партизанами сражался с ненавистным врагом в горах Эллады.

У него было не только бедное, но и очень тяжелое детство: ему было всего 12 лет, когда он стал зарабатывать на хлеб: работал чистильщиком на дербентском рынке. А на школьных каникулах подрабатывал в колхозе. В 1928 году в Дербенте стала выходить республиканская газета горских евреев «Захметкеш». И здесь юному поэту Якову Ильягуеву посчастливилось познакомиться с такими известными людьми, как журналист Асаил Бинаев и писателем Даниилом Атниловым. В 1939 Яков становится солдатом Второй Мировой. А в первые же месяцы грозного 41-го вместе со своим батальоном оказывается во вражеском окружении. И, как следствие, плен. В одном из лагерей для военнопленных он встречает земляков из Дагес-

тана. В 1943-м он оказывается в Греции. Яков быстро сроднился с греческими партизанами. Они стали ему, как братья.. Однажды он предпринял самое что ни есть дерзновенное: решился на побег из фашистского плена. План удался. И вот теперь он в отряде Сопrotивления. Сражается, как настоящий горец и джигит. Он знает, что каждая партизанская акция мести, приближает заветный день победы. И вот она пришла. Это случилось в памятное 9-го мая. Партизаны радовались, как дети. А многие из них плакали.

Но для Якова эта радость была короткой: он попадает из одного лагеря в другой: из немецкого в советский. Яков не чувствовал за собой никакой вины. Через непродолжительное время он был оправдан, и за неимением улик, освобожден. Он возвращается в родной Дербент, в семью, к матери, жене и сыну, которого еще ни разу не видел. А в далеком 1948 временно переезжает в только что отстроенный город Избербаш — в прославленный город нефтяников. Только временное затянулось на целых 50 лет.

Всю жизнь он проработал в системе торговли, ни разу не изменив своему поэтическому призванию. Он писал и печатался в различных газетах и журналах. Один за другим выходили его поэтические сборники. Среди них: «Нас было семеро», «Годы жизни», «Сыны Дагестана». Он был гуманистом чистейшей пробы, человеком, страстно влюбленным в литературу. Он любил жизнь, ибо очень хорошо знал, что такое смерть.

Много лет назад Яков вместе с семьей совершил алию и стал репатриантом. Его, солдата, видевшего на своем веку всякую всячину, не пугали трудности олимовской жизни, хотя даже ему приходилось порой не сладко. Он продолжал творить и на новой еврейской родине. Писал и печатался. Многие из почитателей его поэтического дара в Хедере, где он жил, с удовольствием читали его стихи на страницах газеты «Пульс». Якова Ильягуева уже нет в живых. Но поэты не умирают. Они живут в своих стихах и в памяти многочисленных поклонников настоящей поэзии.

СОДЕРЖАНИЕ

Роман Бадалов: доктор кавказоведения	3
МАРУСЭ	
Повесть о матери: не умирай раньше солнца	6
Рав Ицхак Бен-Яков и его сын рав Яанкиль — светила кавказской духовности	102
Братья Ханукаевы, которые дружили с императором Николаем Вторым	104
Мататьягу Богатырев и Соломон Мордехаев — соратники Теодора Герцля	107
Асаф бен Раби Итом (Пинхасов): раввин, принявший смерть	109
Абрам Дадашев: великий человеколюбец, познавший людское зло	112
Мардахай Овшалум: певец, поэт, бунтарь	116
Михаил Бен-Герарий — кавказский «Монте Кристо»	121
Илья Анисимов — кавказский «Колумб», открывший горских евреев	127
Исай Иллазаров: подвиг и бессмертие	133
Шативиль Абрамов — прославленный джигит из горских	138
Богдановка: «Бабий Яр» горских евреев	140
Екутиэль Адам — вечно живой генерал	144
Альберт Агарунов — герой Азербайджана и солдат, ушедший в бессмертие	146
Гюльбоор Давыдова: женщина из песни	148
«Штирлиц» из Дербента по имени Мукдоши, который познал немецкий концлагерь и все «прелести» КГБ	151
Отец и сын Ифраимовы	159
Ему рукоплескал весь мир	164
Телман Исмаилов: милосердный человек из кавказского дома	169
Академик Гавриил Елизаров — горский еврей, который спас великого Брумеля	173

Доктор Соломон Исраилов — человек, который дарит семейное счастье	176
Ами Нив — обладатель «черного» пояса и создатель еврейского стиля рукопашного боя	182
Роман Гаврилов: человек и легенда	187
«Легендарный разведчик Мехти Гусейн был моим другом»	189
Еврей из Шахдага: диалоги с Нострадамусом	193
Сказание о кавказском хлебе	197
У бога милосердия каникул не бывает	200
Просто мама Мария	203
Рафик Агарунов: свой человек в Израиле	209
Джюльетта Агарунова: наедине с песней	214
Сергей Изгияев: поэт, не знающий забвения	219
Юра Рахамимов: хлебосольный кавказец с улицы Седова	221
Мэр вашему дому: Симха Есипов — первый из горских, «взявший» муниципалитет	225
Роман Бадалов: доктор кавказоведения в журналистской мантии	229
Бениамин Ифраимов: министр, ставший репатриантом	233
Анатолий Нахшунов — свой человек во власти	238
Яша Мошияхов: поэт от Бога	243
Лазарь Рафаилов — человек с другой стороны моста	245
Ровшан Рагимов — художник, рисующий загадку	251
Закир Рафаилов — внук раввина и фармацевт, не признававший лекарств	256
Шимон Елизаров: целитель, которого боятся... недуги	260
Кавказский дом, где говорят с Богом	266
Хизгил Авшалумов: «отец» Шими Дербенди	271
Борис Нафталиев — человек, который был вхож в семью Брежнева	275
Шмуэль (Сархан) Симан-Тов: еврей, ставший евреем	281

На войне, как на войне	283
Рассказ о горском еврее Якове Ифраимове, который, победив на муниципальных выборах, вошел во власть. Сегодня он заместитель мэра	286
И дольше века длится день, или откровенная беседа с Алексом Шапиро	291
Академик Юрий Алхазов: похвальное слово чаю	296
Гаврил Михайлов: кубинец, которому не суждено было стать героем СССР	299
«Большой» факир по имени Орен, который восхищает зрителей, и которому всего одиннадцать	302
Случайность, ставшая делом жизни	306
Театр кавказской песни, в котором есть место всем	309
Джумшуд Ашуров — композитор, которого благославил великий Узеир Гаджибеков	312
Саадия Пейсахов: меня спасла музыка	314
Хануко Илизаров: разговор с гармонью	317
Шалум Пинхасов: свидание с песней	319
Ханан Нив (Нувахов): поселенец, живущий в «ромашке»	323
Бенсион Исаков («Карандаш»): его знал в лицо каждый	326
Поэтесса Зоя Семендуева: «Пока я помню — я живу»	330
Хава Долев: восхождение к песне	335
Иосиф Данилов — первый и единственный из горских, покоривший Арктику	341
Роберт Абрамов, двери которого всегда открыты для соплеменников	343
Юда Давидов — человек, который знает куда плыть	346
Доктор Шаулов — врач-целитель и солдат	351
Вячеслав Алхасов: приглашение на «Эйхал-тарбут»	354
Яков Ильягуев — поэт и партизан Эллады	356

Роман Бадалов, или как его справедливо называют в Израиле, доктор Бадалов, — известный поэт, прозаик и журналист. Член союза писателей Израиля. Его творчество давно знакомо и российскому, и израильскому читателю. Он — автор ряда интересных книг прозы и поэзии, среди которых наиболее известны «Иду на огонь», «Живу на войне», «Кавказские тосты» и «Похищение Семендера». В свое время, две книги автора были представлены на соискание государственных премий в области литературы. На родине исхода это «Иду на огонь», здесь, на новой родине, «Живу на войне».

Как публицист печатался в «Литературной газете», в «Известиях», «Комсомольской правде», «Российской газете» и во многих других изданиях. С 1995 года живет в Израиле.

Роман Бадалов — интернационалист по духу и своему мировоззрению. И тем не менее, кавказская тема остается для него главной.

Контактный телефон 050-755-60-59